

Виктор ЯРОШЕНКО

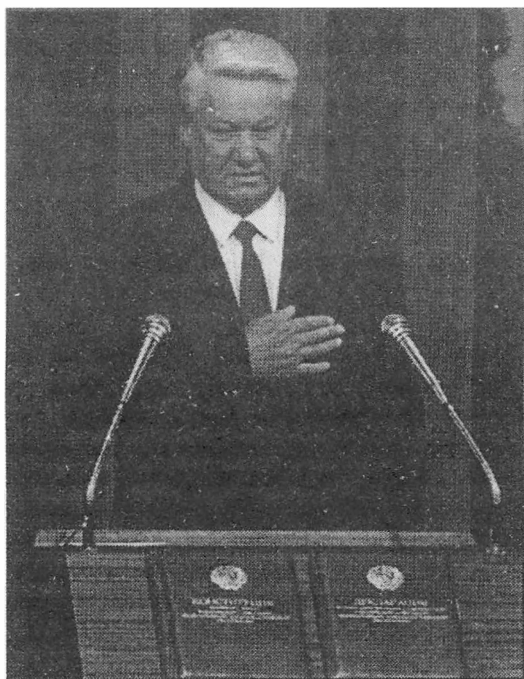
Виктор ЯРОШЕНКО

ЕЛЬЦИН: Я отвечу за всё

Ельцин: Я отвечу за всё

*Оксане
посвящается*

*Июль 1991 года.
Присяга Президента народам России.*

Виктор ЯРОШЕНКО

ЕДЬЦИН: Я отвечу за всё

Москва
1997

ББК 66.3(2)
Я-77

Я-77 *В.Н.Ярошенко*
Ельцин: Я отвечаю за всё

М., Редакция журнала «Вокруг света», 1997. — 192 с.

ISBN 5-87260-043-7

Эта книга повествует о драматических и триумфальных годах истории нашего Отечества. Автор, один из соратников Бориса Ельцина со времени их совместной работы в Межрегиональной депутатской группе, вспоминает о событиях, участником и свидетелем которых он был — зарубежных поездках Ельцина в США, Японию, Грецию, Испанию, днях августа 1991 года, первых шагах правительства новой России, о том, как нелегко было Ельцину, и кто в самое трудное для него время не боялся ему помогать.

Я — 0803010200—51 без объяв.
В 38(03) — 97

ББК 66.3(2)

В книге использованы фотографии из личного архива автора, снимки из газет, любительское фото и видеосъемка.
Фото на обложке Д. Донского.

ISBN 5-87260-043-7

© В.Н.Ярошенко, 1997.

От автора

Россия переживает сегодня революционные изменения исторических масштабов. И хотя они носят в основном объективный характер, роль личности в российской истории традиционно остается очень высокой.

Такой личностью в нашей истории уверенно стал Б.Н.Ельцин, возглавивший в конце восьмидесятых годов демократическое оппозиционное движение в СССР и ставший впоследствии первым Президентом России. Я не ставил перед собой задачу дать хронологию жизни и борьбы Ельцина. Нет.

Этим пусть займутся историки, которым предстоит дать непростую оценку тем неоднозначным процессам, которые происходили и происходят в нашей стране.

Автор не претендует, разумеется, на истину в последней инстанции и прекрасно понимает, что все описанное в книге невольно прошло сквозь призму его понимания и отношения к тому, свидетелем и участником чего он оказался.

Я взял за правило не описывать того, чему сам не был свидетелем, иначе легко ввести в заблуждение и себя и читателей. Фотографии также носят весьма

нейтральный характер и служат лишь фоном для описываемых событий.

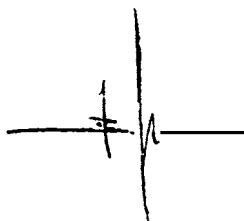
Эта книга — своего рода взгляд изнутри на драматические события в жизни Ельцина и России, которые со стороны могут видаться совсем иначе.

Власть предержащими Ельцину было оказано такое мощное, организованное и отчаянное сопротивление, как будто сама система почувствовала, что на политической арене появился ее могильщик.

Несколько раз, хотя это мало известно, будущий Президент был на краю гибели, и не только во время мятежа.

Судьба этого человека и его семьи не просто драматична, но трагична. Им суждено до последних своих дней быть в центре политической борьбы, предметом интриг, клеветы, заговоров и нападок. Но он никогда не отступит, скорее отдаст свою жизнь за дело, которому ее посвятил. На Ельцине лежит колоссальная историческая ответственность, и каждый его шаг тщательно и критически изучается под микроскопом. Он прекрасно понимает, что историю невозможно переписать с черновиков — ее делают только один раз. Начисто.

И дай Бог, чтобы он как можно меньше ошибался и в конце концов победил!

**Сентябрь 1989 года.
Кто же пустит
ЕЛЬЦИНА в США ?!**

*США, 9 сентябрь 1989 года, Нью-Йорк.
Аэропорт им. Дж. Кеннеди, первые минуты на американской земле.*

9 сентября аэропорт Шереметьево-2 был переполнен. Длинные очереди на таможенный досмотр казались бесконечными. Шумно и невероятно утомительно.

— Может, пройдем через депутатский зал? — предложил Лев Суханов.

— Нет, будем стоять, как все, — категорично отверг предложение своего помощника Борис Ельцин, занимавший тогда должность первого заместителя председателя Госстроя, что соответствовало рангу министра.

«Сколько же сил у этого 58-летнего человека ? ! — невольно подумал я. — Практически первый полет за границу, да еще в такую непростую страну — Соединенные Штаты. Фантастическая по сложности программа. Пережить до этого так много, что хватило бы на десятки жизней, до сих пор опальный, но сколько уверенности в своей правоте, сколько мужества».

Времени было предостаточно, и воспоминания о непростом пути, приведшем меня к знакомству с этим зачастую бескомпромиссным, но искрометно умным человеком — Ельциным, заставили пережить все заново.

...Ельцин давно уже был опальным. Его мнение резко расходилось с суждениями многих членов Политбюро ЦК КПСС. Он стал «бывшим» секретарем ЦК КПСС, «бывшим» первым секретарем Московского горкома партии, «бывшим» кандидатом в члены Политбюро. Ельцину позвонил Горбачев и предложил

пост первого заместителя председателя Госстроя СССР. Зная его деловые качества, Горбачев не сомневался, что с таким напором и умением Ельцин обязательно поставит уже привычный для всех долгострой на быстрые рельсы.

Много позже в одной из бесед со мной Борис Николаевич с присущим ему чувством юмора вспомнил:

— А ведь когда Горбачев позвал меня, то строго предупредил: «В политику не пушу, не надейся!» Такой расчетливый, трезвый аналитик, каким он себя считал, допустил непростительный промах — бунтаря решил приручить!

Задолго до личного знакомства с Ельциным я однозначно понял, что это настоящий и единственный необходимый России лидер. Идеи и планы этого «политического изгоя» были мне очень созвучны.

Предвижу вполне закономерный вопрос: какова причина написания моей книги, ведь давно изданы воспоминания самого Ельцина?

По прошествии нескольких лет, перечитывая книги Ельцина, я понял, как немногословно и скромно он рассказал о драматичности многих событий. Невольно в памяти всплыли известные строки: «Лицом к лицу — лица не увидать, большое видится на расстоянии...»

Рискну вкратце рассказать о себе. На мой взгляд, когда лучше знаешь человека, описывающего исторически значимые события, намного больше ему доверяешь.

Своей задачей я не ставил привлечь внимание описанием «пикантных подробностей» из жизни первого президента России. Это не будет идиллическое восхваление Ельцина. Несомненно, о мужестве и честности главы нашего государства поведают многие, ранее нигде не опубликованные факты. Что касается Ельцина, то ему уже не избежать многовекового интереса со стороны историков, объективного суда самой истории... Не

скрою, у нас были и расхождения во взглядах. Назову лишь одно из них, наиболее существенное. Отношение к Горбачеву. После Октябрьского Пленума ЦК КПСС 1987 года Ельцин всячески критиковал его. Я не являюсь сторонником такого резко отрицательного отношения к бывшему президенту СССР. Начало, положенное Горбачевым, мы просто обязаны назвать исторически отважным шагом. Раньше таким людям при жизни ставили памятники. Конечно, нельзя несогласиться с оценкой Ельцина, что Горбачев практически поставил страну на грань краха, но, возможно, этому во многом способствовало и его окружение. У Горбачева не хватило сил пойти дальше, реально оценить происходящее и достойно вовремя уйти из политики.

В одной из наших бесед Ельцин заметил:

— Знаю, знаю, опять будете говорить о его (Горбачеве) исторической миссии.

— Но факты — упрямая вещь, — возразил я.

— Ладно, — примирительно сказал Ельцин. — Давайте лучше об экономике поговорим.

...В экономику я пришел не сразу и очень непросто.

Уже в последних классах учебы в школе мне не давал покоя вопрос: «Отчего не только моей семье, но и миллионам других работающих семей живет так трудно?» Подолгу читал книги об истории нашего государства как об одном из богатейших в мире. Что же произошло?! Слушая политиков, все чаще обращал внимание на не совсем правильную речь, их многочисленные обещания, которые почему-то с годами забывались и никогда не выполнялись.

Первое, наиболее болезненное столкновение с действительностью произошло у меня в 18 лет, когда я твердо решил пойти учиться в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). Именно там готовилась элита нашего общества, способная, как мне казалось, все изменить к лучшему.

Сейчас, сталкиваясь в жизни с бывшими выпускниками МГИМО, я вижу, что на самом деле они прекрасно существуют и процветают при любом строе, служат любому хозяину и не нуждаются в переменах к лучшему.

Когда много лет назад я пришел поступать в МГИМО, заполнил анкету и ее прочитала сотрудница приемной комиссии, то каким-то седьмым чувством понял: к «элите» явно не принадлежу. Мне уже тогда неоднократно объясняли сведущие люди, что поступление в этот вуз — это конкурс «уважаемых и высокопоставленных» родственников. Но я верил в свои силы. Из возможных 25 баллов набрал 24,5. На сочинении мне поставили пол-ошибки: дважды написал слово «дело» в начале и конце сочинения. Желание бороться, обида на страшную несправедливость, конечно, были. Но в то время я понимал: с такой великолепно отлаженной машиной бюрократии и чиновничества мне пока не справиться.

Затем началась долгая трудовая жизнь: работа на ЗИЛе (завод им.Лихачева) и одновременно учеба во ВТУЗе (Высшее техническое учебное заведение); начальник отдела информации завода — поступление на экономический факультет того же института, Академия внешней торговли. Продолжая работать, поступил в аспирантуру Центрального экономико-математического института, защитил диссертацию и стал кандидатом экономических наук. Неоднократно мои знакомые спрашивали:

— Зачем тебе это нужно? Чего не хватает? Прилично зарабатываешь. Мы и не учась столько же получаем.

Вот тогда-то и возникла у меня крамольная мысль: «А почему получаем одинаково: работаешь ли ты из последних сил или устраиваешь длинные перекуры, ни о чем не задумываясь, и все поровну?!»

Возможно, еще острее стало стремление заняться политикой, попытаться что-то изменить в нашей жизни к лучшему.

Через несколько лет меня пригласили на работу в одно из крупнейших научно-производственных объединений на должность заместителя директора по экономике. К тому времени я окончил вечерний факультет Академии внешней торговли.

Первый глоток свободы, который дал Горбачев, тогда многих воодушевил. Я не был исключением и, когда были объявлены независимые выборы в народные депутаты СССР, сам выставил свою кандидатуру.

Работал я в 11-м округе — это сектор Красной Пресни, улица Горького и прилегающие к ним жилые и промышленные зоны. То, что ни партком, ни райком или другие партийные организации никакого отношения к моему выдвижению неимели, естественно, вызвало резко негативную реакцию со стороны партократов. Прежде всего она выразилась в том, что меня не хотели регистрировать. Я понимал, какой тернистый путь мне предстоит, но спустя много лет не отступил, не забыв свое поступление в МГИМО. Видимо, выработалась стойкая закалка.

Несмотря на то, что я собрал необходимое количество голосов, избирательная комиссия не включала меня в списки кандидатов до самого последнего дня. А возвращаясь к первому заседанию избирательного собрания в нашем округе, вспоминаю, как я, поднимаясь на сцену, споткнулся, оказался тринадцатым, стульев же на сцене было почему-то двенадцать, да и к тому времени их успели занять «уважаемые» кандидаты от компартии.

В 11-м округе жила семья Ельциных. Младшая дочь Бориса Николаевича — Татьяна присутствовала на избирательных собраниях, где я выступал, отвечая на не всегда корректные вопросы. Она приняла мою сторону. Как позже рассказал Ельцин, впервые о таком кандидате-«вольнодумце» он узнал от нее. Во время предвыборной кампании один телевизионный комментатор, узнавший о моей программе, предложил выступить по

Центральному телевидению. Ему понравилась моя концепция новой системы налогообложения. Ее основной смысл: не душить нарождающихся работающих предпринимателей, а помогать им.

Но не всем мое «кандидатство» было по душе. Неоднократно взламывали мои старые «Жигули», обливали бетоном, оставляли в почтовом ящике угрожающие записки, пытались всячески запугать по телефону. Однако меня поддерживали очень многие, кто слушал выступление по телевидению, на собраниях и поверил в реальность предложенной программы. Так, после ожесточенной борьбы я был избран народным депутатом СССР.

После окончания предвыборной кампании организовался оппозиционный Московский депутатский клуб, а потом и Межрегиональная депутатская группа, в которой сопредседателем был Ельцин. В нее вошли те депутаты, кто не желал возвращаться в прошлое, всячески поддерживая идею свободы и демократии. Там я впервые лично познакомился с Ельциным. Беседовали почти час.

— О вас слышал много лестного от дочери. Хотя и доверяю ее мнению, настороженность все-таки была. Обещают сейчас много, а вот толку пока никакого, — сразу же начал он. — Ваша программа мне по душе.

Как личность Ельцин произвел на меня очень сильное впечатление: волевой, с почти космической реакцией на все интересное, достойное внимания. Работая вплотную с ним, я отметил одно из удивительных качеств этого человека: он никогда не стеснялся и не считал зазорным спрашивать о том, что требовало специальных знаний и учебы. Дотошно расспрашивал о тонкостях экономической политики, умел слушать собеседника, никогда не прерывая.

До выборов я неоднократно бывал за границей. Знание французского языка (учеба в спецшколе), постоянное изучение других языков во многом способствовали тому, что я многое узнал о жизни за рубе-

жом. Перед вторым туром выборов неожиданно для самого себя «выиграл» поездку в Соединенные Штаты. В начале 1989 года Фондом инноваций был объявлен конкурс на лучшую статью по экономике. Я написал ее, четко сформулировав концепцию будущей налоговой системы. Моя статья была опубликована в самой массовой и обязательно читаемой в то время газете «Правда». Так я вошел в десятку победителей конкурса.

В США я впервые не в теории, а на практике столкнулся с рыночной экономикой. Тогда-то и понял, что все мои предвыборные лозунги и программные выступления были достаточно наивны на фоне той реальной действительности. Вместе с Павлом Воцановым — будущим пресс-секретарем Президента России, который также являлся победителем конкурса, решили сделать все возможное, чтобы Ельцин посетил Соединенные Штаты и лично убедился в перспективах непривычной для нас рыночной экономики.

Реакция Ельцина на подобное предложение была как, всегда весьма, логична:

— Побывать в Штатах просто необходимо, самому увидеть, что же правда, а что привычная «антикапиталистическая пропаганда». Но только кто же пустит меня «к акулам империализма»? А вдруг я увижу много недосказанного «товарищами по партии» и не дай Бог — обнародую это? — иронически заметил он. — И не забывайте о Горбачеве...

Действительно, в то время Ельцин находился в «информационной блокаде». С большим опозданием, но Горбачев понял, какую мощную силу представляет Ельцин. Доступы к прессе и на телевидение, радио были ему перекрыты.

Дважды мне удалось организовать его интервью с иностранными журналистами, но в СССР его по-прежнему никто не слышал.

Нас — это тех, кто открыто поддерживал Ельцина (хотя тогда таких было немного), не остановили многочисленные отказы сверху и хождение по чиновникам. Мы нашли другой, наиболее оптимальный путь.

В июле 1989 года я встретился с известным американским журналистом Джеком Андерсеном — тем самым, который провел независимое расследование «Уотергейтского дела», стоившего президенту США Никсону его поста. Он оказался на редкость коммуникабельным и доброжелательным собеседником. Когда я предложил ему принять участие в организации визита Ельцина в Соединенные Штаты, Андерсен охотно согласился, добавив, однако:

— В России меня всегда поражали две вещи: роскошное, почти королевское гостеприимство и невозможность выезда за границу не только простому русскому человеку, а даже преданному партии, высокопоставленному чиновнику. Все от меня зависящее я сделаю, но прежде хотелось бы встретиться с самим Ельциным. Так много разного о нем говорят и пишут.

Теперь предстоял разговор с Ельциным. Надо было договориться о встрече с Андерсеном.

— И спрашивать нечего, — сказал он. — С таким человеком всегда интересно познакомиться. Только я сильно сомневаюсь, что его приглашение как-то повлияет на решение ЦК. Мою судьбу решают «сильные мира сего», — невесело заметил он и вновь оказался прав.

Пригласить Ельцина в Соединенные Штаты с частным визитом могла лишь какая-либо солидная организация, отказать которой — значило для руководства ЦК «потерять свое лицо», так гласит китайская мудрость.

Как внезапный подарок судьбы — такая организация нашлась.

Исполнительный директор Института «Эсален» — Джеймс Гаррисон, занимающийся советско-американ-

скими обменами, лично привез приглашение в Москву. Энергичный и радушный американец разработал обширную программу, рассчитанную на две недели. Выступления Ельцина должны были проходить во многих городах Америки, университетах, административных учреждениях, а также перед известными политиками и бизнесменами. Единственное, что меня немного настораживало во время встреч с Гаррисоном: он никогда не смотрел собеседнику прямо в глаза. Его взгляд как бы изучал окружающее, но не говорящего с ним человека.

Помню, в детстве мне, шестилетнему мальчишке, дед говорил: «Не глядишь в глаза, значит, что-то за душой держишь».

Но я понимал, что осуждать Гаррисона за подобное поведение просто нелепо. Главное: какое важное дело он сумел организовать.

Когда соглашение о визите Ельцина в США попало в руки чиновников аппарата ЦК, к цели визита придраться было невозможно. В нем говорилось:

«...Поездка будет иметь своей целью участие г-на Ельцина в мероприятиях, которые координируются комитетами Конгресса США, имеющими отношение к его профессиональным интересам и обязанностям в области строительства и архитектуры; для установления политических, экономических и научных контактов с соответствующими лицами и организациями; а также для проведения лекции по теме: «Пути развития советской демократии».

Г-н Ельцин приглашен членами Сената и Палаты представителей США, Фондом братьев Рокфеллеров, Фондом Форда, колледжем Оберлин, университетом Джона Хопкинса и Институтом «Эсален».

Не перестаю удивляться, как ловко у нас умели «аморочить голову никому неизвестными инструкциями, постановлениями, распоряжениями. За два дня до отлета у Ельцина не было выездной визы. Те, от кого это зави-

село, менялись чуть ли не ежечасно. Всякий раз, будто отвечали роботы, повторялась одна и та же хорошо заученная фраза: «Завтра во второй половине дня все будет готово». В то время все зарубежные выезды обязательно рассматривались на специальных партийных заседаниях. В данном случае это решение принимали руководители ЦК КПСС.

Время бесследно утекало как вода в песок. Тогда я рискнул и позвонил ответственному работнику ЦК, твердо заверив его:

— Если визу Ельцину не дадите, иностранные журналисты завтра же получат прекрасную возможность еще раз поведать всему миру о «железном занавесе» в России.

Ровно за сутки до отлета выдали выездную визу, но только на одну неделю. Ельцину позвонили из ЦК КПСС и объявили: «Через неделю Пленум ЦК по сельскому хозяйству, и Вам необходимо на нем присутствовать».

— Вот уж поистине безграничное лицемерие! — не выдержал тогда он. — Никому ненужный «бывший» — понадобился на Пленуме!

Разговор с Гаррисоном только усилил эмоциональный накал. Мы тотчас сообщили ему, что виза дана всего на неделю и в такой короткий срок невозможно полное выполнение намеченной программы.

С милой улыбкой Гаррисон довольно жестким тоном возразил:

— У нас в Соединенных Штатах привыкли всегда выполнять данные обязательства. К сожалению, менять программу слишком поздно. Придется меньше спать.

Узнав о подобной реакции, Ельцин спокойно произнес:

— Наверное, он прав. В чужую страну со своим уставом... Полетим и на месте все решим.

Полетели мы вчетвером: Ельцин, Суханов, Вощанов и я.

Полет длился более 11 часов. Никто не спал. Ельцин

писал и переписывал будущие выступления. Часто советовался с нами по вопросам, которые его смущали. Во многом ему помогала феноменальная память. Несмотря на то, что он по работе встречался с сотнями людей, помнил их имена и отчества, никогда не забывал дни рождений многих сотрудников, друзей, хороших знакомых, ко всем обращался только на «вы».

В Соединенные Штаты прилетели ночью. Через три часа — на 7 утра — запланировано выступление Ельцина по американскому телевидению в одной из самых популярных программ: «Доброе утро, Америка!».

В большом номере престижной гостиницы, который предоставили Ельцину, наша немногочисленная команда решила собраться для уточнения последних деталей интервью. Когда мы открыли дверь, то практически замерли на пороге: батарея бутылок виски, джина, ликеров заполнила столы и столики, искусно расставленные по всему номеру, не говоря о холодильнике.

— Входите, не стесняйтесь, — пригласил нас Ельцин. — Полюбуйтесь на американское гостеприимство для «русского мужика».

Гнева в его интонации не было, только нестерпимая досада и боль. Очередной удар по сердцу.

Все, кто прилетел с Ельциным, были намного моложе его — почти на 15 лет. Я сразу вспомнил о моем отце — ему тоже довелось много пережить.

...В 1945 году он вернулся с фронта, пройдя войну от первого до последнего дня. Заслуженный офицер в 26 лет стал беспомощным инвалидом — более чем наполовину парализованы обе руки и ноги. Результат одиннадцати ранений. Его ждала девушка — моя будущая мать, с которой он познакомился по переписке. Тогда многие молодые девушки писали раненым бойцам в госпитали, чтобы морально поддержать, помочь им выжить. Они рассказывали о себе, посылали фотографии.

Мои родители вскоре поженились, и в 1946 году родился я. Несколько лет отец провел в изнурительной, ежедневной борьбе со своим недугом. Я вырослел и начинал понимать, как отчаянно он преодолевает выпавшие на его долю испытания.

Вскоре он поступил в институт, а через несколько лет возглавлял большой завод. Правда, до сих пор ему не просто ходить и писать.

Я чувствовал, как нелегко будет Ельцину в Америке. В шесть часов утра он приехал на студию, где ему объясняли, как обычно проводится популярная программа «Доброе утро, Америка!». Ее смотрят более 55 миллионов телезрителей в 84 странах мира.

Начался прямой эфир. Вопросы, как пули, пытались найти наиболее уязвимые места в высказываниях будущего Президента России.

— Как Вы относитесь к Горбачеву? Ведь раньше Вы были почти друзьями?!

— Почему Вы везде «бывший»?!

— Почему Вы не оставите политическую арену? Разве у Вас есть перспективы?!

Ельцин отвечал немногословно, но очень четко. По моему, интервью намного больше изнурило ведущего, чем интервьюируемого.

Сразу же после выступления Ельцину принесли какую-то бумагу и попросили подписать. Переводчик объяснил, что это гонорар за интервью. Ельцин не произнес ни слова, встал и вышел из студии.

В гостинице, куда мы приехали только на полчаса — на 8 часов была запланирована его поездка на Уолл-стрит, разразилась буря.

— Вы что, предупредить меня не могли об этой провокации?! — сурово произнес Ельцин. — Так вот о каких баснословных гонорах, за которыми я еду в Америку, вещала накануне моего визита радиостанция «Свобода»?! Спасибо, удружили.

— Поверьте, Борис Николаевич, — как можно убедительней пытались мы объяснить ему. — Это международная практика. За выступление политиков даже меньшего ранга в Америке обязательно полагается гонорар. Таковы правила. Уверяем вас — вполне цивилизованные.

— Хотите сказать, что я мыслю коммунистическими категориями, — саркастично заметил он.

Сделали вид, что не поняли его. Все с последней надеждой посмотрели на меня.

— Надо учитывать и немалый процент от этой суммы, который берут организаторы на покрытие своих расходов, — решил я ввести в действие экономические аргументы. — Кроме того, перелеты, гостиницы, автотранспорт, переводчики, переговоры — все это стоит очень дорого. За все надо платить. Откровенно говоря, только с помощью этих гонораров Вы будете экономически независимы от наших спонсоров.

— Ладно, — неохотно согласился Ельцин. — Но не все же деньги уйдут на это, — резонно заметил он.

— Верно, Вы давно говорили о необходимости поддержки фонда «АнтиСПИД», — сказал я.

— Идея хорошая, — наконец поддержал Ельцин и с неподдельной радостью произнес: — Мы поступим еще лучше. На все, что останется от этих гонораров, купим одноразовых шприцев для детских больниц.

Вздых облегчения вырвался у всех почти одновременно, и Ельцин от души рассмеялся.

Первое впечатление Ельцина от Америки было ошеломляющим.

— Все сделано так, чтобы не только привлечь внимание, но и поразить изобилием, роскошью и головокружительным темпом жизни. Это же настоящая «шоу-страна». Красочная, продуманная реклама.

Поездка в американском метро энтузиазма у него не вызвала.

— Как-то мрачно, да и чистоты бы побольше, — отметил он.

В 9 часов отправились на Нью-йоркскую фондовую биржу, где прошли переговоры о создании с помощью американцев аналогичной биржи в Москве.

Меня не переставала поражать способность Ельцина вникать в суть дела и принимать наиболее разумные решения по вопросам, о которых только вчера мы длинно и пространно рассказывали ему. Он мгновенно запоми-

США, Нью-Йорк, 22 сентября 1989 года.

Один из 100 ящиков (100.000 одноразовых шприцов), поставленных в детские клиники за счет гонораров Б.Н. Ельцина. (Слева направо: Ярошенко, Алференко, Воианов)

нал новые для себя понятия. Так, во время одной из наших очередных бесед Ельцин сказал «американские инвеститоры». Немного погодя, пересказывая его фразу, я намеренно усилил интонацию, произнеся — «американские инвесторы». Он кивнул головой. С тех пор Ельцин говорил только «инвесторы». И таких примеров было немало...

В 11 часов он дал интервью Дану Радзери в получасовой передаче последних известий телекомпании Сиби-эс. Ни в одном из своих выступлений Ельцин не повторялся.

Полчаса на отдых — и на этот раз встреча с высокопоставленными чиновниками в Совете по внешним сношениям США. Вопросы следовали один за другим. У меня создалось впечатление, что Ельцина пытаются «загнать в угол», «раззадорить» и увидеть не трезвого, разумного политика, а «русского варвара». Всюду нас сопровождала толпа журналистов и телерепортеров. Им никогда не отказывали в участии в той или иной встрече. В конце концов Ельцин сдержанно, но жестко сказал:

— Если вы ждете от меня каких-либо политических скандальных признаний, то попусту теряете время. На все вопросы я отвечаю совершенно откровенно. А дописать можно что угодно, — добавил он, обращаясь к журналистам.

На обеде, устроенном руководством Совета по внешним сношениям, ни журналистов, ни двусмысленных вопросов не было.

В 14 часов Ельцин выступил в телепередаче «Час новостей». Опять честный рассказ о событиях, происходящих тогда в Советском Союзе.

В 17 часов — лекция в институте им. Гарримана при Колумбийском университете. Первые несколько минут в аудитории царила атмосфера настороженности и явного недоверия.

— Если хотите, — выждав долгую паузу, произнес Борис Николаевич, — я расскажу вам о своем детстве.

Молчание. Никакой реакции.

— Тогда о юности, — с той же спокойной интонацией продолжил он.

Незначительное оживление, но опять нарочитая отстраненность.

— Хорошо, — добродушно улыбаясь «ледяной» аудитории, сказал Ельцин. — Значит, о первой любви.

Зал ожил. Чудо свершилось.

Тогда я понял главное. Ельцин четко знал: именно здесь ни за что нельзя отступить, каких бы нервных затрат это ни стоило.

Вспомнил, как в одной из бесед он рассказал: «Характер у меня закалялся с детства. Сила не всегда заключается в мускулах. Недаром говорят: «За одного битого двух небитых дают».

Детство... Перед ним сидели сотни молодых, уверенных в себе американцев. Вряд ли кто-то из них представлял себе, что такое коммунальная квартира или полуголодное детство. Но у каждого наверняка в самом начале жизни был случай, который во многом определил характер. Со мной это произошло в 10 лет.

...В то лето я впервые побывал в пионерском лагере, где очень подружился со своим ровесником Костей. Правда, девчонки за симпатичную внешность прозвали его Котиком. Он был веселый и дружелюбный парень. За день до нашего отъезда из лагеря на прощальную линейку пришли местные ребята из соседней деревни и начали задирать, пихать Костю, вызывая его на драку. Я за него вступился, хотя их было человек пять. Досталось мне тогда здорово. Но самое обидное заключалось в том, что Кости, Котика, рядом не оказалось. Он попросту сбежал. Позже, когда злость и досада на Костю утихли, пришло радостное откровение: тебя могут побить, но не победить...

Ельцину неоднократно приходилось испытывать и борьбу, и предательство. Но он никогда не сдавался — я это точно знаю.

После выступления в институте им. Гарримана, в 19 часов, Борис Николаевич присутствовал на ужине с руководителями ведущих американских компаний. Его пригласил Дэвид Рокфеллер. Почему я пишу — присутствовал, потому что Ельцин не успевал поднести еду ко рту, как один вопрос сменял другой. Так и хотелось крикнуть: «Где же ваши манеры, господа?! Это же не машина, не робот, а человек — пусть сильный, крепкий, но человек!» Я все-таки не выдержал и одному бизнесмену, которого хорошо знал, «намекнул» о своих впечатлениях. На непродолжительное время «атака» прекратилась.

Поздно ночью мы вылетели в Балтимор, где рано утром Ельцина ждали в университете им. Джона Хопкинса.

Вместо еды в номере университетской гостиницы стояли одни бутылки.

— Они, наверное, здесь все на «горячительной» диете, — сказал Ельцин, прекрасно зная об идущем «на запись» каждом его слове.

Его постоянно провоцировали.

Поспать удалось не более двух часов.

На следующий день было запланировано более 10 встреч. И каждая — как ходьба по минному полю. Не знаю, намеренно или нет, но многие мероприятия по времени совпадали. Тогда я ехал вместо Ельцина и также попадал под град вопросов. Так, в 7 часов утра я встречался с мэром Балтимора Куртом Симоне и его коллегами. Позже, когда Ельцин беседовал с сенатором Брэдли, я выступал перед сотней представителей политических и деловых кругов Соединенных Штатов. Через несколько часов ехал на другую ответственную встречу — и так каждый день.

Ельцин, конечно, хотел встретиться с президентом Джорджем Бушем. Но мы все понимали: вряд ли это будет возможно. Ельцин являлся не политическим дисси-

дентом, а лидером первой оппозиционной Горбачеву, которого так поддерживали за рубежом, фракции.

— Если не струсит, то пригласит, — еще до поездки сказал Ельцин.

12 сентября, после шестой встречи, позвонили из администрации президента и пригласили его в Белый дом. У меня не вызывало сомнений, что Буш и Ельцин найдут общий язык. Когда встречаются два умных, дальновидных политика — им есть о чем поговорить.

США. 15 сентября 1989 год.

Б.Н. Ельцин выступает в университете им. Джона Хопкинса.

Позже Борис Николаевич поехал в клинику им. Майо, где после операции находился бывший Президент США Рональд Рейган.

— Умница и прекрасный собеседник, — поделился своими впечатлениями Ельцин. — Странно, почему Горбачев одно время называл его «круглым дураком»?! При нем экономика пошла вверх, да и американцы русских медведями называть перестали.

Каждое утро, до встречи с Ельциным, мы старались просмотреть как можно больше американских газет. Три дня ничего оскорбительного или особо недоброжелательного не было. Но на четвертый день появилась статья в «Вашингтон пост», которую мы решили не показывать Ельцину. И без того слишком большой нервной нагрузке он подвергался ежедневно.

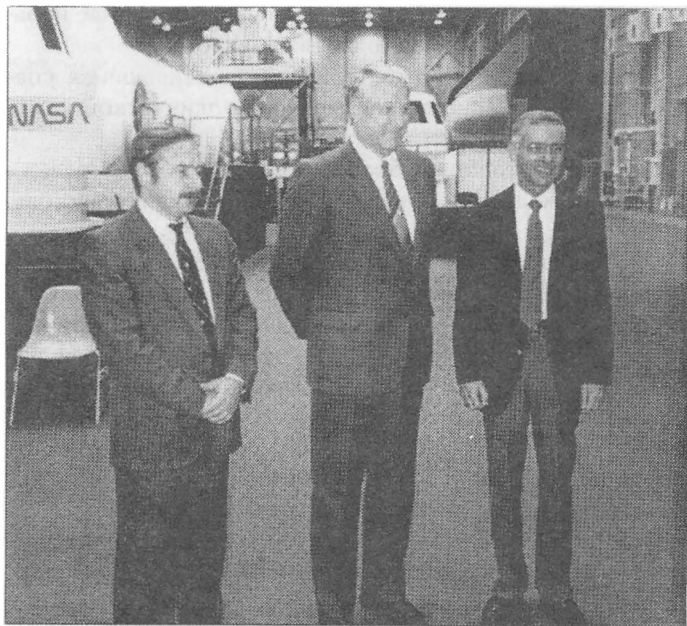
Корреспондент Пол Хендриксон, выделявшийся среди других журналистов неизменной голливудской улыбкой, писал:

«Борис употребляет борщ.

Пьяные медвежьи объятия Ельцина для капиталистов».

Это было похоже на чудо, что он мог стоять прямо, быть привлекательным и говорить настойчиво. Виной тому не только два часа, которые отводились для сна. Причина в количестве виски «Хеннесси», которое он опрокинул за ночь. Водка — это хорошо. А как насчет «Джека Дениэлса» с черной этикеткой в стране свободных? Да, и к тому же кварту (0,95 л) с половиной. Это подтверждают те, кто видел бутылки. И это были не горничные. Это были высокопоставленные чиновники из университета Джона Хопкинса. Борис Н. Ельцин, советский народный политик, непревзойденный поглотитель спиртного, радикальный законодатель и член Верховного Совета, человек, который говорит «нет» своей системе, прошел вчера по большому Балтимор-Вашингтонскому коридору, покачиваясь и вышагивая с гордым видом, трубя, как фагот, играя и обнимая, предупреждая о гибели своей системы. Это был третий день поездки, лишенной сна и полной намерений взять Америку штурмом. Его сообщения о состоянии советской

экономики Михаила Горбачева, которое выражается в растущей нехватке самых основных продуктов питания на полках продовольственных магазинов, продолжало звучать катастрофично. Его жесты будто скопированы с хроники вашингтонской жизни, что удивляет. Политический диссидент, которому 58 лет и который когда-то был близким союзником Горбачева, а теперь критикует его удивительно дерзко и постоянно, оставаясь при этом сторонником перестройки, передвигался в блестящем лимузине и в

*США, Хьюстон, сентябрь 1989 года.
В космическом центре «НАСА».*

паре простых черных русских ботинок, у которых, казалось, к подошвам были приделаны ролики».

Мы напрасно обольщались, что статья пройдет для Ельцина незамеченной. Американцы, обожающие сенсации подобного рода, не преминули тотчас среагировать на нее. Произошло все в тот же день.

Нашу делегацию пригласили посетить «образцово-показательную» свиноферму Джима Хардина, расположенную неподалеку от Индианаполиса. Хозяин с гордостью показывал Ельцину прекрасно налаженное хозяйство. Внутри свинофермы была почти стерильная чистота. Джим Хардин подхватил новорожденного поросенка и передал Ельцину. Журналисты, следовавшие за нами буквально по пятам, мгновенно среагировали, и этот снимок обошел всю Америку. Курьез последовал сразу же, как поросенка передали хозяину. От ярких вспышек, обилия людей, непривычного шума несчастное, испуганное животное испачкало Хардинга, вызвав дружный смех собравшихся гостей. Ельцин негромко сказал мне:

— Кое-кто в Москве будет сильно сожалеть, что это был не я.

Хардинг предложил нам пройти в дом, заранее извиняясь:

— К сожалению, у меня нет Вашего любимого «Джека Дениэлса».

О статье Ельцин тогда не знал, поэтому никакой реакции не последовало. Только на обратном пути он спросил:

— А кто этот Джек Дениэлс?

Пришлось рассказать о публикации в «Вашингтон пост».

— Чего же раньше не сказали? — сердито сказал он. — Побоялись, что на такую чепуху среагирую?! Самы знаете, и похуже клевета была.

За день до отлета в Москву, после многочисленных встреч с различными политическими и экономическими деятелями г. Майами, вечером решили пой-

ти искупаться — ненадолго расслабиться, забыв о постоянном напряжении. Побережье не освещалось, а южные ночи, как известно, отличаются редкостной темнотой. Вода была восхитительной, почти бархатной. Правда, не покидало чувство, что мы плаваем не одни. Неподалеку от Ельцина поднялась небольшая волна.

— Вот неугомонные журналисты, — рассмеялся он. — Даже здесь не оставляют в покое.

*США, Майами, 17 сентября 1989 года.
Посещение православной церкви.*

Рано утром, перед отлетом во Флориду, еще раз пошли искупаться. Перед входом на пляж стоял огромный щит, предупреждавший: «Осторожно! Акулы! Купаться категорически запрещено!». Все сразу вспомнили вчерашнюю волну шутку Ельцина.

Чувство юмора даже в этот момент не изменило ему.

— Теперь мне действительно жаль, что с нами вчера не было того корреспондента из «Вашингтон пост». Ну, да Бог с ним. Рискнем еще раз?

США, Майами, 17 сентября 1989 года.

Ельцин подписывает протокол о передаче всех гонораров от выступлений в США на закупку одноразовых шприцов.

(Слева направо: Воинов, Ярошенко, Ельцин, Алференко.)

Возражений не последовало. Колеблющиеся в нашей команде не прижились бы.

17 сентября — последний день пребывания Ельцина в США. Сердечные проводы в аэропорту, где состоялось подписание «Меморандума о намерениях». Комментария он не требует.

«МЕМОРАНДУМ О НАМЕРЕНИЯХ

Меморандум констатирует соглашение между Борисом Н. Ельциным и Джеймсом А. Гаррисоном по вопросу об использовании чистой выручки, полученной г-ном Ельциным за благотворительную деятельность в ходе его визита в США 9 — 17 сентября 1989 года:

1. В соответствии с американской деловой практикой г-ну Ельцину положена чистая выручка. Г-н Ельцин наотрез отказался получить какую-либо прибыль.

2. По указанию г-на Ельцина вся чистая выручка будет исключительно и специально использована для предотвращения СПИДа в СССР.

3. Советско-американская программа обменов ЭСАЛЕН использует всю чистую выручку на покупку соответствующих медицинских средств. ЭСАЛЕН намеревается поставить в СССР этих средств, в особенности одноразовых шприцев с иглами, на сумму 100 тысяч долларов.

4. Г-н Ельцин и Фонд социальных инноваций СССР согласились предоставить помощь в распределении всех медицинских средств в Советском Союзе.

Подписано в Майами 17 сентября 1989 года.

Борис Н. Ельцин

Джеймс А. Гаррисон».

Американская печать — о поездке Бориса Ельцина в США

«Ельцин поражает филадельфийскую аудиторию...»
(«Филадельфия инкуэйр» от 13 сентября 1989 года).

«Завершив свое пятичасовое пребывание в столице встречей с государственным секретарем Джеймсом А.Бейкером, сибиряк вышел к своему лимузину с улыбкой и видом победителя» («Нью-Йорк таймс» от 13 сентября 1989 года).

«Эйфория американцев по отношению к перестройке ошибочна. Перестройка в опасности, и ее надо спасать» («Чикаго трибюн» от 13 сентября 1989 года).

«Борис Ельцин — «анфан террибль» советских политических кругов» («Филадельфия инкуайэр» от 14 сентября 1989 года).

«Когда Ельцина спросили о коммунизме, он самодовольно и цинично усмехнулся и исключил возможность будущего для социализма, сказав: «Забудьте об этом, это лишь мечта. Не следует пытаться претворить ее в жизнь». Когда спросили его Мнение относительно создания новой политической партии, он ответил: «Когда люди захотят этого, я буду с ними». И это говорит член Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза» («Пиплз дейли уорлд» от 21 сентября 1989 года).

«Он не человек, находящийся в плену общепринятой мудрости, — говорит мэр Балтимора Курт Шмоук, — а его помощники могли бы стать предметом зависти любого американского политика» («ЮэСэй тудей» от 15 сентября 1989 года).

«Он ни разу не отозвался слишком сурово о президенте Михаиле Горбачеве» («ЮэСэй тудей» от 15 сентября 1989 года).

«В течение многих лет, — объяснял он, — советские руководители делали вид, что строят социализм, а люди делали вид, что они работают» («Хьюстон кроникл» от 16 сентября 1989 года).

«Сложились также заслуживающие цитирования «ельцинизмы», которые он вновь и вновь пускал в ход:

— мне всегда говорили, что американцы неотесанны, грубы и злонамеренны. Я же убедился, что они трудолюбивы, доброжелательны и благонамеренны;

— коммунизм — это всего-навсего идея, нечто такое, что можно допустить в мыслях, но не вздумайте осуществить это где-либо на земле» («ЮэСэй тудей» от 16 сентября 1989 года).

«Непрекращающаяся боль в горле и температура сдерживали Бориса Ельцина во время его визита в Даллас в пятницу, что, однако, не помешало ему продолжить свою резкую критику отдельных советских должностных лиц» («Даллас морнинг ньюс» от 16 сентября 1989 года).

«...Это было похоже на чудо, что он мог стоять прямо, быть привлекательным и говорить настойчиво. Вино той тому не только два часа, которые отводились для сна. Причина в количестве виски, которое он опрокинул за ночь. Водка — это хорошо. А как насчет «Джека Дениэлса» с черной этикеткой в стране свободных? Да и к тому же кварту (0,95 л) с половиной...» («Вашингтон пост» от 15 сентября 1989 года).

«...Он обрушился на Вашингтон с яростью бури, и Вашингтон, хотя и привыкший каждый день видеть пьяниц-сенаторов и развратных депутатов, а в прошлом видевший даже руководителя аппарата Белого дома Гамильтона Джордана, бесстрастно ласкающего женщин в баре, с трудом переносит теперь «шок Ельцина».

...У него феноменальная способность пить и тратить деньги...» («Республика», Рим, 17 сентября 1989 года).

«Этот «парень», может быть, и не говорит по-англий-

ски, но он может... Для жителя страны, которая совсем еще недавно утягивала диссидентов во внутреннюю ссылку, а то и того хуже, Ельцин поистине бесстрашен» («ЮэСэй тудей» от 16 сентября 1989 года).

«Телекомпании рвут его друг у друга. Только за один день, понедельник, он, не слишком сопротивляясь, дал семь прямых интервью, и невозможно было включить телевизор, чтобы на экране не показалось лицо Бориса Ельцина. Он начал в 7 часов утра в «Утренних новостях» коммерческих компаний, свеженький после последнего ночного стакана виски. Он кончил в 8 вечера на государственной телекомпании Пи-би-си. Если бы он не заснул в своем гостиничном номере, он дал бы еще одно интервью в половине двенадцатого ночи, но продолжительный футбольный матч отодвинул его выход в эфир на один час ночи, а к этому времени он уже не смог побороть сон» («Република», Рим, 17 сентября 1989 года).

«После его речи сотни присутствующих в бальном зале гостиницы «Этоп», стоя, приветствовали его овацией» («Филадельфия инкуайзер» от 14 сентября 1989 года).

«Ельцин говорит — Филадельфия случает» («Филадельфия дейли ньюс» от 14 сентября 1989 года).

«Он — симпатичный 58-летний человек с густыми, почти седыми волосами. Его непринужденная манера вызвала смех в большой толпе собравшихся в новой гостинице «Этоп» («Филадельфия дейли ньюс» от 14 сентября 1989 года).

«Поездка Ельцина напоминает тур по стране кандидата в американские президенты» («Стар трибьюн» от 15 сентября 1989 года).

«Он не раз утверждал, что Советский Союз движется к «революции снизу».

Менее чем за неделю в Соединенных Штатах Ельцин:

- призвал к изгнанию консерваторов из Политбюро (особому осмеянию подвергается Егор Лигачев — самый заметный консерватор);

- критиковал КГБ (слишком увлекается поиском шпионов, которых нет, и не борется с преступностью, которая есть);

- обвинял Горбачева в излишней гибкости (он мог бы изгнать консерваторов из Политбюро, если бы был более мужественным);

- высказался за свободу вероисповедания (его родители были верующими, и сам Ельцин был крещен, как и Горбачев);

- предлагал ввести в Советском Союзе многопартийную демократию;

- назвал советское вторжение в 1979 году в Афганистан ошибкой (советское руководство пока это не признало);

- поддержал решение Венгрии дать возможность восточным немцам эмигрировать на Запад;

- высказался за то, чтобы иностранцам разрешили собственность на землю в Советском Союзе в целях поощрения внешней торговли;

- заявил о себе как о стороннике политической автономии нерусских республик Советского Союза (и если Балтийские республики все еще хотят выйти из СССР, им следует дать такую возможность);

- отказался от традиционного образа коммунистической утопии (это — благородная мечта в облаках, но на земле никогда не осуществится).

Что осталось от коммунизма в «ельцинской программе»? Его не раз просили уточнить: что его делает коммунистом? На это он только отвечал, что он все еще яв-

ляется членом партии.

Фактически трудно что-либо обнаружить в высказываниях Ельцина, что не вписывалось бы в платформу демократической или республиканской партии» («Стар трибьюн» от 15 сентября 1989 года).

«Рождение новой звезды» («ЮэСэй тудей» от 15 сентября 1989 года).

«В Политбюро есть пять человек, которые должны быть выведены... и единственный способ, которым мы можем их убрать, это при помощи катапульты в истребителе. Нам нужно найти какой-нибудь способ нажать кнопку», — сказал г-н Ельцин через переводчика. Несколько удивленная аудитория разразилась аплодисментами» («Даллас морнинг ньюс» от 16 сентября 1989 года).

«Я не прекращу своих усилий, и мой голос никогда не ослабнет, призывая мою страну идти курсом свободы и демократии» («Даллас морнинг ньюс» от 17 сентября 1989 года).

«Ельцин является превосходным политиком... со все возрастающим признанием демократических принципов. Это удивительно, поскольку он не воспитывался в духе каких-либо джефферсонских политических традиций. Вместо этого ему суждено было корпеть над антизападными писаниями Владимира Ленина» («Вьюпойнт» от 17 сентября 1989 года).

«Заслуживает внимания позиция Ельцина по преобразованию Советского Союза в федерацию более суверенных республик» (Из объявления о выступлении Ельцина в Майами 17 сентября 1989 года).

«Здесь, вероятно, один из двух наиболее важных людей, принимающих участие в политической борьбе, от

исхода которой, мы могли бы сказать, может зависеть судьба мира», — сказал г-н Нейрейтер» («Даллас морнинг ньюс» от 15 сентября 1989 года).

«...Существует старая поговорка: «Рыба и гости начинают «пахнуть» на третий день». Борис Ельцин — недавний гость из Советского Союза — не успел пробыть в США и дня, как протухший запах испускаемого им политического и идеологического яда начал наполнять воздух.

...Хотя Ельцин и не оставит о себе долгой памяти, с учетом степени использования его средствами массовой информации и правыми силами, ущерб он нанес.

...Ельцин своими постоянными недоброжелательными, однообразными высказываниями стремился очертить образ социализма...

...Его негативное отношение вылилось в возмутительные предсказания о том, что Президент Советского Союза Михаил Горбачев «имеет в своем распоряжении полгода, максимум год, потому что он теряет силы», что «перестройка никуда не приведет, так как Горбачев идет лишь на полумеры», что «в Советском Союзе не исключена гражданская война...» («Пиплс дейли уорлд» от 21 сентября 1989 года).

Я с журналистом «Комсомольской правды» П. Воцановым и председателем правления Фонда социальных инноваций Г. Алференко должны были организовать отправку шприцев и потому задержались в Соединенных Штатах на несколько дней. Проводили Ельцина и вернулись в гостиницу, где нас ожидал очередной «сюрприз». На самом видном месте лежала газета «Республика» от 17 сентября, выражающая взгляды итальянских левых.

Поразительный факт, о котором мы узнали на следующий день: когда Ельцин в США подписывал «Меморандум», в Москве было утро 18 сентября. Подписчики

газеты «Правда» — их тогда насчитывались многие миллионы — получили очередной номер с дословной перепечаткой этой статьи. В то время «Правда» являлась «придворной» и самой читаемой газетой. Поражало другое — там работало немало честных и опытных журналистов. Давление «свыше» оказалось сильнее их профессионального долга.

В клеветнической статье итальянского корреспондента Витторио Дзукконе рассказывалось о сумасшедших тратах Ельцина на свои прихоти. Неоднократно упоминалось его беспробудное пьянство и особая любовь к виски «Джек Дениэлс». Говорилось и о баснословных гонорарах, которые тратились в магазинах, ресторанах. Даже упоминалась фамилия бухгалтера Института «Эскален», посчитавшего все расходы. Г-н Дзукконе описал Ельцина как «куклу с типично русским лицом», которому «не хватало только объятия масс». В статье приводились конкретные фамилии. Например, встреча Ельцина в одном из магазинов с русской иммигранткой Дорит Гурфель, его хорошей знакомой во времена работы на свердловской стройке.

Прочитав невообразимую по масштабам клеветы статью, мы решили провести на свой страх и риск независимое расследование.

Первый вопрос: к кому прежде всего обратиться за помощью?

— Пойдем в наше посольство, — предложил Воцанов.

Посол товарищ Дубинин не принял нас ни в первый, ни в последующие дни.

— Видишь, — справедливо упрекнул меня Воцанов, — а сам рассказывал, что буквально месяц назад он обещал всячески содействовать визиту Ельцина, встретить его. Что-то не припомню такого.

— Бог с ним, — сказал я, хотя в душе поддержал гневную реакцию Воцанова. — Знаешь, лучше Джека Андерсена нам никто не поможет, — заверил я.

Позвонили Андерсену, обладавшему поистине буль-
дожьей хваткой, и впоследствии никогда об этом не по-
жалели.

Вскоре последовали его звонки всем, кто лично
встречался с Ельциным. Они объективно и честно выска-
зывали свое мнение о статье.

— Это возмутительно, — были первые слова Гарри
Култера — переводчика Ельцина . — Все вздор.

Джеймс Гаррисон, один из организаторов поездки
Ельцина, конкретно назвал источник клеветы:

— Это классическая кампания КГБ по дезинформа-
ции. Ельцин знал, что они будут держать ножи нагото-
ве, когда он вернется. Он заявлял вполне определенно
и иногда с юмором, что именно так делают политику...
«Правда» цитирует итальянскую газету, и затем другие
ей вторят.

Президент Балтиморского университета им. Джона
Хопкинса, где выступал Ельцин, высказался еще более
резко.

— Это отвратительно, когда человека делают посме-
шищем, и особенно, когда на это нет никаких основан-
ний, — заявил Стивен Мюллер.

В пресловутой статье упоминалось имя Альфреда
Росса, бухгалтера Института «Эсален». Он якобы вел
все счета Ельцина в США, и потому было опубликовано
его «компетентное свидетельство».

«...Было бы лучше, если бы советские больные СПИ-
Дом не слишком рассчитывали на эти деньги. Если он
(Ельцин) будет продолжать их тратить таким же обра-
зом, то, когда он уедет из Америки, у него останутся
одни долги.

...Как известно на Западе всем тем, кто видел и со-
проводжал советских туристов, во чреве «великой мате-
ри России» бродят подавленные ненасытные потреби-
тельские аппетиты, и популист Ельцин не смог противо-
стоять им. Он накопил новую одежду и обувь, полные

коробки белых рубашек, наборы видеокассет с трехсерийными фильмами «Рембо», «Инопланетянин», «Звездные войны» и две видеосистемы. Он носился по супермаркетам с той же энергией, с которой пошел в советскую историю 80-х годов. «Запиши на мой счет», — лая между прилавками, приказывал Ельцин бухгалтеру фирмы, который аккуратно записывал расходы. Пусть больные СПИДом не обольщают себя надеждами...»

«С разоблачением этого бухгалтера проблем не будет, — подумал я тогда. — Гаррисон, у которого тот работает, наверняка даст опровержение».

Всякий более-менее разумный человек не мог не сопоставить очевидные факты: в день у Ельцина было пять и больше выступлений, длившихся часами. Когда же он успевал Уноситься по супермаркетам?!

Время у нас теперь измерялось не часами, а минутами. Позвонили Гаррисону, но на месте его не оказалось. В течение дня он так и не отозвался. Редкая гостеприимность сменилась откровенным игнорированием.

Ответного звонка от Гаррисона так и не последовало. Тогда я решил сам разыскать «ловкого» бухгалтера.

Обычно разговорчивые и доброжелательные секретарши скупо отвечали:

— Обратитесь, пожалуйста, к руководству института. Бай-бай.

«Какое тут «бай-бай», — разозлился я. — Этого бухгалтера-«невидимку» обязательно разыщем».

Руководству Института «Эсален» так надоели наши многочисленные звонки и расспросы, что мне «великодушно» сообщили:

— Альфред Росс действительно работает у нас, а живет в Сан-Франциско.

Даже адрес дали.

На следующий день я решил поблагодарить людей, сообщивших мне адрес Росса. Сказал также, что сегодня же вылетаю к нему. И здесь произошло непред-

виденное: американцы вновь обрели чрезвычайную доброжелательность и стремление помочь. Буквально через несколько минут мне перезвонили, «чистосердечно» признавая себя «обманутыми»: «Произошло недоразумение. Журналисты ввели нас в заблуждение. Институт у нас большой, всех знать невозможно, Россия никто не знает».

Трудное начало нашего «расследования» оказалось успешным. Джек Андерсен с еще большим энтузиазмом начал уточнять детали, взял на себя организацию встречи с итальянским корреспондентом.

— Ошибиться нельзя, слишком высоки ставки, — сказал он.

В статье в разных вариациях говорилось о «пьянстве и расточительности» Ельцина.

«...Он имеет теперь все, о чем мечтал: виски, доллары, безделушки, видеокассеты с «Рэмбо»; он облакан непотопляемыми интеллектуалами вроде Збигнева Бжезинского, вдовой крупного политического американского воротилы Памелой Гарриман, которая по-матерински улыбнулась, когда, наконец, под действием «Джека Дениэлса» с черной этикеткой и часовых поясов Ельцин заснул однажды вечером, уронив голову прямо на стол».

Отчаянная мешанина происходила в голове итальянского журналиста при написании подобной «стряпни».

Ельцин никогда не встречался со Збигневом Бжезинским. С интеллектуалами беседовал я. В это время Ельцин находился в Белом доме.

Чем не угодила несчастная вдова Памела Гарриман — не поддается объяснению. С ней опять-таки встречался я, пока Ельцин давал интервью ведущему одной из популярных телепередач.

«Может, для г-на Дзукконе все русские на одно лицо?!» — только это приходило на ум, когда я перечитывал статью.

Возмущенная Памела Гарриман дала опровержение в «Вашингтон пост», и его не замедлили опубликовать.

По-моему, ни один из самых известных фантастов не сравнится с корреспондентом газеты «Республика». Ему показалось мало — описывать события. Он отважился сочинять и диалоги.

«... Лишь в одном торговом центре на окраине Вашингтона, после очередного набега на прилавки, Ельцин пожал руку Дорит Гурфель. Она — русская иммигрантка, которая в молодости была знакома с Ельциным, когда они вместе работали на свердловской стройке на Урале.

— Как ты растолстел, Борис Николаевич, — оглядывая его с ног до головы, сказала женщина.

— Ты тоже, Дорит Максимовна, — ответил Ельцин и быстро ретировался в свой «кадиллак».

В Вашингтоне мы провели пять часов. Все расписано по минутам: встречи, переговоры, интервью. Даже поесть смогли только в самолете на обратном пути. Мифическая Дорит Гурфель, может быть, и живет на окраине Вашингтона, но увидеться с Ельциным ей не удалось. Он не успел побывать в том районе.

Несмотря на полную эклектику статьи г-на Дзукконе, надо отдать ему должное: он опубликовал некоторые достоверные высказывания Ельцина, взятые из его выступлений по телевидению. Наверняка журналист полагал, что это усугубит и без того неприглядный образ советского политического деятеля, созданный им. Эффект получился обратный. Даже враждебно настроенные к нам газеты восприняли высказывания Ельцина как слова здравомыслящего политика-реалиста.

«... У Горбачева осталось полгода, максимум год, а затем разразиться «революция снизу» — вот афоризм, который в течение двух дней отскакивал от всех телеэкранов от Вашингтона до Лос-Анджелеса». Коммунистические руководители и брошюры всегда внушали мне, что

Америка плохая и загнивает. Однако мне кажется, что люди здесь очень любезны, а страна отменно здорова».

«Там можно увидеть умерших от голодной смерти на тротуарах Нью-Йорка, — говорили мне. — Умершие от голода? Они все в отличном настроении и имеют вполне довольный вид».

«... Итак, перестройка справедлива или ошибочна?

— Стратегия правильна, но тактика ошибочна. Горбачев должен был действовать смелее. Однако он повел

США, Нью-Йорк, 22 сентября 1989 года.

Пресс-конференция по итогам визита Б.Н.Ельцина.

(Слева направо: Ярошенко, Колтер-переводчик Ельцина, Алференко, Вощанов)

себя, как тот генерал, который, идя в атаку, каждые два километра выстраивал в боевые ряды единственного солдата. Не имея сил побороть врага, он наводит на него страх. Итак, при всех противоречиях капитализма здесь не существует бедности: «Она, безусловно, существует, но у нас, в Советском Союзе, 48 миллионов человек живут за официальной чертой бедности. Вот у нас-то настоящая бедность. И голод».

Когда все факты были проверены и перепроверены, мы вновь встретились с Андерсеном.

— Пора переходить в наступление, — объявил он.

— Давно пора, — согласился я. — Лучшей сенсации, чем встреча журналистов в г-ном Дзукконе, трудно представить.

— Верно подмечено, — рассмеялся Андерсен. — Американцы действительно помешаны на сенсациях !

То, что устроили американские журналисты Витторио Дзукконе, настоятельно пригласив его на пресс-конференцию, у нас в России попросту называют публичной поркой.

На Дзукконе были направлены десятки телекамер, вопросы — один острее другого — следовали в бешеном темпе. Через пять минут нервы у итальянского корреспондента не выдержали и он признался:

— Я поверил непроверенным источникам информации. Статья явилась большой ошибкой...

В результате 21 сентября 1989 года газете «Правда», хотя и на последней странице, пришлось дать опровержение. Это прочитала вся страна, что было немаловажно.

«В связи с публикацией о Б.Н.Ельцине в газете «Республика»

По поручению редакции наш корреспондент в США В.Линник разговаривал в Витторио Дзукконе, автором статьи в итальянской газете «Република», перепечатанной «Правдой». На вопрос, ручается ли он за все,

написанное им о Б.Н.Ельцине в своем материале, Дзук-коне ответил, что делал его, основываясь на вторичных источниках: публикации в газете «Вашингтон пост» от 13 сентября, озаглавленной «С пьяными объятиями к капиталистам», плюс свидетельства эмигрантов из СССР, слышавших разговоры о поведении Ельцина в Балтиморе.

Редакция «Правды» приносит свои извинения Б.Н.Ельцину. Полагаем, что это сделает за своего корреспондента и редакция «Республики».

Прочитав эту «заметку», я не удержался и позвонил главному редактору «Правды» Ю.Афанасьеву.

— Что же вы клевету на первой полосе печатаете, а извинения за нее самым мелким шрифтом — на последней?! Считаю поведение некогда уважаемых мною журналистов — позорным. Такая газета не может заслуживать доверия.

Не дожидаясь ответа, повесил трубку.

— Опять не сдержался, — сказал я сам себе.

Предательство всегда вызывало во мне желание бороться с подлостью и ложью. Многие называли это «борьбой с ветряными мельницами».

Вспомнился один из драматичных моментов в моей жизни, когда неожиданно получил «удар в спину» от близкого мне в то время человека.

...Женился я не рано, в 27 лет. Говорить, что сделал это под влиянием «романтических грез» от прочитанных книг — нельзя. Был уверен: такой шаг совершают только один раз в жизни. Много учился, работал, делал все возможное для семьи. Но реальность оказалась на редкость суровой.

Конечно, я — не Наполеон, но когда узнал, что моя жена ведет себя подобно Жозефине, то принял единственно возможное для себя решение.

Я пришел на работу к «приятелю» моей «Жозефины» (он занимал высокую должность в одном министерстве).

В это время он разговаривал по телефону, в кабинете находились еще два человека. Мне показалось такое количество людей недостаточным, и я пригласил туда еще нескольких сотрудников, ожидавших своей очереди в приемной. Объявил о срочном совещании. После этого я представился и дал «главному» две пощечины.

— Это тебе за мою дочь, а это — за твою.

И вышел из кабинета. Сил едва хватило дойти до дома. Произошло все зимой. За день до «встречи» я поскользнулся, упал и сломал два ребра. Левая рука практически не поднималась, правая двигалась с большим трудом. К сожалению, моя «экзекуция» носила чисто символический характер. Если бы мое «дело не было правым», то битым мог оказаться я сам. В тот момент о себе не думал.

Придя домой, не стал объясняться с женой. Только сказал ей :

— Вот тебе Бог, а вот — порог.

Очевидно, поэтому я обостренно отношусь к предательству и подлости.

Если бы мы ничего не предприняли и не опровергли клевету, наспех состряпанную газетой «Республика», я бы посчитал это предательством по отношению к Ельцину.

Много сил ушло на наше «расследование», поэтому у нас оставался буквально день на покупку 100 тысяч одноразовых шприцев и отправку их в Москву. Но и здесь все складывалось не так гладко. По южным штатам США прошел очередной сильный ураган, и цены на шприцы резко возросли. Гаррисон с явной неохотой отдавал половину гонорара, заработанного Ельциным. Другую часть денег он обязался прислать в Москву через две недели.

22 сентября, перед самым отлетом в Москву, мы провели пресс-конференцию в нашей гостинице, где Гаррисон выглядел почти героем, неоднократно повторяя:

— Я знал, что визит господина Ельцина, организованный Институтом «Эсален», убедит вас в существовании в России прогрессивно мыслящих, бескорыстных и честных политиков.

О своем неучастии в нашей «кампании» против газеты «Республика» он ни словом не обмолвился.

Забегая вперед, скажу: ни через две недели, месяцы и все последующие годы денег никто не прислал. Я узнал, что Гаррисон явился одним из спонсоров Фонда Горбачева.

На пресс-конференции 22 сентября американцы никак не могли понять: «Почему в СССР — богатейшей стране, опередившей всех в одной из наиболее дорогостоящих областях — космонавтике, нет одноразовых шприцев во всех, даже детских, больницах?!»

Пришлось со стыдом объяснять, что на медицину у нас выделяется недостаточное количество средств и во многих больницах многократно используют гипотермические иглы, часто без должной стерилизации.

Через час после пресс-конференции мы поехали в аэропорт. Все необходимые документы на груз подготовили заранее. Сто коробок с одноразовыми шприцами должны были лететь вместе с нами. Несколько раз я спрашивал и переспрашивал представителей Аэрофлота:

— Все коробки успели погрузить? Они обязательно должны прибыть вместе с нами. Пятнадцать машин из детских клиник приедут в аэропорт.

— Не волнуйтесь, все в полном порядке, — неоднократно заверяли меня.

Даже мой друг Вощанов отметил, что я становлюсь излишне недоверчивым:

— Это же не Дзукконе, а наш родной Аэрофлот. Давай хотя бы во время полета немного отдохнем.

Летели долго, но чувство тревоги не проходило. Как-то отец сказал мне: «Те, кто много пережил, начинают чувствовать кожей».

У каждого, конечно, своя судьба. Я пережил предостаточно, начиная с самого детства. В два года сильно заболел. Нужных лекарств не было. В результате: осложнение на ноги. В 13 лет врачи предложили сделать операцию, но предупредили:

— Гарантий не даем. Шансы 50 на 50. Хуже, очевидно, не станет, но и улучшения может не быть. Лежать в больнице придется долго. Решай.

Я согласился на операцию, которая длилась несколько часов. Попал в те самые несчастливые 50 процентов, когда все осталось по-прежнему. Кроме одного: до и после такой серьезной операции мне — тринадцатилетнему подростку предстояло год, что было равносильно вечности, провести в больнице.

...23 сентября 1989 года мы с Вощановым прилетели в Москву, где нас никто не ждал. Ни одна машина не приехала в аэропорт.

Времени на эмоции не было. Позвонили Ельцину.

— Как это уже прилетели?! — удивился он. — Мне сказали, вы прилетаете завтра. И пресс-конференция пройдет в аэропорту!

— Теперь наши шприцы отвезут на склад, — посетовал Вощанов. — Придется ехать домой. Получим их завтра пораньше, чтобы у журналистов не возник вопрос: «Где же обещанная помощь больным детям ?!»

«Что-то не так, — эта мысль не давала мне покоя и дома. — Или я жуткий перестраховщик, или ..».

Через некоторое время решил: «Позвоню в Шереметьево и успокоюсь».

Долго и дотошно объяснял начальнику смены аэропорта, за каким грузом завтра приедут машины из детских клиник.

И вдруг в ответ услышал:

— О подобном грузе мне ничего не известно. У нас его не было и нет.

Я повесил трубку и несколько мгновений сидел в пол-

ном оцепенении. Сравнить мое состояние можно было только с тем жутким чувством, когда после операции врач сказал:

— Извини, но ты не попал в счастливые 50 процентов, хотя мы сделали все, что могли.

Страшно представить: завтра в аэропорт приедут десятки журналистов, фоторепортеров, телевидение. И тогда слова Дзукконе действительно станут пророческими: «Напрасно в СССР ждут одноразовые шприцы».

Нас ловко провели, попросту одурачили. Шприцы лежат в аэропорту им. Кеннеди, а представителям Аэрофлота, видимо, дали четкую команду: ни за что в ближайшее время не отправлять «опасный» груз.

Я вскочил в свои «Жигули» и помчался в аэропорт. Хорошо еще, время было позднее и меня никто не останавливал за довольно значительное превышение скорости.

В Шереметьево-2 многие искренне сочувствовали мне. Показали склады, таможенную зону — словом, все, где мог бы находиться наш груз. Ни в одном документе он не числился. Самое худшее подтвердилось: шприцы остались в Соединенных Штатах.

До часа ночи по телефону, телексу и факсу по разным номерам я связывался с Нью-Йорком.

Первый звонок был нашему вечному спасителю — Джеку Андерсену.

— Не волнуйся, — успокаивал он меня, хотя в его голосе чувствовались досада и злость. — «Им» так просто с нами не удастся расправиться.

Когда я позже разговаривал с Гаррисоном, то совершенно очевидно — с ним успел побеседовать Андерсен.

— Все организуем, — без энтузиазма заверил он.

Представители «ПанАм» оказались на редкость дружелюбны и оперативны.

— Нам уже звонили из многих американских газет, — откровенно сказали они. — Конечно, мы вам поможем.

Не представляю, как это удалось работникам «Панам», но груз переоформили и отправили ближайшим самолетом. Он прибывал в Москву 24 сентября в 14.00.

Спать не пришлось. Рано утром мы с Вощановым поехали в аэропорт.

В этот день проходило собрание Межрегиональной депутатской группы, где Ельцин должен был выступать с отчетом о поездке в США. А наш груз все еще находился в пути. Мы сообщили Ельцину о происходящем, но гневной реакции не последовало. Значит, еще один рубец на его сердце. Договорились: позвоним сразу же на заседание, как только придут шприцы.

В аэропорту нам долгое время не давали связи с «Боингом 747», на борту которого должны находиться наши коробки. Равнодушным голосом представитель Аэрофлота сообщил:

— «Боинг» задерживается. Это транзитный рейс. Самолет сейчас в Хельсинки, там сильный туман, и связи нет.

Я разыскал начальника смены аэропорта и громко, чтобы слышали уже прибывшие журналисты, сказал:

— Мы же не шампанское или куропаток ждем, чтобы доставить на кремлевский стол. Это большая партия одноразовых шприцев для детей. А может, вы за свое доходное место боитесь?! Если не дадите нам связь немедленно — обязательно его потеряете.

«Только бы не сорваться, — уговаривал я сам себя. — Этим делу не поможешь».

Мы с Вощановым не могли даже разговаривать — и без слов чувствовали электрические разряды, исходившие от каждого.

Связь, наконец, дали. Американский пилот сообщил:

— Грузовые отсеки заполнены гуманитарным грузом, но что там находится — мы не знаем. Известно только: в США он не облагался налогом.

Это уже надежда!

Прибыли пятнадцать машин из детских клиник, но разрешение на въезд им не давали.

Начальник таможенного терминала спокойно, без малейших эмоций, чем-то напоминавший хорошо отлаженный робот, сказал:

— Для растомаживания грузов требуется несколько дней, согласно инструкции. За это вам нужно уплатить.

— Но это же благотворительность, какая может быть плата?! — возразил я.

— Ничего не знаю, какая у вас там «благотворительность». Правила для всех одинаковые.

Вскоре он ушел.

— Советуется с начальством, — громко произнес Вощанов.

Вернулся «наш правовед» не столь напыщенным.

— Ваш самолет приземляется, — сквозь зубы процедил он.

Я добился пропуска на мою машину, и мы с Вощановым подъехали к самому самолету. Нам казалось, что пассажиры выходят слишком медленно. Минуты ожидания превратились в годы. Мы готовы были сами бежать, чтобы поскорее открыть грузовой отсек.

И вот на поле стали выгружать наши, именно наши 100 ящиков со шприцами. Непередаваемое, потрясающее чувство радости и огромной усталости слились воедино.

Срочно позвонили Ельцину.

— Выезжаю!

Для нас это прозвучало как клич победителей.

Дальнейшие события происходили в стремительном темпе: груз был моментально оформлен, пропуска на машины получены. Я расписался в накладной: «Груз получен полностью. Народный депутат Ярошенко».

В это время подъехал Ельцин. Поставил свою подпись.

— Молодцы, выстояли, — негромко произнес он, глядя на нас с Вощановым.

Мы забыли об усталости, бессонных ночах и готовы были к новым «битвам». А впереди их оказалось немало...

Яростные оппоненты Ельцина никак не желали успокаиваться. Вскоре по Центральному телевидению с предварительным анонсом в программе «Время» (такое делалось крайне редко) была показана полуторачасовая передача о пребывании Ельцина в США. В основном —

*Москва, Шереметьево-2, 24 сентября 1989 года.
Б.Н.Ельцин подписывает акт о получении 100.000
одноразовых шприцев.*

его встреча со студентами и преподавателями института им. Хопкинса.

Это оказалось еще одной провокацией. Над пленкой тщательно поработали, имитируя эффект плавающего

*Москва, Шереметьево-2, 24 сентября 1989 года.
Участники «операции» по доставке из США одноразовых шпри-
цев в счет гонораров от выступления Б.Н.Ельцина в Америке.*

звука, что тем самым свидетельствовало бы о пьянстве политика — Ельцина.

Но честных людей, искренне поддерживающих Ельцина, оказалось намного больше. Вскоре пришло письмо от сотрудника Центрального телевидения, который писал:

«Уважаемый Борис Николаевич!

1 октября по телевидению транслировалась передача с Вашим выступлением в США. Квалифицированный просмотр передачи выявил, что на балтиморской записи наблюдается значительное расхождение звука с артикуляцией губ. Звук в течение Ваших слов «плавает», постоянно то обгоняя, то отставая от артикуляции, особенно на звуках, слабо связанных с движением губ (типа Р). Звуки, хорошо определяемые по движению губ (типа М), синхронизированы с артикуляцией хорошо. Отмеченное плавание звука отсутствует у находящегося в зале переводчика с русского на английский и проявляется только на Ваших словах. Лишь в самом конце беседы в момент прощания у переводчика также поплыл по тону конечный звук.

Подобные искажения являются серьезным случаем технического брака, даже если они встречаются в передаче в течение нескольких десятков секунд. В таких случаях запись бракуется и подлежит переделке заново. В случае невозможности переделки в сопроводительной документации на видеорулон (акте) дефект в обязательном порядке отмечается под термином «артикуляция», с указанием, на какой минуте он проявлялся и сколько времени длится. Эта отметка в актах на видеорулон отсутствовала.

Относительно возможности такого дефекта при переписи и копировании передачи на ленту формата, употребляемого на ТТЦ, следует сказать следующее. Видеомагнитофоны на ТТЦ синхронизированы с высокой

степенью точности (до нескольких сотых долей секунды) с опорным генератором, единым для всего ТТЦ. Работа с отключенным кабелем опорного синхрогенератора категорически запрещена, а в случае неполадок видеомagnetофон автоматически переходит на синхронизацию от внутреннего высокостабилизированного кварцевого генератора. Кроме того, выборочный характер указанных искажений затруднительно объяснить техническими причинами.

Относительно самой видеозаписи удалось выяснить следующее. За сутки перед выходом передачи в эфир некоторые работники ТТЦ случайно по внутренней служебной телевизионной сети около 19.00 видели два варианта указанной передачи. Первый вариант, по общему утверждению видевших его, имел гораздо более заметные искажения вышеуказанного характера, легко определяемые неквалифицированным зрителем. Второй вариант, соответствующий вышедшему в эфир, был показан по той же линии внутренней телесети и имел приемлемую на взгляд неспециалиста степень искажения. Линия, по которой показывалась передача, имеет номер «Е-51» и относится к центральной аппаратной здания АСК-1 (старое здание телецентра).

Данные эфирной видеозаписи: номер видеорулона 04-1643, дата записи 01.10.89, аппаратная записи АВЗИ-5, запись произвел Константинов, режиссер Коровяков. Запись допущена ОТК в эфир по письму 1 671.

(Еремеев А.Г.)».

Несмотря на то, что визит Ельцина был неофициальным и результат не требовал объяснений или обсуждений: 100 тысяч одноразовых шприцев говорили сами за себя, а также квалифицированное письмо работника телевидения, наших «политиков» это ни в чем не убедило. Напротив, парламентская комиссия учинила дотошное разбирательство, не пожалев времени, и пришла к заключению:

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комиссии Верховного Совета СССР по вопросам, возникшим в связи с освещением в печати поездки в Соединенные Штаты Америки народного депутата СССР Б.Н.ЕЛЬЦИНА

Ознакомившись с сообщением ТАСС для советских средств массовой информации, передачами инновещания и телевидения о визите Б.Н.Ельцина в США, проведя беседы с главным редактором газеты «Правда» В.Г.Афанасьевым и Б.Н.Ельциным, комиссия констатирует следующее:

Учитывая неофициальный характер визита Б.Н.Ельцина по частному приглашению, советские средства массовой информации не публиковали материалы о его пребывании в этой стране. Поэтому перепечатка «Правдой» статьи из итальянской газеты «Република» выглядит тенденциозной и односторонней, поскольку в сообщениях ТАСС для печати имелись отклики иностранной прессы и противоположного содержания, например, о приобретении Б.Н.Ельциным одноразовых шприцев для детей. Газете следовало либо привести и такие отклики, либо полемизировать по существу высказываний Б.Н.Ельцина во время визита в США, опубликовав прежде сами эти высказывания.

Все это создало простор для домыслов, слухов и негативно сказалось на репутации политики гласности. Поэтому речь идет о попытке газеты опорочить народного депутата Б.Н.Ельцина, за что работники «Правды» должны нести ответственность в соответствии с законом. Публикация нанесла ущерб репутации «Правды» и вызвала поток читательских требований наказать виновных.

В то же время некоторые высказывания и аспекты поведения Б.Н.Ельцина в США, зафиксированные средствами массовой информации, дали повод для нареканий, что проявилось во множестве телеграмм в

адрес Верховного Совета, в том числе со стороны его избирателей.

Комиссия считает, что, несмотря на частный характер визита, члену Президиума Верховного Совета СССР необходимо более ответственно подходить к зарубежным поездкам. Что касается предложений, содержащихся в письмах граждан, то избиратели должны сами определить свое отношение к Б.Н.Ельцину в соответствии с существующим законодательством.

Что касается Верховного Совета, то отсутствие законодательно утвержденных норм поведения депутата ставит вопрос о разработке соответствующего положения..».

Ельцина ознакомили с «Заключением», но расчет на его «бурную» реакцию не оправдался.

— Не привык «из пушки стрелять по воробьям», — сказал он одному из «сочинителей» текста.

Позднее в беседе со мной признался:

— Если бы не Наина и дочери, не знаю, как бы со всем справился. Мои «коллеги» только и ждут момента ударить сзади посильней, чтобы упал и никогда не смог подняться.

Ельцин понимал, как нелегко мне одному — без крепких семейных тылов, но тактично молчал об этом.

И вот в студёный декабрьский день 1989 года судьба подарила мне единственный шанс, хотя тот момент был наиболее трагичным для россиян. Внезапная смерть Сахарова потрясла всех. Многие восприняли это как личное горе.

В то время в Кремле проходил съезд народных депутатов.

На второй день после смерти Сахарова я расстроенный шел на съезд. Внезапно меня остановил женский голос:

— Извините, Виктор Николаевич, у меня к вам большая просьба.

Передо мной стояли две женщины. Одну я знал: она жила в моем избирательном округе, голосовала за меня и работала в реставрационной мастерской Кремля. Другую, совсем молодую, на редкость изящную и красивую, видел впервые. Я почувствовал, как неподвластное мне сердце начало лихорадочно ускорять свой ритм, и отчетливо понял: это так звезды стали. Это — судьба.

Моя избирательница держала огромный букет красных гвоздик.

— Прошу вас, Виктор Николаевич, положите цветы на кресло Сахарова.

Действительно, после его смерти для нас оно опустело навсегда.

— Конечно, конечно, — охотно согласился я, не отрывая взгляда от молодой женщины — моей будущей жены, будто сошедшей со старинных гравюр.

— Большое спасибо, — также повторила она, и ее голос, мягкий, приглушенный, подействовал на меня как «солнечный удар» из известного рассказа Куприна.

На следующий день я «случайно» встретил ее, поздравился и попросил телефон.

— Незнакомым мужчинам я телефон не даю. Извините.

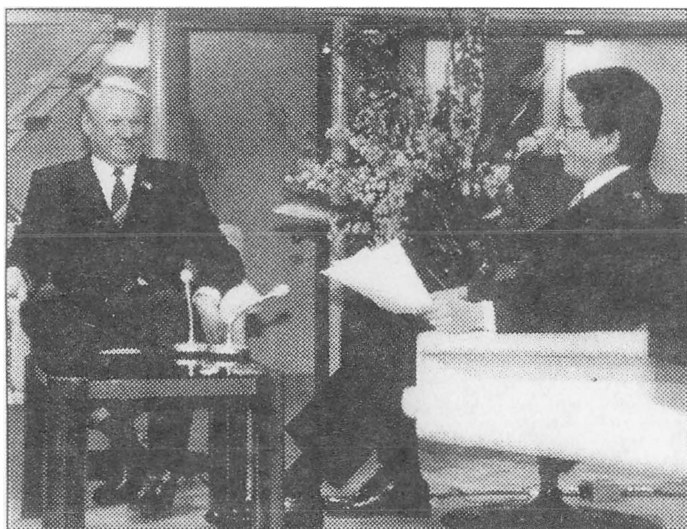
Я не успел ничего сказать в ответ, долго стоял и смотрел вслед моей «судьбе». Все чаще мы «ненароком» встречались. Она работала реставратором в Кремле, об этом я узнал в первый же день.

В одну из многочисленных встреч она от души рассмеялась и сказала:

— Запишите мой телефон. А зовут меня...

— Оксана, — поспешно добавил я за нее.

**Сможет ли
ЕЛЬЦИН съесть
сырую рыбу?**

*Япония, Токио, январь 1990 года.
Интервью телекомпании «Ти-Би-Эс»*

Через две недели после знакомства с Оксаной нам ненадолго пришлось расстаться. Почти в том же составе — во главе с Ельциным — мы вылетели в Японию. В начале ноября его пригласила посетить Японию известная телекомпания Ти-би-эс. Готовя этот визит, мы с Воиновым и Сухановым действовали намного осторожней: без лишней огласки, используя надежные связи, прибегали к помощи честных, добросовестных людей.

Визит предстоял нелегкий. Хотя Ельцин тогда и не являлся главой государства, вопрос о «северных территориях» наверняка, на всех переговорах будет ключевым.

Перед самым визитом, на заседании сессии Верховного Совета СССР, один из наиболее «законопослушных» депутатов особо отметил:

— Слишком уж зачастили «некоторые» депутаты за рубеж, надо бы их как-то притормозить... Чем по границам разъезжать, лучше бы дома порядок навели!

На столь демагогическое выступление Ельцин не смог не среагировать. Его ответ позднее был опубликован в «Комсомольской правде»: «С «невыездным» парламентом мы прожили не один десяток лет. Наши официальные делегации вообще формировали (да и сейчас формируют) главным образом из высших сановников, да еще из тех, к кому они благосклонно настроены. Зарубежные партнеры нередко посмеивались из-за этого: мол, советские депутаты, самые молчаливые в мире! И

действительно, говорил-то ведь, как правило, руководитель делегации, а рядовые ее члены должны были почтительно внимать и всем своим видом выражать «полное единодушие». Но вот пошло ли оно на пользу? Убежден, ничего, кроме вреда, не принесло. Неосведомленность депутатов во внешнеполитических вопросах создала ту питательную среду, в которой и стали возможными такие трагические решения, как Венгрия, Чехословакия, Афганистан».

Во время полета в Японию Ельцин не переставал спрашивать о всех аспектах жизни незнакомой ему страны. Мгновенно запоминал тонкости восточного этикета, важнейшие научно-технические достижения, позиции многочисленных политических партий... Словом, пытался объять колоссальный массив информации о далекой Японии.

В краткие минуты отдыха я не мог не думать об Оксане. Вспомнил свою не совсем удачную шутку. Когда мне удалось получить ее телефон, через несколько дней я позвонил и грозным голосом сказал:

— С вами говорят из охраны Кремля. Ваш пропуск просрочен. Почему это вы, девушка, до сих пор его не поменяли?!

Она перепугалась и, запинаясь, начала оправдываться. Но я вовремя понял ее состояние и тут же признался. Она совсем не рассердилась и долго смеялась вместе со мной.

Видимо, я невольно улыбался, потому что к действительности меня вернул голос Ельцина.

— Ну что, встретили свою судьбу? — почти шепотом спросил он.

В ответ я несколько раз энергично кивнул головой. Так моя «тайна» была неожиданно раскрыта.

— Вернемся к нашим делам, — громко сказал Ельцин. — Скоро прилетаем на родину самураев. Главное — не победить, а убедить их.

В токийском аэропорту «Норита» Ельцина встречали очень радушно. Даже многочисленные журналисты не задали ни одного «провокационного» вопроса.

«Вот что значит восточное гостеприимство, — отметил я. — Сначала — любезное отношение к гостю. А как они поведут себя потом?!» Не хотелось, чтобы мрачные предчувствия сбылись...

Из аэропорта нас повезли по Токио. Чистота, великолепные дороги, хитроумно спланированные развязки,

Япония, Токио, январь 1990 года.

Корреспонденты повсюду сопровождают Б.Н.Ельцина.

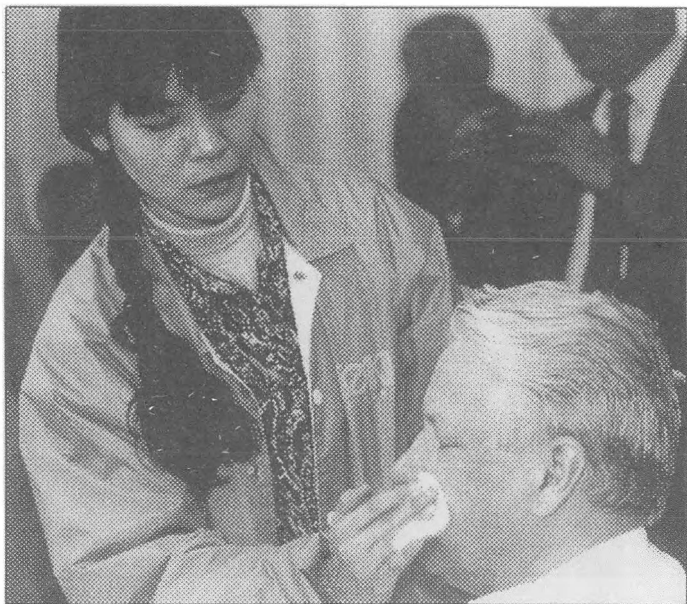
умелое сочетание традиционного стиля со сверкающими небоскребами поражали воображение.

В тот же день Ельцин давал интервью ведущему телекомпании Ти-би-эс. Перед этим его отвели в гри-

мерную, где миниатюрная японка, многократно кланяясь и приседая, начала свою работу. Разноцветные кисточки, как бабочки, порхали по лицу Ельцина.

— Никогда не думал, что выгляжу так безобразно и нуждаюсь в макияже. Но жалко обижать такую очаровательную девушку, — пошутил он.

На следующий день эта фраза появилась в японских газетах. Вездесущие журналисты ни на мгновение не отходили от Ельцина.

*Япония, Токио, январь 1990 года.
В гримерной телестудии «Ти-Би-Эс».*

Интервью получилось интересным, деловым и главное — непредвзятым. Ведущий спрашивал обо всем: о жизни в СССР, перспективах сотрудничества с Японией, семье.

Только в самом конце возник вопрос о «северных территориях».

— К сожалению, из-за нерешения вопроса о передаче Японии островов Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хабомаи наши страны до сих пор не подписали мирный договор. Существует ли возможность прийти к единому мнению?

— Несомненно, — убежденно сказал Ельцин. — Я вижу пять этапов решения этой проблемы. Прежде всего, нужно официально признать сам факт ее существо-

Япония, Токио, январь 1990 года.

В студии телекомпании «Ти-Би-Эс». Самые придирчивые критики (слева направо: Суханов, Вощанов, Ярошенко).

вания. Думаю, сделать это должен наш Верховный Совет. На втором этапе — провести демилитаризацию островов, на третьем — открыть их для свободного предпринимательства. Затем могло бы осуществиться наконец подписание мирного договора с Японией. Ка-

ков же пятый? Думаю, на этот вопрос придется искать ответ уже новому поколению политиков. Возможно, они выработают какую-то нестандартную схему. Мне пока видится несколько вариантов. В их числе совместный протекторат или придание островам статуса свободной территории. Но, повторяю, этот вопрос должно решить новое поколение в строгом соответствии с внутривнутриполитической ситуацией и общественным мнением в обеих странах.

Поздно вечером мы приехали в гостиницу. Я сразу же позвонил Оксане. После разговора я пошел в номер к Ельцину. Предстояло обсудить завтрашнюю встречу с министром строительства Японии.

— Вижу, успели позвонить, — с порога сказал он. — Случайно, не обратили внимание на подушки?

— Какие подушки? — удивился я.

— Понятное дело — вам не до подушек. А вот мне подложили что-то немыслимое. Полюбуйтесь!

В Японии, как в большинстве азиатских, да нередко и западных странах, подушки имеют непривычную для нас форму: длинные и круглые, да к тому же не всегда мягкие. В жарких странах с повышенной влажностью используют только подобные подушки: к ним не «прилипает» голова и в какой-то степени они спасают от перегрева.

Все это я рассказал Ельцину.

— Откуда вы все знаете?! Недаром вы у нас основатель Академии депутатского корпуса. Знаю, что многие депутаты — ваши бывшие студенты. Обидно только: у нас почему-то всегда перспективное, новое — обязательно на общественных началах. Политиков надо готовить профессионально.

Все мы долго не ложились спать — сказывалась разница во времени и нервное напряжение.

Утром поехали на встречу с министром строительства Японии. Нашими неизменными спутниками были журналисты.

Ельцин казался Гулливером по сравнению с невысоким, худощавым японским министром.

Переговоры проходили в традиционной японской обстановке. Невысокий потолок, легкие стены, которые можно раздвигать, очень низкий стол. Сидеть можно было согнув колени что довольно неудобно без тренировки.

Ельцин «привычно» опустился на колени и поблагодарил японскую сторону за гостеприимство. Первые несколько минут шел обмен любезностями. Восточный

Япония, Токио, январь 1990 года.

Б.Н.Ельцина после переговоров приветствует министр строительства Японии господин Харадо

этикет Борис Николаевич прекрасно запомнил. Затем разговор принял деловой характер.

— У меня, уважаемый господин Ельцин, есть предложение вашей стране, — сказал японский министр. — Это совместный проект строительства через всю терри-

торию Советского Союза суперсовременной автострады из Японии в Западную Европу. Создать так называемый «шелковый путь». Предлагается осуществить его полностью за счет японских капиталовложений, а эксплуатация дороги будет совместная.

Ельцин в доли секунды способен просчитать десятки вариантов и выбрать наиболее оптимальный.

— По-моему, — тотчас ответил он, — предложение очень заманчивое и дельное. Оно во многом позволит снять остроту транспортной проблемы у нас в стране. Я помню и о предложениях многих японских фирм принять участие в создании жилых комплексов и реконструкции городов. Жаль, что амбициозность некоторых и наших, и ваших политиков мешает таким отличным начинаниям.

— Да, да, — охотно поддержал Ельцина японский министр. — У вас такая огромная, красивая страна. Мы неоднократно предлагали создать у вас современные туристические зоны отдыха. Чем больше мы узнаем друг о друге, тем быстрее решатся наши спорные вопросы.

Японский министр напрямик не сказал о «северных территориях», лишь деликатно намекнул о многолетнем споре. Толпа журналистов не простила бы ему замалчивания этой проблемы. Без сомнения, на следующий день японские газеты обвинили бы его в просоветских настроениях.

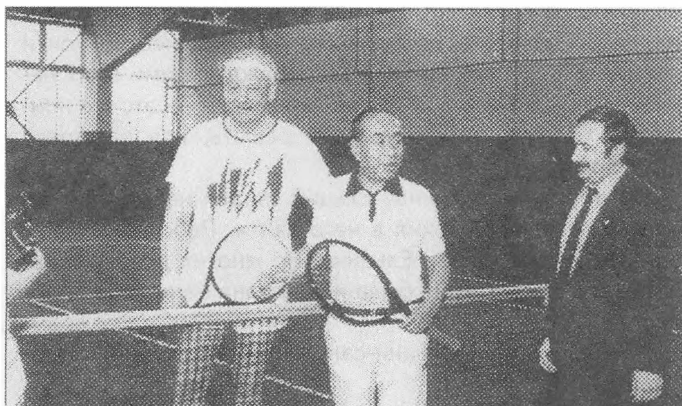
После переговоров принесли ароматный японский чай и разлили его в небольшие чашки. Ельцин с огромной осторожностью взял чашку, которую не стало видно в его ладони.

Неожиданное предложение японского министра сыграть партию в теннис перепугало всех, кроме Ельцина. Он охотно согласился.

— Большое спасибо за возможность немного передохнуть.

На теннисном корте они выглядели мягко говоря «неравнозначно», но японский министр оказался настоящим самураем. Очень подвижный, прекрасно тренированный, он бегал по полю с головокружительной скоростью. Игра была по-настоящему дружественной и закончилась вничью.

После краткого отдыха нам предстояла встреча с руководителями основных политических партий. Еще один «теннисный» турнир, но расстановка другая: по

Япония, Токио, январь 1990 года.

Теннисный матч между Б.Н.Ельциным и министром строительства Японии господин Харадой.

одну сторону Ельцин, а по другую — десяток «игроков».

Сначала разговор носил нейтральный характер. Но было ясно, что вопроса о «северных территориях» не избежать. Ельцин сам его поднял, когда руководитель одной из крупнейших политических партий начал сокрушаться по поводу очень слабого развития торговли между нашими странами.

— Ничего удивительного, — возразил Ельцин. — Причина этого хорошо известна и вам, и мне: территориальный спор, длящийся уже свыше сорока лет. Никакой восточный этикет с его подчеркнутой обходительностью и заверениями в добрососедстве не может скрыть очевидный факт: сегодня советско-японские отношения находятся в тупике. Япония не идет на заключение мирного договора, пока ей не вернут четырех южнокурильских островов, а Советский Союз неизменно заявляет о «незаконных и необоснованных территориальных притязаниях». За сорок лет позиции сторон не сблизились ни на шаг! Разве это нормально?! С юридической точки зрения мы до сих пор являемся враждующими сторонами, заключившими временное перемирие — это же нонсенс! Убежден, проблему надо решать, идя навстречу друг другу.

По дороге в гостиницу Ельцин увидел небольшой супермаркет и предложил в него зайти. Работники магазина сразу же узнали Ельцина. Во многих японских газетах его фотография была напечатана на первой полосе.

— Ельцин-сан, Ельцин-сан, — восторженно повторяли они.

В руках владельца магазина тут же появился фотоаппарат, и он, не переставая кланяться, очень просил сфотографировать его вместе с таким известным человеком. Естественно, лучшей рекламы магазина трудно себе представить.

— Вот, — шутя заметил Ельцин, — и трудиться умеют, и отлично понимают великую силу рекламы!

Помятуя американскую «историю» Ельцин ничего не купил.

На следующий день в пять часов утра мы отправились на огромный оптовый рынок, где продавалась свежая и мороженная рыба. Ельцин хотел собственными глазами увидеть, как организована оптовая торгов-

ля в преуспевающей стране. У нас в то время ничего подобного не существовало.

Обширная территория, отведенная для оптового рынка, одновременно являлась прекрасным аукционом — шумной, разноголосой «рыбной биржей». Я видел, как Ельцин с болью смотрит на японское изобилие. Это была боль за наши бесконечные очереди, дефицит... Его слова подтвердили мои догадки.

— Подумать только: на долю Японии приходится менее трех процентов всего населения планеты, только 0,3 процента площади земного шара, а производит она 14 процентов всей мировой продукции! Поразительные, редкие труженики — на скалах построили рай. И ведь первое место в мире по продолжительности жизни опять принадлежит Японии.

— Сами японцы считают, что этому во многом способствует сырая рыба. Они едят ее каждый день. Может, рискнем, попробуем? — предложил я, чтобы как-то отвлечь Ельцина от грустных мыслей.

«Он способен выдержать любые стрессы, только сердцу этого не объяснишь», — так хотелось сейчас же предостеречь стоявшего рядом большого, умного и глубокоранимого человека. Но в тот момент, да и в последующие говорить подобное не имело смысла. Он изо всех сил стремился переделать нашу привычную действительность, поскорее как можно больше узнать, всему научиться. Времени подумать о своем здоровье не было.

— Обязательно надо попробовать «эликсир» долгожителей, — немного оттаял Ельцин.

Неподалеку расположились десятки мелких ресторанчиков. Мы зашли в самый непритязательный. Нас встретили традиционными поклонами, искренними улыбками и опять же — с трудом сдерживаемым восторгом. Ельцина узнавали везде.

Девушка, которая нас обслуживала, куда-то поспешно

убежала. Через несколько минут на столе появились вилки.

— А говорили, что японцы едят только палочками, — упрекнул меня Ельцин.

— Уверяю вас, нам решили сделать редкое исключение, даже вилки где-то отыскали, — заверил я его.

— Скажите, пожалуйста, пусть дадут палочки, как всем, — попросил Ельцин нашу переводчицу.

Все японцы, работавшие в ресторане, забыли о

Япония, январь 1990 года.

Б.Н.Ельцин и его переводчик Мари-сан.

своей природной стеснительности и замороженно смотрели на него. Ельцин с легкостью освоил «палочное» искусство и виртуозно поддевал один кусок рыбы за другим.

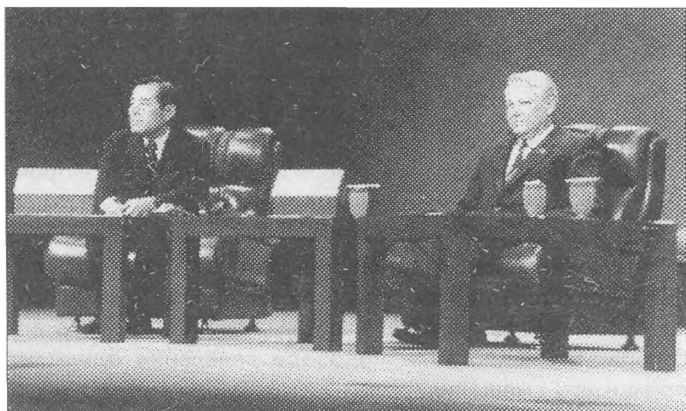
— Вкусно, даже очень!

Перевода его слова не требовали — об этом свиде-

тельствовали радостные улыбки японцев.

Передышка оказалась на редкость короткой. За десять дней мы успели побывать и на других островах. С утра до вечера — выступления, интервью, деловые переговоры.

На острове Хоккайдо, в Саппоро, Ельцина попросили встретиться с профессором-советологом господином Иомурой в одной из телевизионных передач, которая транслировалась в прямом эфире. Отказа не последо-

Япония, о.Хоккайдо, г.Саппоро, январь 1990 года.

Б.Н.Ельцин в споре за «северные территории» (слева профессор Иомура, требующий немедленной передачи островов).

вало, мы поехали на студию. На всех выступлениях Ельцина мы находились неподалеку, и он всегда нас видел.

Г-н Иомура уже сидел за столом и довольно небрежно кивнул нам. Практически сразу же началась передача. Японский профессор резким, таким несвойственным японцам тоном задавал вопросы, в которых уже звучал и ответ.

— Господин Ельцин, в шестидесятые годы Япония испытывала серьезные затруднения с сырьем. Нас

тогда очень привлекало сотрудничество с Советским Союзом. В то время ваше правительство не пошло нам навстречу. Вероятно, посчитали: когда японцы станут более сговорчивыми во всех спорных территориальных вопросах, тогда и торговый договор заключим. Но Япония сумела преодолеть сырьевой кризис, радикально изменив структуру экономики. Вы полагаете, в то время ваша страна совершила разумный шаг?

— Я так не думаю...

Профессор не дал Ельцину закончить фразу и продолжил свой вопрос — монолог:

— Я слышал ваши многочисленные выступления. В одном из них вы заявили: «Проблему островов надо решать, идя навстречу друг другу». Если так, то почему здесь, в Японии, вы не поддерживаете идею безоговорочной и немедленной передачи островов?

Помнится, в 1957 году господин Хрущев заявил, что если американцы вернут Японии Окинаву, то и он войдет в правительство с предложением передать ей острова Хабомаи и Шикотан еще до заключения мирного договора. Не явилось ли подобное заявление одной из причин его смещения?!

Г-н Иомура говорил, не переставая. Его высказывания носили уже вызывающий, даже оскорбительный характер.

Ельцин посмотрел на нас и начал медленно подниматься. Японский профессор все-таки вывел его из равновесия. Мы не могли этого допустить. Жестами, мимикой делали все, чтобы он остался. Ельцин собрался и, не дослушав очередное излияние г-на Иомуры, сказал:

— Благодарю вас, господин Иомура за столь подробное освещение взаимоотношений между нашими странами. Откровенно говоря, оно показалось мне односторонним и не во всем объективным. Относительно вопроса о

немедленной передаче островов Японии — лобовое решение проблемы не выведет нас из тупика. Подобные заявления годятся лишь для того, чтобы сорвать аплодисменты, да и то в аудитории, не очень сведущей в политических премудростях. Серьезная политика должна основываться на реальностях, которые требуют гибкого подхода. Что сегодня советские люди знают о проблеме «северных территорий»? Многочисленные встречи с избирателями накануне нашего визита убедили меня: они или ничего о ней не знают, или знают лишь с той стороны, с какой она долгие годы освещалась в нашей официальной печати. А таких публикаций было очень немного.

Готово ли сегодня наше общественное мнение к какому-либо радикальным решениям? Нет, нужно время, чтобы разъяснить, убедить, доказать каждой из сторон свою правоту. Ведь в конце концов должен решать народ...

Ельцин полностью взял инициативу в свои руки. Специально подобранная, сдержанная аудитория, состоящая из 500 человек, аплодировала ему.

Еще одна трудная, но победа.

После напряженного дня мне необходимо было услышать любимый голос. Я позвонил в Москву. Оксана тут же взяла трубку, будто ждала нашего разговора...

**Спасти ЕЛЬЦИНА
может только
операция**

*Барселона, 4 мая 1990 года.
Б.Ельцин выписывается из госпиталя.*

Через пять дней после свадьбы, где Ельцин был с моей стороны свидетелем, пришлось срочно вылететь в Испанию. Правительство Андалузии, муниципалитет города Кордова пригласили нас на Вторую международную конференцию «Европа без границ».

Бориса Николаевича попросили выступить с сообщением «Перестройка и гласность в СССР», а меня — рассказать об экономических аспектах перестройки.

Наша дружная команда почти не менялась: Ельцин, его помощник Лев Суханов и я. Не хватало Павла Вощенко, который не получил визу.

Конференция должна была проходить с 26 по 28 апреля 1990 года. Мы подтвердили свое участие в ней. Буквально за три дня до отлета Ельцин получил приглашение встретиться с госпожой Маргарет Тэтчер 27 апреля в Лондоне.

— Отказаться от такой встречи невозможно, — твердо сказал он. — И политик необычайно умный, дальновидный, и очаровательная женщина. Или я не прав?

Он смотрел прямо на меня.

— Трудно не согласиться, — ответил я.

— Решим так: 27-го я вылечу в Лондон на встречу и одновременно смогу там же свой гонорар за книгу «Исповедь на заданную тему» перевести в фонд «Анти-СПИД». Встретимся утром 28 апреля в аэропорту Севильи, а оттуда доберемся до Кордовы.

Так и сделали.

28 апреля, до выступления на конференции, Ельцин успел встретиться с генералом Эанешем — экс-президентом Португалии, генеральным секретарем Организации американских государств Гонзалесом и отчаянно поспорил оперспективах коммунизма, которые считал тупиковыми, с генеральным секретарем одной из компартий Испании (в Испании в то время было минимум 4 компартии).

У Ельцина была прекрасная переводчица — Галина Гонзалес. Эта милая женщина добросовестно и на редкость достоверно переводила все, что говорил Ельцин.

Он выступил перед участниками конференции с докладом о политических событиях, происходящих в Советском Союзе. Он откровенно и довольно резко говорил о неспособности существующего руководства пойти дальше.

— Очевидна близорукость нашего правительства, его леность и нерешительность. В такой стране, как Россия, надо действовать решительно и не оглядываться назад.

Во многих испанских газетах его тогда окрестили «буревестником перестройки».

После конференции мы вылетели в Барселону. Когда Ельцин увидел шестиместный самолет, то удивленно спросил пилота:

— Где это вы отыскиали такое чудо?

— Что вы, господин Ельцин, — заверил пилот. — Самый надежный самолет. За двадцать лет ни одного несчастного случая. Бьются сегодня эти огромные махины, а наш самолет очень надежный, — повторил он.

— Ладно, и не такое бывало. Учтите, со мной происходят иногда очень странные и неожиданные вещи, — полушутя предупредил Ельцин.

Половину пути летели весело: вспоминали мою свадьбу.

— Хитрый у нас Ярошенко. Все говорил: политика, экономика, какие там амуры. И вот вам, пожалуйста, сумел на такой красавице жениться, — смеялся Ельцин. — Когда нас всех увидела ваша Оксана, наверняка с ужасом подумала: «Ну, вот, вместо свадьбы — внеочередное заседание Межрегиональной группы».

— Вы — просто экстрасенс. Накануне свадьбы она мне сказала то же самое. Не зря вы со всеми женщинами танцевали лучше всех. Сразу видно: не одно сердце разбили.

Москва, 19 апреля 1990 года.

Дворец Бракосочетаний. В ожидании церемонии.

— Мне всю жизнь только одно сердце надо было завоевывать.

И это — чистейшая правда. Мы неоднократно встречались семьями. В отношениях с женой у Ельцина отсутствовала показушность. Деликатная, мудрая Ная всегда при посторонних называла его по имени-отчеству. Природная интеллигентность во многом способствовала сохранению их по-настоящему глубокой любви и уважению друг к другу.

*Москва, 19 апреля 1990 года. Совет да любовь.
Дворец Бракосочетаний, за несколько дней до авиационной аварии.*

Москва, 24 апреля 1990 года. Венчание.

— Да и в загсе забавно получилось, — вспомнил Ельцин.

Действительно, когда в обычном загсе появился Ельцин, вспоминается только гоголевский «Ревизор». Все работники загса — перепуганные, ошалевшие от такого визита — побежали разыскивать директора.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, — пытался успокоить их Борис Николаевич. — Я здесь как частное лицо, с друзьями.

Через несколько дней после свадьбы состоялось венчание в маленькой церкви на улице Неждановой. Молодой священник, совершавший обряд, удивился нашей смелости. В начале 1990 года в большинстве из нас жил еще навязанный коммунистами страх.

...Воспоминания резко оборвались, когда я посмотрел на нашу переводчицу Гонзалес. Она с ужасом гладела на пилотов, которые эмоционально переговаривались между собой. Я прислушался и замер. Позже Суханов мне сказал: «Когда я увидел твоё лицо, то понял: что-то случилось. Оно у тебя стало зеленым».

Падение самолета началось с высоты примерно 3500 метров. Сначала оборвалась связь с землей, полностью вышла из строя система электропитания. Летчики отчаянно кого-то ругали. Перевода подобные выражения не требовали.

Дело в том, что в авиации система электропитания многократно дублируется. Поэтому выйти из строя самостоятельно она никак не может...

Я посмотрел в иллюминатор и не по рассказам, а на самом себе испытал все чувства летчика, сидящего в пикирующем бомбардировщике.

Парашютов не было, приземляться некуда, кругом одни скалы.

Ельцин с Сухановым сидели в хвостовой части.

— Ну вот, теперь никаких привилегий — падаем все разом. Вы чего такие скучные? Может, какую речку най-

дем, успеем выпрыгнуть, — без малейшего намека на панику произнес Ельцин.

Летчики повернули в Кордову, но без связи найти место для посадки не смогли. Они настойчиво просили нас пристегнуться.

— Пристегиваться не буду, — категорично заявил Ельцин. — «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет».

Впереди показалась какая-то равнина. Пилоты решили посадить самолет, но шасси не выпускались — не работало электрооборудование. Несколько раз пилот за счет резкого изменения высоты пытался выпустить шасси, бесполезно — шасси заклинило. Одно из кресел, находившееся напротив Ельцина, сорвалось с креплений и чудом не врезалось в него. Начались перегрузки, к которым наши организмы были явно не приспособлены. Непреодолимая тошнота подступила к горлу.

Небольшая речка вдалеке показалась единственным спасением, но опять ничего не получилось. Летчики демонтировали сиденье штурмана и с помощью ручной лебедки и троса с огромным трудом вытянули злополучное шасси. Топливо кончалось. Еще одна гора. Хотелось зажмуриться от ужаса. Благополучно обошли ее и... мы глазам своим не могли поверить: небольшой горный аэродром был совсем рядом. Попытка сесть чуть не оказалась последней. Сильный порыв ветра опрокинул самолет на левое крыло, и оно едва не зацепилось за покрытие взлетной полосы. Еще один заход.

На поле аэродрома появились «скорая» и пожарная машины.

Работники наземных служб аэропорта с помощью флажков показывали летчикам направление ветра, чтобы они правильно рассчитали посадку. По лицам измученных пилотов я понял: это последняя попытка. До земли оставалось совсем немного, вот она — рядом, можно садиться, но вновь неудача, и самолет резко взмыл вверх. На неболь-

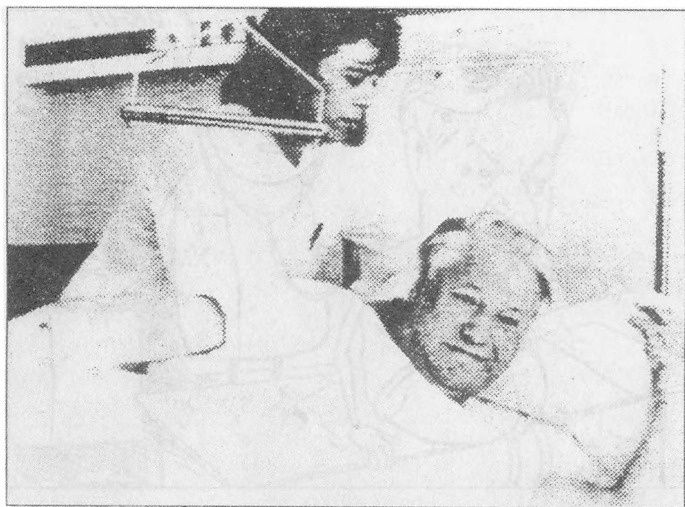
шой высоте он потерял скорость и почти упал на взлетную полосу. Сильнейший удар пришелся на хвостовую часть.

Ельцин с трудом, но без посторонней помощи вышел из самолета и пожал руки пилотам.

— Здорово умеете ругаться, ребята. Хорошо вы их...

Он поспешил к машине, закусив губу. Начала болеть спина.

Обследование самолета подтвердило наши подозрения: саботаж.

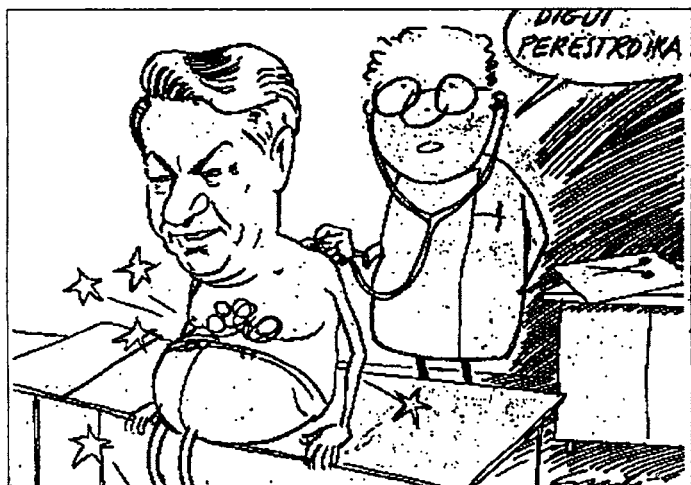

*Испания, Барселона, 2 мая 1990 года.
Б.Н.Ельцин после операции.*

Вскоре президент Каталонии г-н Пужоль прислал за нами свой самолет с охраной, которая уже никого не подпускала к самолету. Поздно вечером прилетели в Барселону. Ельцину становилось все хуже, но он отказался от помощи, с трудом вышел из машины и поспешил в гостиницу.

— Встретимся утром, — не глядя на нас, сказал он.

Рано утром, отказавшись от завтрака, Ельцин поехал на радио давать интервью. Мы сидели вдвоем на заднем сиденье. Все чаще Борис Николаевич закрывал глаза и откидывал голову назад. От резкой боли он начал терять сознание. Срочно вернулись в гостиницу, отменили интервью и вызвали врача. Узнав об аварии, он предположил, что это травма позвоночника: необходимо срочно ехать в больницу и провести обследование. Ельцин долго отказывался.

Испания, Барселона, 2 мая 1990 года.

Дружеский шарж на Б.Н.Ельцина, опубликованный в газете «Диари де Барселона».

— И не такую боль терпел, скоро пройдет.

Только это он успел сказать и вновь потерял сознание.

Мы хотели посадить его в «скорую помощь», но услышали его твердый отказ. Сели в легковую машину и, как назло, попали в час «пик». Бесконечные торможения просто добивали Ельцина. Когда мы приехали в госпиталь, с

трудом уложили его на каталку и повезли на обследование. В тот момент он уже был частично парализован.

С каждым часом состояние Ельцина ухудшалось. Консилиум врачей пришел к единому заключению: необходима срочная операция. Главный хирург объяснил мне: от сильного удара раздроблен на мелкие куски один из межпозвоночных дисков. Острые и многочисленные осколки костной ткани позвоночника при малейшем движении травмировали и защемляли нерв. Ельцина парализовало почти на 80 процентов.

— Еще немного — и наступит полный паралич, — сказал врач.

В это время Ельцин ненадолго пришел в себя, ему предложили немедленную операцию, иначе начнутся необратимые процессы.

— Сделайте мне новокаиновую блокаду, и я полечу в Москву.

В такой критический для своей жизни момент он думал о предстоящей первомайской демонстрации. Той самой, когда Горбачев и его сторонники вынуждены были покинуть трибуну под громкий свист разгневанных демонстрантов.

Позже с большим трудом разыскали русского врача. Его заключение не обнадеживало: «Лететь Ельцин уже не может, и пока такие операции у нас проходят с серьезными осложнениями».

Ельцин продолжал отказываться от операции.

Тогда я заявил, что являюсь доверенным лицом Ельцина, беру всю ответственность на себя и даю согласие на операцию.

Директор госпиталя вызвал своего адвоката, они долго совещались. Составили необходимый документ. Его подписал я и потом Суханов.

Началась сложная, многочасовая операция. Под микроскопом предстояло освободить нерв от осколков раздробленного межпозвоночного диска. Малейшее неосторожное движение могло обернуться для Ельцина полным параличом.

Если бы его вовремя не оперировали, то, скорей всего, он навсегда остался бы прикованным к постели.

В тот день я должен был прилететь домой. Позвонил Оксане.

— По телевидению и радио передали, что с Ельциным в телецентре случился инсульт — и он потерял сознание.

«Когда же прекратится это одурачивание и неприкрытая ложь», — со злостью подумал я.

— Позвони, пожалуйста, Наине Иосифовне, успокой ее. Скажи, небольшая травма позвоночника. Операция уже началась. Все будет нормально.

Все передачи по телевидению и радио Испании прерывались сообщениями о проходящей операции.

Я позвонил на барселонское телевидение, чтобы отменили встречу Ельцина с руководителями ведущих политических партий в прямом эфире. Программа была заявлена за две недели, в студии собрались политические деятели. Огромный зал был переполнен. Общественность Барселоны загодя пришла на встречу. Организаторы потребовали, чтобы вместо Ельцина выступил я. Пришлось покинуть госпиталь и выехать на телевидение.

Операция и мои теледебаты проходили одновременно. В час ночи ведущему позвонили и сообщили, что операция завершена успешно. Врачи надеются на скорейшее выздоровление Ельцина.

Барселонцы часами стояли у дверей госпиталя. Приносили цветы. Ни один человек из Посольства СССР и других советских организаций так и не приехал к Ельцину. Ни одного звонка по-русски, ни одной телеграммы.

Трусливые и недалёковидные советские «конъюнктурщики» даже предположить не могли, что через две недели после «странной» аварии, на I Съезде народных депутатов РСФСР Ельцин будет избран Председателем Верховного Совета.

Два дня врачи не разрешали Ельцину вставать. Неудобный больной создал в своей палате подобие штаб-квартиры для встреч с политиками, бизнесменами, журналистами. Каждый день звонил жене.

— Представляете, моя Ная не верит, что я скоро прилечу в Москву! Просит беречь себя. Что вы ей такого говорили?! — вопрошал он. — Как не стыдно женщину пугать, а еще друзья называются.

Ельцину сшили корсет. На третий день он встал, и сам, без костылей, чье-либо помощи, пошел. Это походило на чудо.

— Пора лететь в Москву, — были его первые слова.

Я срочно связался с Лондоном, где нам предстояло пересест с самолета испанской авиакомпании «Иберия» на аэрофлотовский. Просил, чтобы нас встретил посольский врач, а в салоне самолета оборудовали лежащее место.

Сотрудники Аэрофлота, казалось, все предусмотрели. Только вот как пройдет эта пересадка — об этом почему-то не позаботились. Ельцину пришлось спускаться по лестнице в аэропорту. Врачи категорически запретили подобные передвижения, потому что они вызывали смещение позвоночника и сильные боли. Даже когда он лег в кресло, которое стюардессы оборудовали для него, принял болеутоляющие лекарства, все равно по его лицу я понял: очень плохо.

Еще из Барселоны я позвонил в Москву, сообщил о прилете и необходимости прислать «скорую помощь». Пока мы летели, в Москве происходило следующее. Об этом я позже узнал от Оксаны.

Прилет Ельцина в Москву держали в тайне — во избежание лишнего ажиотажа. Он мог только повредить ему.

Оксана без труда добралась до Шереметьево-1. Оттуда шел автобус в Шереметьево-2, куда мы прилетали.

— Ты не представляешь, — рассказывала она. — В первый автобус я не смогла сесть — такое количество

народа ехало в Шереметьево-2. Почему-то все с большими букетами цветов. Первое, о чем я подумала: опять какая-то футбольная команда прилетает. С трудом протиснулась в здание аэропорта. Здесь меня подхватила толпа и в буквальном смысле понесла к двери, откуда должны были появиться пассажиры вашего рейса. Я с недоумением смотрела на происходящее. Вышел Ельцин, и людской водоворот, скандировавший: «Ельцин — президент!», поднес меня к нему очень близко. Его забрасывали цветами, что-то восторженно кричали.

Навстречу Ельцину бежал двухметровый Коржаков, которому я успел крикнуть: «Саша, прикрой Ельцину спину!»

Действительно, незабываемый исторический момент.

Когда мы приземлились, нас ждала «скорая помощь». Но Ельцин, стиснув от боли зубы, наотрез отказался сесть в нее и ехать в больницу.

— Домой!

И с трудом пошел к выходу.

Лавина народа, бросившаяся навстречу Ельцину, вызвала у всех нас скорее страх, чем восторг. Любой толчок для Ельцина мог оказаться роковым. Коржаков подоспел вовремя и заслонил будущего Президента.

Поистине «живое море» выплеснулось на улицу, не переставая скандировать: «Ельцин — Президент! Ельцин — Президент!»

Горбачеву наверняка тотчас сообщили эту грустную новость.

Многие, не зная точного времени прибытия самолета, ожидали его уже более трех часов.

Ельцин едва дошел до «Москвича», обнял Наину Иосифовну, и они тут же уехали.

Все следующее утро я провел в радиостанции Останкино. До Первого Съезда народных депутатов РСФСР оставалось две недели. В передаче «Молодежный канал» мы провели блиц-опрос общественного мнения, за-

давая один-единственный вопрос: «Кого вы хотели бы видеть на посту Председателя Верховного Совета РСФСР?» Девяносто шесть процентов радиослушателей ответили: «Ельцина».

Ведущую передачи вскоре уволили. Привычные методы борьбы с зарождающейся демократией.

Я не успокоился и выступил в популярной тогда передаче «Взгляд». Рассказал о Ельцине как о единственно приемлемой кандидатуре на пост Председателя Верховного Совета РСФСР.

На следующий день поступило огромное количество звонков и на телевидение, и мне лично. Чувствовалось, что очень многие поверили в цельную, сильную личность Ельцина.

29 мая 1990 года, после нескольких туров голосования, в Георгиевском зале Московского Кремля большинством голосов Ельцина избрали Председателем Верховного Совета РСФСР.

ЕЛЬЦИН
поддержал
«рискованные
начинания»

*Греция, Афины, 30 ноября 1989 года.
Первые минуты в аэропорту г.Афин.
(Справа: греческий корреспондент Костас Кехриниотис).*

Через несколько месяцев после избрания Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР, на очередной сессии парламента большинством голосов я был утвержден на пост министра внешних экономических связей Российской Федерации.

На каждый пост было представлено 3-4 кандидатуры, которые проходили своеобразный экзамен перед независимой экспертной комиссией. И только после этого Председатель Совета Министров И.С.Силаев по рекомендации этой комиссии одного из них, набравшего наибольшее число баллов, представлял парламенту. С каждым из утвержденных министров Ельцин подолгу беседовал, ведь это было его первое правительство, правительство реформ, достаточно компактное и профессиональное.

Моя встреча с Борисом Николаевичем длилась более двух часов. Я пришел с конкретными предложениями, часть из которых впоследствии удалось реализовать.

Проанализировав программу «500 дней» Г. Явлинского и Б. Федорова, я пришел к выводу, что она построена по принципу «дай». От населения все время требовались жертвы во имя далекого светлого будущего. Я предложил дополнительно ввести элемент «на», т.е. заинтересованность всех в предполагаемых реформах получением определенной собственности.

Так впервые полуофициально появилось понятие приватизационных чеков (но не ваучеров, стоимость которых в условиях гиперинфляции стремительно приближалась к нулю).

Встреча подходила к концу. Ельцин встал.

Я сказал:

— Борис Николаевич, история строго спросит с нас всех за то, что сделали, и то, что сделать не успели.

— Делайте то, что должны, — сказал Ельцин, крепко пожимая мне руку. — **Я отвечу за все...**

После этого я прекратил работу на общественных началах президентом созданной мною Академии депутатского корпуса. Почему возникла идея создания подобной академии?

Примерно за год до этого многие заседания депутатов начали транслировать по телевидению. Для большинства населения это явилось неожиданным откровением и вызвало чрезвычайный интерес. Даже на «мыльные» оперы торопились с работы с меньшим энтузиазмом, чем на показ таких заседаний. Секрет оказался прост.

Все бурно обсуждали увиденное на работе, дома и приходили к единому мнению:

— Вчера смотрели? Даже в цирк ходить не надо! А как они говорят: «лòжите», «углòбите», «позвòните»... Ведут себя как на базаре — друг друга перекричать стараются, а толком и выступить не могут.

Действительно, депутаты неряшливо одевались, на официальных приемах путали приборы, хватали хлеб с правой стороны...

Еще хуже обстояло дело с их женами, для которых планировалось открыть специальный факультет.

Мою идею создания академии для подготовки грамотных и образованных депутатов и кандидатов в депутаты Ельцин сразу же поддержал. Начиная с азов ораторского искусства, этикета, общения с аудиторией,

проводились занятия по многим дисциплинам, расширяющим кругозор и повышающим культуру народных избранников. Многие будущие депутаты Моссовета и Верховного Совета России стажировались в Академии депутатского корпуса.

Были и другие примеры безудержного популизма и карьеризма, чему не могла помочь даже академия. Так, депутат Верховного Совета РСФСР Н.Травкин по любому поводу и без повода постоянно атаковал Президента и правительство. Часто эти выступления носили просто карикатурный характер. После объявления по внутренней трансляции, что слово предоставляется депутату Травкину, депутаты оставляли недоеденные бутерброды и бросались в зал заседаний.

— Давай скорей, Имраныч (Хасбулатов) опять шута (Травкина) выпускает.

Чтобы отмахнуться от него, как от назойливой мухи, назначили министром... без портфеля.

Больше его никто не слышал. Принципиальное шутовство закончилось. Потом за ненадобностью несуществующий портфель тоже отобрали. На очередных выборах избиратели Подмосковья оценили деловую хватку и «принципиальность» Н.Травкина и больше голосовать за него не стали.

Недалеко от Травкина ушел еще один скоморох — Марычев и т.д.

Так что, созданная мною Академия депутатского корпуса могла бы пригодиться многим сегодняшним и завтрашним депутатам.

Мое первое в качестве министра распоряжение было издано и строго соблюдалось почти за год до августа 1991 года, когда деполитизация государственных органов еще не стала нормальным явлением. Тогда даже такое короткое распоряжение, подобно грозовой туче, перепугало многих партократов.

МИНИСТЕРСТВО
ВНЕШНИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РСФСР

31 августа 1990 года

№ 1

РАСПОРЯЖЕНИЕ

В соответствии с решениями I Съезда народных депутатов РСФСР и в целях деполитизации органов управления Республики:

1. Запрещаются все виды общественно-политической деятельности (организация партийных комитетов, сбор взносов, партийные собрания и т.д.) в рамках Министерства внешних экономических связей РСФСР (МВЭС РСФСР) и подведомственных ему организаций как в РСФСР, так и за рубежом.

2. Не рекомендуется сотрудникам МВЭС РСФСР и подведомственных ему организаций вступать в служебные контакты по вопросам определения таможенных пошлин, выдачи лицензий и квот на экспорт-импорт, установления налоговых льгот и т.д. с представителями тех организаций и ведомств, которые нарушают решения I Съезда народных депутатов РСФСР об отмене монополии какой-либо партии на политическую деятельность.

3. Разрешается прием на работу сотрудников, являющихся членами любой из политических партий, деятельность которых не запрещена Конституцией РСФСР.

4. Разрешается членам указанных партий участвовать в работе съездов, форумов, конференций и т.д. в счет отпуска без сохранения содержания.

Ознакомить с содержанием данного распоряжения всех сотрудников МВЭС РСФСР и подведомственных организаций.

Министр внешних экономических связей
В.Ярошенко.

Рискованность подобного шага не замедлила сказаться. Меня неоднократно вызывали в Прокуратуру РСФСР. Повестки присылали даже домой.

Реагировать, а тем более бояться подобных уведомлений не считал нужным. Едва хватало времени на самые неотложные дела.

Если бы мы все время оглядывались, то не сделали бы того, что сумели сделать.

Впервые созданное Министерство внешних экономических связей РСФСР — одна из важнейших экономических основ суверенитета России, требовало полной отдачи сил. Все приходилось делать с нуля: от штатного расписания министерства до разработки концепции внешних экономических связей России.

Сейчас, очевидно, только профессионалы помнят, что до создания нашего министерства вся внешнеэкономическая деятельность регулировалась совместными решениями Политбюро ЦК КПСС и Совмина СССР, т.е. волюнтаристским путем. Никто никогда не слышал о таких категориях, как тарифное и нетарифное регулирование. Менее чем за один год нам удалось ввести во внешне-торговую практику такие рыночные инструменты, как таможенные пошлины, акцизы, лицензии, квоты и т.д.

Вскоре после назначения меня министром внешних экономических связей РСФСР из Швеции поступило предложение: организовать в городе Эрибру выставку русских товаров. Вот тогда-то впервые и возник у меня вопрос: под каким флагом мы будем представлять государство, обретшее новый статус?

Несмотря на то, что забот у меня было немало, все вечера до поездки я посвятил изучению наших исторических корней. Перечитывал документы известных историков, ученых, поэтов о российском флаге. Произведения Карамзина, Дмитриева, Ключевского стали настольными книгами. Во многом помогала и моя жена Оксана, работавшая в Кремле и занимавшаяся ре-

ставрацией старинных тканей, в том числе и российских стягов.

Спустя несколько дней дома меня ждал сюрприз: на рабочем столе лежали два небольших флажка: бело-сине-красных. Оксана всегда знала, чем можно удивить и обрадовать.

Мы вместе заново «открывали» для себя историю нашего государства.

...Во времена царствования Алексея Михайловича, отца Петра I, в 1668 году появилось первое упоминание о российском флаге. Стремительно начала развиваться торговля с зарубежными странами, и царь Алексей Михайлович отдал приказ: «...строить корабли для охраны торговых караванов».

В небольшом селе Дединове, расположенном на берегу Оки, спешно собрали мастеровых людей из близлежащих деревень, и вскоре был построен корабль «Орел». Капитаном его назначили Бутлера, который отличался «нравом суровым и педантичным», — отмечалось во многих исторических документах. Он первым обратился к государю с вопросом: под каким же флагом выйдет его корабль? «На кораблях бывает, которого государства корабль, того государства бывает и знамя,» — не преминул заметить Бутлер.

Царь, основательно изучив цвета флагов разных стран, остановился на бело-сине-красном. И над Волжско-Каспийской флотилией стал развеваться трехцветный флаг.

Статус его изменился при Петре I. 20 января 1705 года государь повелел только на «...торговых судах быть знаменем, по образцу каков нарисован, послан под сим его Великого Государя Указом». Петр I собственноручно нарисовал образец и определил порядок горизонтальных полос на флаге. Историки полагают, что моделью послужил голландский флаг, состоявший из трех горизонтальных полос тех же цветов. Он яв-

лялся одним из первых в Европе освободительных флагов: под его знаменами велась борьба за независимость Нидерландов.

С 1712 года военно-морские корабли России подняли новый, «Андреевский» флаг — белый с лазоревым крестом, учрежденный в честь святого апостола Андрея Первозванного.

В 1858 году царь Александр II учреждает третий, черно-желто-белый флаг правительственных, казенных и административных учреждений. Его цвета символизировали «землю — золото — серебро». Так называемый «монархический» флаг просуществовал до 1883 года.

Нельзя не согласиться с мнением известного русского ученого, создателя русского толкового словаря Владимира Даля. Он отметил, что все народы Европы знают свои национальные цвета, а мы же не знаем и путаем, «поднимая разноцветные флаги и невпопад».

Лишь в 1896 году, накануне коронации Николая II, окончательно утверждается государственным бело-сине-красный. Красный цвет означал «державность», синий, вернее, лазоревый — цвет Богоматери, под покровительством которой находилась Россия, и белый — цвет свободы и независимости. Вот по этому флагу и стали повсеместно узнавать мощное Российское государство.

Судьба бело-сине-красного всегда была и динамична и драматична. Спустя 22 года, в апреле 1918 года, по предложению Якова Свердлова над нашей страной подняли красный флаг. Его также позаимствовали, правда, у европейских социалистов прошлого века. Еще один продолжительный период истории. Не следует забывать, однако, что под его знаменами наше государство было спасено от фашизма.

Наступил 1990 год. Я не сомневался — это реальный прорыв в будущее.

Меня пригласили в Швецию — организовать выставку российских товаров. И я решил привезти туда большой бело-сине-красный флаг. Но на каждой выставке был «комиссар» от КПСС. К сожалению, наши «стражи порядка» продолжали мыслить стереотипами прошлых лет. Нам запретили вывесить трехцветный флаг в российском павильоне. Поэтому он вернулся в Москву, и я повесил его в моем кабинете. На столе у меня стоял флаг поменьше, сшитый Оксаной. Точно такой же, второй, мы подарили Ельцину. Он тоже поставил его в своем рабочем кабинете.

На всех официальных бумагах, бланках, визитках Министерства внешних экономических связей Российской Федерации я приказал напечатать логотип с российским флагом. Меня неоднократно обвиняли в подлой вольности, говорили о «нарушении законной процедуры утверждения государственных документов». Не раз демонстративно возвращали бланки «неустановленного» образца.

На нескольких заседаниях правительства я выступал в предложении вернуться к исконно российской символике. Была создана комиссия, которая поддержала мои предложения. Так хотелось все успеть сделать, хотя самое главное дело — строительство новой экономики забирало практически все силы.

— Трудное, но такое важное дело начинаем, — подбадривал меня Ельцин. — Сколько уже пережили. Помните, как в Греции нас чуть ли не врагами народа посчитали.

...За несколько месяцев до поездки в Испанию мэр города Афины пригласил Ельцина и меня — в то время депутата, его добровольного экономического советника — в Грецию. Мы знали, что в конце 1989 года готовится визит Горбачева в Италию и на Мальту. В Греции он уже успел побывать в сопровождении тысячи человек, не считая большой группы журналистов. Хорошо

продуманная реклама во многом способствовала дутой популярности Горбачева. Он всячески пытался завоевать международное признание.

В Грецию Ельцин летел без охраны и журналистов. Только он и я. Но мы ехали с намерением объяснить, что Ельцин — наиболее перспективный и деятельный политик России.

Визит этот я опять-таки организовывал в рамках прорыва информационной блокады Бориса Николаевича.

*Греция, Афины, декабрь 1989 года.
В студии радиостанции «Скай».*

Руководители практически всех крупных политических партий, многие из которых — весьма негативно настроенные, встретились с нами. Ельцин неоднократно выступал по радио, телевидению, давал многочисленные интервью.

*Греция, Афины, 30 ноября 1989 года.
Пресс-конференция. «Смешной вопрос».*

*Греция, Афины, 30 ноября 1989 года.
Прием в мэрии в честь Высокого гостя.
Награждение Б.Ельцина медалью почетного гражданина Афин.*

Мэр города Афины — дальновидный и опытный политик — устроил прием в честь Ельцина и его немногочисленной «делегации». Вручил нам медали почетных граждан Афин.

Выразить свое уважение пришли депутат парламента Мицутакис, будущий премьер министр Греции, бизнесмены, деятели науки и культуры... Среди послов великих держав не оказалось только одного — советского: вместо себя он послал секретаря парткома.

Греция, Афины, декабрь 1989 года.

Встреча лидера советской оппозиции Б.Н.Ельцина с лидером греческой оппозиции г-ном Мицутакисом.

— Здорово боится, значит — сладко живет, — отметил Ельцин.

На следующий день состоялись переговоры с премьер-министром Греции Золотасом, который не скрывал своего доброжелательного отношения к Ельцину.

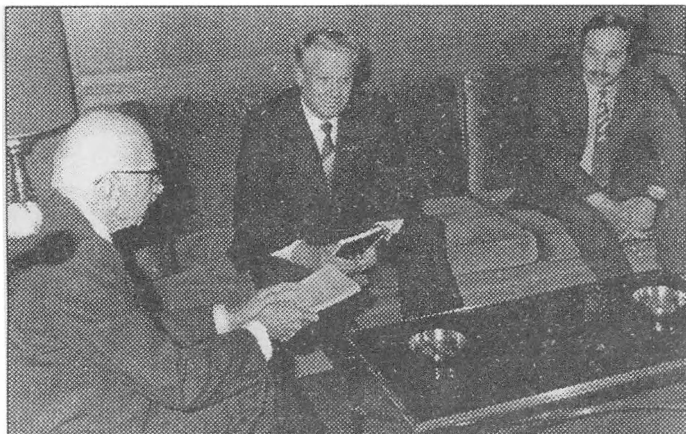

*Греция, Олимп, декабрь 1989 года.
Б.Н.Ельцин на «Олимпе».*

Советского посла на встречу не пригласили, но он почему-то пришел.

— Мне очень импонирует ваша откровенность и программа, у которой очевидные перспективы, — начал беседу премьер-министр. — Жаль, некоторые высокопоставленные представители Советского Союза не разделяют столь прогрессивные взгляды.

Беседовать с советским послом премьер-министр не стал, дипломатично сославшись на нехватку времени.

Греция, Афины, декабрь 1989 года.

Переговоры с премьер-министром Греции г-ном Золотасом.

Ельцин сказал послу о своем желании встретиться с коллективом советских учреждений и членами их семей. В ответ испуганный советский бюрократ предложил встречу только с партактивом, на что Ельцин не согласился.

— Тогда вообще никакой встречи не будет.

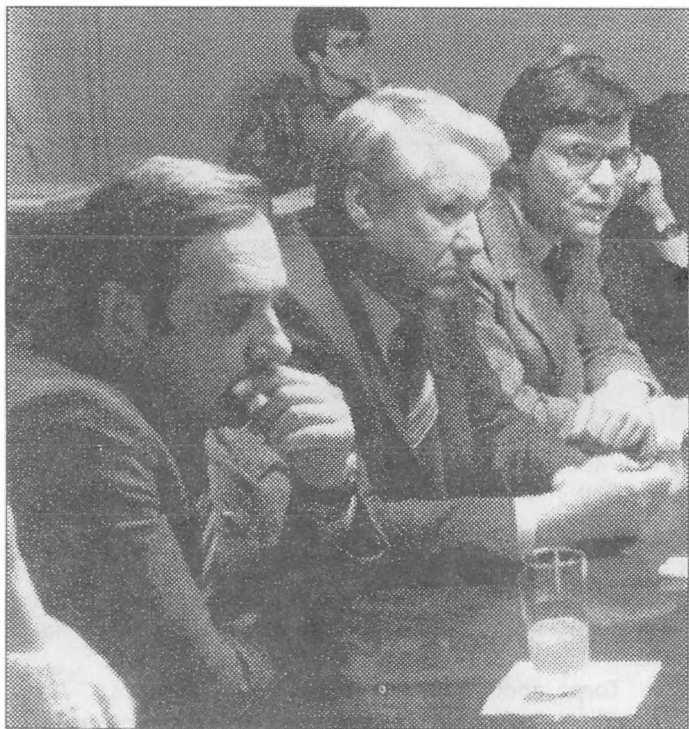
Категорический отказ Ельцина еще больше перепугал посла. Под сильным, давящим взглядом напористого русского бунтаря у него не выдержали нервы, и он согласился.

В советском посольстве собралась большая аудитория. По мере того, как Ельцин аргументированно рассказывал о кризисных процессах, происходящих в стране, очевидное недоверие сменялось интересом и симпатией.

Время, отведенное на встречу, подошло к концу. Микрофон взял посол.

«Может, хоть теперь «прозрел», — подумал я.

— Вы, вы! — истерично выкрикнул он. — Позорная ложь, клевета на партию, которая привела нас к таким успехам!

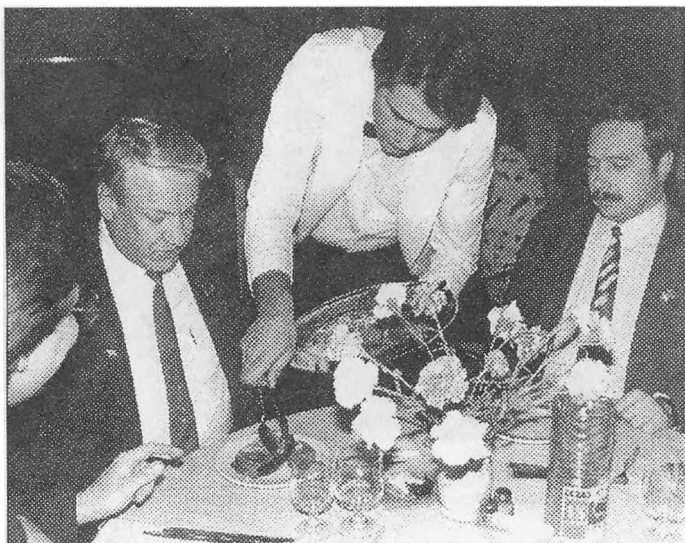
Греция, Афины, декабрь 1989 года.

Встреча Б.Н.Ельцина с профессурой Афинского университета.

И все в таком духе. Раззадоривая сам себя, посол клеймил таких, как мы, обвиняя во всех мыслимых и немыслимых грехах.

У меня возникло недоброе предчувствие, что Ельцин уйдет из зала. Напротив, он внимательно выслушал продолжительный поток обвинений и вновь подошел к микрофону.

— Прошли те времена, когда по чьей-то прихоти честных людей обвиняли врагами народа, — спокойно

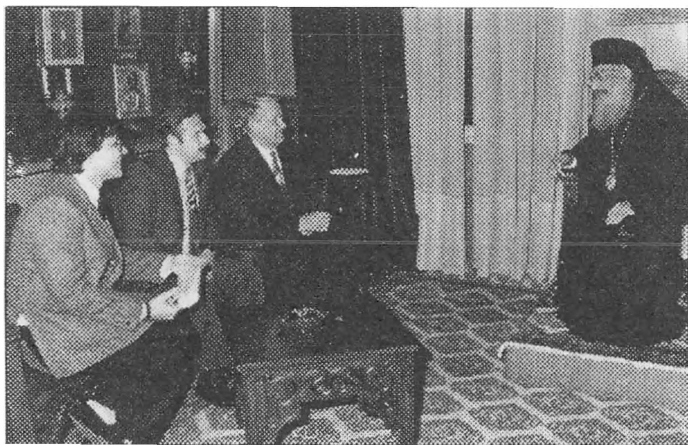

*Греция, Афины, декабрь 1989 года.
Впервые обед без интервью.*

произнес Ельцин. — Не получится, не старайтесь. Красивым лозунгам перестройки пришел конец. Я неоднократно стремился к сотрудничеству с центральным руководством, но к согласию мы так и не пришли. Гор-

бачев подвел страну к диктатуре, и я иду на честную конфронтацию с ним. Предлагаю передать власть коллективному органу — Совету Федерации. Я верю в Россию. Очень хочу, чтобы вы все услышали меня, хочу достучаться до ваших сердец. Надеюсь на вашу поддержку. Только так вы поможете возрождению России.

Перед отъездом мы встретились с главой греческой Православной церкви, который среди прочего расска-

Греция, Афины, декабрь 1989 года.

Встреча с главой греческой православной церкви.

зал, что во время фашистской оккупации с автоматом в руках защищал независимость Греции.

Ельцин выразил греческому Патриарху свое глубокое уважение и напомнил, что православие в Россию пришло из Византийской империи, религиозную основу которой составляла Греция.

Трудности, пережитые вместе с Ельциным, из памяти так просто не сотрешь. Они оттачивали харак-

тер, закаляли меня перед грядущими испытаниями. Не случайно Ельцин поручил мне создать практически на пустом месте одну из основ экономической базы России.

В области внешних экономических связей положение было особенно тяжелым: отсутствие золотого и валютного запасов, алмазного фонда, конвертируемого рубля. Не существовало никаких правил, регулирующих торговлю и привлекающих иностранные инвестиции. Мы не участвовали в работе международных экономических организаций.

Мне вновь предстоял экстерн, только на несопоставимо более высоком уровне. Надеялся, что он, как и в детстве, окажется успешным.

...Когда я учился в школе, в Москве было только три спецшколы: английская, немецкая и французская. Это сейчас их сотни, и естественно, что уровень преподавания уже не тот.

До четвертого класса я ходил в обычную общеобразовательную школу. Неподалеку от нее находилась французская специальная. Некоторые из моих друзей учились в ней и рассказывали много интересного.

После окончания четвертого класса, когда начались летние каникулы, я решил самостоятельно изучить французский, который в спецшколе начинали со второго класса. Ребята из нашего дома почти все дни проводили во дворе, а я корпел над учебниками. Приходилось перебарывать себя.

Никогда не забуду первую встречу с директором спецшколы. Я пришел один, без родителей и сказал, что хочу здесь учиться. Рассказал о летних занятиях, самостоятельном изучении языка в объеме двух классов. Директор, естественно, сразу же отказал. Но я не уходил, настаивая на экзамене. Свой первый и оттого особенно трудный экстерн я выдержал. В пятый класс пошел учиться в спецшколу.

Вскоре она стала называться школой им.Ромена Роллана, но сущность от этого не изменилась — она дала мне прекрасное образование, заложила мощный потенциал на всю жизнь.

Много лет спустя, когда я работал в парламенте СССР, меня назначили председателем подкомиссии по налоговой политике. Предложенный мной законопроект по налогообложению — альтернативный правительству В. Павлова, который в то время являлся премьер-министром СССР и одновременно председателем Государственного совета по экономической реформе Кабинета Министров СССР, был принят за основу как союзным, так и республиканским парламентами. Его главная задача — не душить нарождающихся предпринимателей, особенно производителей, многочисленными пошлинами и налогами, а создать им режим наибольшего благоприятствования, ввести систему поощрительных, а не запретительных налогов.

Будучи министром, я разработал концепцию внешних экономических связей Российской Федерации. Ее с энтузиазмом поддержали Ельцин и Силаев, занимавший тогда пост Председателя Совета Министров РСФСР.

Неотложные задачи предстояло решить в кратчайшие сроки: осуществить на деле частичную конвертируемость рубля, дать возможность иностранным фирмам торговать в России за рубли. При правильном подходе к этим вопросам мы могли значительно укрепить курс рубля по отношению к доллару США, особенно если бы разумно проводилась начатая тогда приватизация.

Дважды на даче в Архангельском мы с Ельциным подробно обсуждали возможную схему привлечения иностранных инвестиций в экономику России в виде рублевой массы, полученной иностранными компаниями

за продажу на территории России необходимых нам товаров за рубли.

После длительных дебатов и проволочек российским правительством по моей инициативе в декабре 1990 года было принято Постановление «Об использовании иностранными фирмами денежных средств в советских рублях на территории РСФСР».

Согласно этому постановлению иностранные фирмы могли использовать на территории РСФСР средства в советских рублях для инвестиций при разгосударствлении и приватизации собственности в любых сферах экономики, а также для приобретения недостроенных зданий и сооружений, создания новых предприятий. Решения по вопросам, связанным с использованием иностранными компаниями средств в советских рублях, должны приниматься Минфином РСФСР, МВЭС РСФСР, Госкомитетом РСФСР по управлению имуществом совместно с Госбанком РСФСР и Внешторгбанком РСФСР.

В свою очередь российские предприниматели имели возможность производить оплату закупаемых за рубежом машин и оборудования, а также товаров народного потребления (по перечню, утвержденному МВЭС РСФСР) в советских рублях по специальному курсу через Внешторгбанк РСФСР.

Первым сделал решительный шаг М.Д.Малей, занимавший тогда пост заместителя Председателя Совета Министров РСФСР. Он конвертировал рубли по предложенной схеме в несколько миллионов долларов США. Можно было ожидать настоящего прорыва в экономике.

В условиях, когда центр лишил республику валютных ресурсов, нами было найдено неординарное решение. Российское правительство получило возможность выйти из затянувшегося экономического кризиса, учитывая прежде всего интересы простых людей.

Несмотря на «компетентные» прогнозы В.Павлова о грядущем полуголодном существовании, мы планировали начать массовые поставки в республику продовольствия и товаров народного потребления.

В создавшемся практически катастрофическом положении только привлечение на новых условиях государственных и частных фирм к совместной работе по насыщению российского рынка необходимыми товарами могло нас спасти от экономического краха. Провели переговоры с зарубежными компаниями и договорились о поставках значительных объемов продовольствия, промышленных товаров, технологий на основе открытия взаимных кредитов. В данных соглашениях предусматривалось, что ни доллары, ни рубли границы советского государства не пересекали. Все это четко соответствовало законодательству Российской Федерации и СССР. Полученные иностранными вкладчиками рубли могли быть вложены только в экономику РСФСР.

Привлечение западных инвесторов носило бы стабильный характер и стимулировалось со стороны нашего министерства.

Однако прокоммунистическое крыло парламента сделало все возможное, чтобы перекрыть нам все пути к реализации программы, полностью отвечающей интересам России.

В какой-то мере я рассчитывал на поддержку прессы, потому давал интервью многим журналистам различных газет и журналов. 13 февраля 1991 года «Российская газета» опубликовала объективный анализ, процитировав часть моего интервью:

«...Ни для кого не секрет, что происходит резкая поляризация, обострение политической и экономической обстановки.

Российское государство, твердо взяв курс на реформы, явно становится опасным для тех сил, которые

Э. Шеварднадзе назвал реакционными. Именно поэтому против Правительства РСФСР направлено острое провокаций, клеветы, предпринимаются попытки сломать ему хребет, убрать со сцены и таким образом приостановить процесс наполнения суверенитета республики реальным содержанием».

Незадолго до этого мы встретились с Борисом Николаевичем в неофициальной обстановке.

Первого февраля 1991 года Ельцину исполнилось 60 лет. Многие готовились к этому торжественному дню, чтобы выразить свои «искренние», верноподданнические чувства. Президент остался верен своим принципам. Не устроил торжественного приема, арендовал под Москвой столовую дома отдыха «Спутник» недалеко от Зеленограда, не принял ни одного подарка, кроме огромного торта с шестьюдесятью свечами от Совета Министров РСФСР.

Собрались по-семейному, только близкие друзья Ельцина и однокашники по учебе. Мы с женой были в числе немногих приглашенных. В тот момент не место и не время было для разговора о грядущих трудностях. В дальнейшем, особенно после путча, непреодолимый «кордон» советчиков надолго заслонил президента от тех, кто выражал откровенное несогласие с ходом экономических реформ.

Накануне очередного заседания парламента сторонники Ельцина — сотрудники Министерства внешних экономических связей СССР передали мне секретный материал, раскрывающий ужасающее положение с импортом продовольствия, сырья и других товаров традиционного импорта. Подготовленное выступление я показал И.С. Силаеву. Он внимательно изучил его и сказал:

— Я сам его зачитаю. Возможно, это мое последнее выступление.

28 февраля он обнародовал реальное положение дел:

«Сырье и материалы. Министерство внешнеэкономических связей СССР в первом квартале их закупило по сравнению с первым кварталом прошлого года 0,67 процента. Это прежде всего красители, полуфабрикаты, сырье, которое в стране не производится и без которого попросту не может работать легкая и текстильная промышленность. И она уже не работает. Одна за другой останавливаются фабрики. А это значит, что та пустота прилавка, от которой все мы сейчас воем, — только цветочки. Пока хоть время от времени в магазинах что-то появляется, что-то можно еще купить. Остановка же легкой и текстильной промышленности гарантирует нам полную стерильность прилавков по крайней мере на несколько месяцев.

Шроты. Это белковые добавки для приготовления комбикорма. В прошлом году, как известно, мы уже один раз с ними промахнулись, не закупили своевременно, и в результате недосчитались 1200 миллионов штук яиц, передохли куры и скот. Так вот, этих самых шротов закуплено в первом квартале всего 27 процентов от уровня прошлого года. Растительного масла — 1,7 процента, сахара — 5,6 процента, зерна — 17 процентов...

Все это называется катастрофой. И начаться она должна не в каком-то там неопределенном будущем, а в ближайшие недели. Современный человек не может жить, если в магазинах пусто».

Концепция внешних экономических связей РСФСР, одобренная Ельциным, не раз подвергалась остракизму в разных коммунистических изданиях. Но мы упорно продолжали начатое дело, искали нестандартных решений.

Я побывал в Южной Корее и договорился о предоставлении нам значительных кредитов на льготных условиях. Провел переговоры и аккредитацию при министерстве Ассоциации внешней торговли Тайваня.

Вскоре должен был состояться визит российской делегации в ЮАР. Предварительное согласие я дал, но с условием — выехать туда как неофициальное лицо. В то время с этой страной у нас не было официальных отношений. Несколько дней я раздумывал: стоит ли ехать?

Со времени начала избирательной кампании в народные депутаты СССР исследованием моей деятельности активно занялись «особые» службы.

В одной из газет даже опубликовали подробный перечень моих заграникомандировок.

Придя домой, я всячески пытался скрыть свое настроение от жены. После ужина, чтобы как-то отвлечь меня от невеселых мыслей, Оксана спросила:

— Ну как, вкусно было?

Я с ужасом подумал: «Даже не помню, что ел».

Мой верный друг и любимая женщина все понимала. Позже она рассказала: газету со статьей о моих командировках какой-то «доброжелатель» рано утром положил ей на рабочий стол.

На следующий день от важной поездки в ЮАР я отказался. Предчувствие меня не подвело. Вскоре в «Советской России» вышла статья, где говорилось о несостоявшихся контактах с деловыми кругами ЮАР в привычной для того времени манере:

«...В письме другого специалиста-африканиста приводятся и другие весьма любопытные сведения. В ЮАР выезжала делегация советского консорциума «Экопром». Оказывается, вместе с ней в Йоханнесбурге ждали и еще одного гостя, числившегося в списке пассажиров авиалайнера. Южно-африканские власти были настолько уверены в его приезде, что поторопились сообщить об этом местным и иностранным корреспондентам. Имя ожидавшегося гостя — В.Н.Ярошенко, министр внешних экономических связей РСФСР».

Сомневаться не приходилось: информация о подготовке российским руководством установления экономических связей с ЮАР поступила в газету не в виде «письма специалиста-африканиста», а совсем от других «специалистов», бдительно отслеживавших каждое мое движение. Я искренне сожалел, что огромные деньги платят за недостойные для любой цивилизованной страны «услуги».

Несмотря ни на что, работа не прекращалась. Еще несколько интересных схем привлечения иностранного капитала в нашу экономику получили одобрение Ельцина. Нашей мечтой являлся «план Маршалла» для России, но в то время осуществить его мы не успели.

Наступил тревожный август девяносто первого...

**ЕЛЬЦИН –
Президент России.
Мятеж 1991 года**

Москва, 19 августа 1991 года.

*Ельцин зачитывает с танка обращение «К гражданам России»
(фото сделано с любительской видеопленки).*

В Архангельском находятся правительственные дачи. Это совсем не дворцы с многочисленной прислугой. Небольшие двухэтажные коттеджи, где за все надо платить самим: за аренду, электричество, еду. Рассказываю об этом, потому что очень много разных сплетен и фантастических историй написано об этих «роскошных, бесплатных виллах для сильных мира сего». Ничего подобного — все довольно скромно. Если у вас нет собственной дачи (а у меня ее нет и до сих пор), которая и в то время стоила совсем недешево, то единственная возможность прийти в себя после изнурительной работы реализовывалась в виде таких опять же оплачиваемых услуг.

В воскресенье 18 августа 1991 года на такой подмосковной даче я просматривал материалы по расширению торговли с Японией — готовилось соглашение. Неподалеку находилась дача, где жил Ельцин.

Оксана готовилась ко дню рождения сына — 20 августа ему исполнилось 11 лет. Если мы не всегда имели возможность воспользоваться дачей, то дети проводили там почти все свободное время, особенно летние и зимние каникулы.

Причем для них были безразличны отношения между самими родителями. Так, Коля общался в том числе и с детьми Бурбулиса, хотя у меня отношения с ним были всегда более чем натянутые. А сын Явлинского был за-

всегдаем в компании внуков Ельцина, несмотря на оппозицию Явлинского-старшего действиям будущего Президента.

На следующее утро в 7.15 раздался телефонный звонок. Я сразу узнал голос председателя Госкомитета по делам науки и высшей школы Н.Г. Малышева. Он говорил тревожно и взволнованно.

— Виктор Николаевич, в стране переворот... Горбачев отстранен от власти... Что будем делать?

— Немедленно собирайтесь, и встречаемся на даче Ельцина.

Старался не подавать вида, что, возможно, предстоят трудные времена. Оксана в то время была беременна, и любое волнение могло осложнить ее положение. Она все равно догадалась и тихо спросила:

— Что-то случилось?

Пытался найти нужные слова, что-то придумать, успокоить, но она опередила меня:

— Не надо ничего выдумывать. Я чувствую, это очень серьезно. Лучше, если сразу узнаю правду.

— В стране переворот. Надо ехать в «Белый дом». Я срочно пойду к Ельциным. Тебе с сыном надо отсюда уехать. Пожалуйста, собирайся поскорей.

Возможно, у женщин, которые вскоре станут матерью, особенно обострено чувство опасности.

— Я боюсь за тебя, за вас...

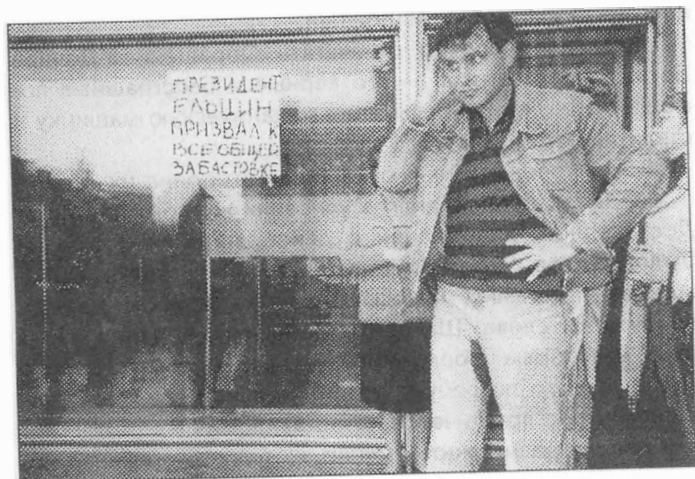
На подходе к дому Ельцина меня встретила вооруженная охрана во главе с А. Коржаковым. Им еще раньше стало известно о перевороте, и они готовы были сделать все, чтобы защитить Ельциных. Я прошел на кухню, откуда раздавались взволнованные голоса Наины Иосифовны и дочерей — Тани и Лены. Мой приход их немного успокоил, хотя Наина Иосифовна тут же спросила:

— А как Оксана? Уже знает?

— Не беспокойтесь, она все правильно поняла.

— Ну, слава Богу, а то ей труднее всех нас.

В комнате Ельцин разговаривал по телефону с Президентом Республики Казахстан — Назарбаевым. Когда он закончил, мы вместе прошли в столовую. Там сидели Руслан Хасбулатов — первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР, Геннадий Бурбулис — секретарь Государственного совета при Президенте РСФСР и Константин Кобец — и.о. председателя Госкомитета РСФСР по оборонным вопросам. Начали об-

Москва, 19 августа 1991 года.

Президент Ельцин призвал к всеобщей забастовке.

суждать текст «Обращения к гражданам России». В предстоящей борьбе за судьбу демократической России оно должно было стать основным оружием. Ельцин предложил:

— Надо призвать к двухчасовой предупредительной забастовке.

Я не согласился.

— По-моему, нужна более категоричная формулировка, ведь уже начался мятеж. Те, кто его задумали, не остановятся ни перед чем. Следует объявить о бессрочной политической забастовке — до полного выполнения всех требований, изложенных в Обращении.

После непродолжительных споров пришли к мнению о включении предложенного мной пункта.

На дачу подходили все новые и новые члены правительства, Госсовета, депутаты РСФСР: Лужков, Воцанов, Полторанин, Шахрай, Илюшин, Собчак... Руцкой почему-то к Ельцину не пришел.

Надо было срочно отпечатать Обращение. Дочери Бориса Николаевича — его верные и бесстрашные помощницы — где-то разыскали механическую машинку и стали печатать текст.

— Быстрее, девочки, быстрее, — торопил их отец.

Все и так происходило в условиях жуткого цейтнота. Достоверной информации о действиях мятежников не было, многое писали от сердца. Стали зачитывать Обращение — конечно, не обошлось без ошибок, кое-где пропущены слова. Шахрай и Собчак предлагали изменить некоторые формулировки. Ельцин согласился со мной, что это потребует дополнительного времени, которого у нас практически не оставалось.

Послали размножить именно этот текст, оригинал которого остался у Павла Воцанова — будущего пресс-секретаря Президента России.

«К ГРАЖДАНАМ РОССИИ»

В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный Президент страны.

Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом.

При всех трудностях и тяжелейших испытаниях, пе-

реживаемых народом, демократический процесс в стране приобретает все более глубокий размах, необратимый характер. Народы России становятся хозяевами своей судьбы. Существенно ограничены бесконтрольные права неконституционных органов, включая партийные. Руководство России заняло решительную позицию по Союзному договору, стремясь к единству России. Наша позиция по этому вопросу позволила существенно ускорить подготовку этого Договора, согласовать его со всеми республиками и определить дату его подписания — 20 августа с.г.

Такое развитие событий вызвало озлобление реакционных сил, толкало их на безответственные, авантюристические попытки решения сложнейших политических и экономических проблем силовыми методами. Ранее уже предпринимались попытки осуществления переворота.

Мы считали и считаем, что такие силовые методы неприемлемы. Они дискредитируют СССР перед всем миром, подрывают наш престиж в мировом сообществе, возвращают нас к эпохе холодной войны и изоляции Советского Союза от мирового сообщества.

Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый комитет. Соответственно, объявляем незаконными все решения и распоряжения этого комитета.

Увы, не все органы местной власти будут неукоснительно следовать конституционным Законам и Указам Президента РСФСР.

Призываем граждан России дать достойный ответ путчистам и требовать вернуть страну к нормальному конституционному развитию.

Безусловно необходимо обеспечить возможность Президенту страны ГОРБАЧЕВУ выступить перед народом. Требуем немедленного созыва Чрезвычайного съезда народных депутатов СССР.

Мы абсолютно уверены, что наши соотечественники не дадут утвердиться произволу и беззаконию потерявших стыд и совесть путчистов.

Обращаемся к военнослужащим с призывом проявить высокую гражданственность и не принимать участия в реакционном перевороте. Для выполнения этих требований призываем к всеобщей бессрочной забастовке.

Не сомневаемся, что мировое сообщество даст объективную оценку циничной попытке правого переворота.

Президент РСФСР

Ельцин Б.Н.

Председатель СМ РСФСР
И.о.Председателя Верховного
Совета РСФСР

Силаев И.С.

Хасбулатов Р.И.

19 августа 1991 года, 9.00 утра».

Это Обращение как можно быстрее должны были прочитать россияне. Растерянность, на которую рассчитывали путчисты, сменилась мужеством людей, объективно оценивших происходящее и объединившихся вокруг недавно избранного Президентом России Б.Н. Ельцина.

Все, кто находился в Архангельском, решали вопрос: оставаться Ельцину на даче или срочно ехать в «Белый дом»?

Большинство полагали, что Архангельское станет штаб-квартирой сопротивления.

После подписания Обращения почти все разъехались с заданием всеми доступными средствами ознакомить общественность с нашей позицией. Остались Собчак, Бурбулис, я и охрана. Я вновь поднял вопрос о месте пребывания Президента.

— Необходимо ехать в «Белый дом» и собрать иностранных послов, аккредитованных в Москве, и выступить на пресс-конференции с официальным сообщени-

ем, — сказал я Ельцину. — Если останетесь здесь, то заговорщики устроят вам западню.

Мы недолго дискутировали с ним. Он прекрасно понимал, что в настоящий момент «Белый дом» является символом российского суверенитета и демократии. К тому же, он находится в моем избирательном округе. Там проще организовать оборону, и тысячи людей придут поддержать нас.

Я очень верил, что народ сможет отстоять своего Президента. Со мной согласились и члены семьи Ельцина. Старшая дочь, Лена, заплакала, обнимая отца, и сказала: «За нас не волнуйся... Самое главное — отстоять «Белый дом».

На всех был только один белый бронежилет, который Коржаков и одел на Ельцина, а сверху — пиджак. Мы сели в машины и на бешеной скорости направились к «Белому дому». Договорились: не останавливаться, не отвечать на огонь. Исключение делалось только в том случае, если пострадает машина Президента.

Никто практически не разговаривал: ощущения страха не было, а готовность отстоять демократию и реформы требовала огромной сосредоточенности и сил.

Видимо, те, кто начал этот безумный мятеж, не смогли как следует все организовать. Это позволило нам промчаться мимо войск, направлявшихся в сторону Архангельского. Менее чем за 20 минут мы доехали до «Белого дома». Поднялись на пятый этаж на лифте Президента.

Через несколько минут нам сообщили, что части спецназа перекрыли Калужское шоссе, окружают Архангельское, отключили там все телефоны. В это время мы оперативно провели короткую встречу с иностранными послами. Ельцин был как всегда немногословен, четко изложил суть происходящего:

— В стране произошел государственный переворот, но я верю в наш народ. Он не подчинится мятежникам. Со своей стороны мы предпримем все необходимое, чтобы избежать малейшего кровопролития. Прошу каждого из вас передать своему правительству текст «Обращения к гражданам России».

Сразу же после этой срочной пресс-конференции, выйдя из кабинета, я сказал Ельцину:

— Борис Николаевич, по полученным данным окружают Архангельское.

Необходимо эвакуировать семьи.

— Сделайте все возможное, — сказал он Коржакову.

Срочно отправили служебные машины. Одна из них, посланная за моей женой и сыном, была заблокирована войсками в самом центре. Тогда я попросил одного из своих помощников поехать за моей семьей. На своих неприметных «Жигулях» он сумел вывезти Оксану и сына из Архангельского на квартиру ее матери, адрес которой мало кто знал.

Примерно в 12 часов со стороны гостиницы «Украина» мы увидели мощную колонну танков, двигавшихся в нашу сторону. Это походило на военное время. В Москве, в самом центре, начиналась гражданская война. Около десяти танков повернули влево, окружая полукольцом «Белый дом». Демонстрантов — наших защитников еще не было. Только случайные прохожие недоуменно смотрели на происходящее. Было очевидно, что это не съемки какого-то фильма. Только одним словом можно описать их чувства: шок.

Танки, как страшные монстры, с грохотом окружали нас. Их лязгающие звуки врываются в сознание, и происходящее казалось дурным сном. А танки все прибывали и прибывали. Внезапно произошло то, от чего у меня перехватило дыхание. Мужчина в бежевом пиджаке, с портфелем в руке бросился под второй танк. Водитель

успел резко затормозить. Экипаж следующего за ним танка начал усиленно газовать, а испугавшись отовсюду сбежавшихся к ним людей, стал таранить впереди стоящую машину. Второй танк медленно двигался вперед. До лежавшего на асфальте человека оставалось меньше полуметра. Несколько мужчин стремительно подбежали к смельчаку и успели его спасти. Это подтолкнуло уже многочисленную толпу к действию. Они вышли из своей шоковой летаргии и плотным, бесстрашным кольцом ок-

*Москва, 19 августа 1991 года, 10 часов 30 минут.
Мятеж. Первые танки перед «Белым Домом».*

ружили танк. Вся колонна, конца которой не было видно за гостиницей «Украина», остановилась.

Ельцин тем временем подписал указ, квалифицируя действия организаторов переворота как государственное преступление. Все решения, принятые от имени так называемого Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), признавались незаконными.

В 12.20 мы собрались в зале заседаний для проведения пресс-конференции. Я сидел в президиуме рядом с Силаевым и негромко сказал ему:

— Если мы немедленно не обратимся за помощью к москвичам, то случится непоправимое.

Он меня прекрасно понял, и все службы были задействованы для того, чтобы привлечь на защиту «Белого дома» сторонников демократии и реформ.

Из окон кабинета Ельцина, где мы находились, хоро-

Москва, 19 августа 1991 года, 11 часов 00 минут.

Мятеж. Танки заняли исходные позиции.

Прохожие в растерянности.

шо просматривалась вся площадь. Ситуация заметно менялась. Все больше и больше народа окружало танки. Казалось, не танки, а уже огромная толпа людей способна их раздавить. Обстановка становилась взрывоопасной. Борис Николаевич принял решение выйти к москвичам.

По лестнице мы спустились вниз. Сотни москвичей в несколько рядов отгородили нас от танков. Нам тот-

час помогли взобраться на танк. Журналисты и теле-репортеры — в основном зарубежные ловили каждое мгновение происходящего. Ельцин за руку поздоровался с танкистами. Впоследствии эти кадры обошли весь мир.

В тот момент у меня не было чувства страха, тревоги или опасности. Все мы, стоявшие на танке, думали об одном: убедить народ в правоте нашего дела. Обращение, зачитанное Ельциным, явилось тем послед-

*Москва, 19 августа 1991 года, 11 часов 00 минут.
Б.Н.Ельцин здоровается с танкистами.*

ним импульсом, который придал силы нашим соотечественникам. В то же время он во многом действовал и на военных.

В 14.00 прошло заседание Совета Министров РСФСР. Один из пунктов Обращения был адресован союзным республикам, чтобы они усилили защиту конституционного порядка на всей территории СССР.

Одновременно мы приняли решение о создании параллельного Совета Министров РСФСР во главе с первым заместителем Председателя Верховного Совета РСФСР О. Лобовым. Вместе с двадцатью заместителями министров он вылетел в Свердловск, где занял специальный бункер, оборудованный всеми видами связи. В случае ареста членов Правительства России они стали бы действовать от их имени.

Министр иностранных дел РСФСР А. Козырев вылетел во Францию — страну, где находится наибольшее количество международных организаций, способных поддерживать первое Российское демократическое государство.

Все мы понимали, что ситуация становится экстремальной. «Белый дом» и прилегающие к нему районы окружали бронетанковые части.

Тогда и возникла идея написания Обращения к военным. По рассказам отца, прошедшего всю войну и получившего одиннадцать ранений, я знал, как трудно оно будет доходить до сознания людей в погонах. Для каждого солдата, принявшего присягу, все команды вышестоящего по рангу должны неукоснительно исполняться.

Написание Обращения потребовало немало усилий. Переделывался по несколько раз каждый абзац, каждое слово. Я предложил, чтобы мы не создавали официально-казенный документ. Наши слова должны были дойти до сердца каждого солдата и офицера.

В 17.15 по всем возможным каналам связи передали «Обращение Президента Российской Советской Феде-

ративной Социалистической Республики к солдатам и офицерам Вооруженных Сил СССР, КГБ СССР, МВД СССР».

**«Военнослужащие!
Соотечественники!**

Предпринята попытка государственного переворота. Отстранен от должности Президент СССР, являющийся Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил СССР. Вице-президент СССР, премьер-министр, председатель КГБ СССР, министры обороны и внутренних дел СССР вошли в антиконституционный орган, совершив тем самым государственную измену — тяжчайшее государственное преступление.

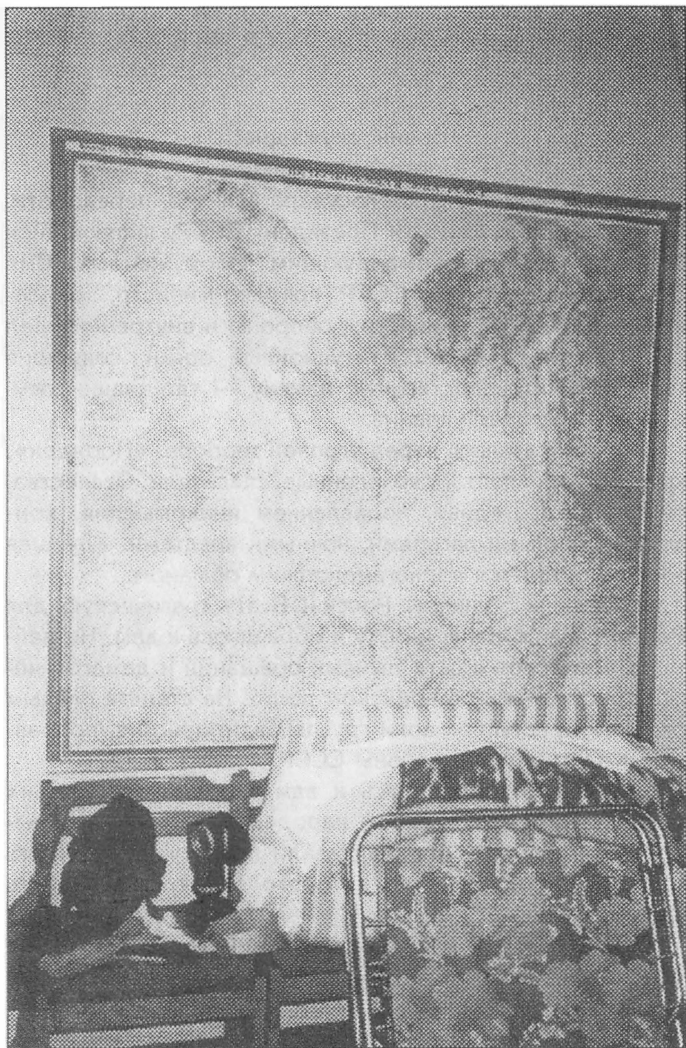
Страна оказалась перед угрозой террора. «Порядок», который обещают новоявленные спасители Отечества, обернется трагедией, подавлением инакомыслия, концентрационными лагерями, ночными арестами. «Лучшая жизнь» останется пропагандистским обманом.

Солдаты и офицеры России! В эту трагическую для России, всей страны минуту я обращаюсь к вам. Не дайте поймать себя в сети лживых обещаний и демагогических рассуждений о воинском долге! Не станьте слепым орудием преступной воли группы авантюристов, поправших Конституцию и законы СССР.

Солдаты! Я обращаюсь к вам. Подумайте о своих близких, друзьях, о своем народе. В тяжелый миг выбора не забудьте, что вы давали присягу на верность народу. Народу, против которого пытаются обернуть ваше оружие.

Можно построить трон из штыков, но долго на нем не просидишь. Возврата к прошлому нет и не будет. Дни заговорщиков сочтены.

Солдаты, офицеры и генералы! Час назад мною назначен председатель Комитета РСФСР по оборонным вопросам. Им стал ваш товарищ по оружию — генерал-

*Москва, 20 августа 1991 года.
«Белый Дом». Кабинет министра внешней торговли России.*

полковник К.И.Кобец. Издан Указ, согласно которому все территориальные и иные органы МВД, КГБ, Министерства обороны на территории РСФСР обязаны незамедлительно исполнять все распоряжения Президента РСФСР, КГБ РСФСР, МВД РСФСР, Госкомитета РСФСР по оборонным вопросам.

Над Россией, над всей страной сгустились тучи террора и диктатуры. Но они не могут превратиться в вечную ночь. Закон восторжествует на нашей земле, и наш многострадальный народ вновь обретет свободу. Теперь уже — раз и навсегда.

Солдаты! Верю, в этот трагический час вы сумеете сделать правильный выбор. Честь и слава российского оружия не будет обагрена кровью народа.

Борис Ельцин
Президент Российской Федерации
17 час. 10 мин».

Еще днем решено было послать около ста человек в разные регионы страны с тем, чтобы они на местах смогли отстаивать демократию, пресечь любую деятельность ГКЧП. Время впоследствии подтвердило необходимость подобного шага.

В «Белом доме» мы практически перешли на осадное положение. Помню, как Ельцин сказал тогда:

— Молодец архитектор Чечулин, на славу потрудился. Пожалуй, в Москве это единственное здание такого масштаба. Как он все здорово продумал: чтобы обойти все его кабинеты, коридоры, потребуется не один день. А подземный бункер и выходы из здания — прекрасно созданная система безопасности. Уверен: чем дольше будет продолжаться наша осада, тем громче политический резонанс, а у нас больше шансов мобилизовать народ.

Каждому из нас выдали оружие. Я получил пистолет системы Макарова и две обоймы с патронами. «Заблокированные» в «Белом доме», мы все-таки находили возможность передавать документы и сообщения за его пределы. С помощью водителя нашего Министерства внешних экономических связей удалось переправить туда все документы, принятые 19 августа. Я знал, что могу положиться на людей, работавших со мной, и потому отправил распоряжение о создании в министерстве штаба по организации сопротивления путчистам. Необходимо было собрать средства, продовольствие, медикаменты и срочно доставить их на баррикады. Использовали всю множительную технику. Тысячи ксерокопий распространялись среди солдат и офицеров, которым было особенно трудно сделать свой выбор. Одной из крайне важных задач я считал передачу всех документов средствам массовой информации. По факсимильной связи, работавшей в министерстве круглые сутки, поступала информация в иностранные посольства и торгпредства о реально происходящих событиях.

Этой работой руководила заведующая секретариатом министерства Н.А. Кутателадзе.

Всякий раз, когда я смотрел в окно, то видел все возрастающее и возрастающее количество людей. Долгие десятилетия советской власти — власти страха, угрозы быть арестованными за двусмысленно сказанное слово о существующем режиме — не смогли вытравить из душ наших людей желания подлинной свободы. Нас поддерживали те, кто не боялся выстрелов в упор. Их не страшили угрозы путчистов об уголовной ответственности за «пособничество» нам, передаваемые путчистами по всем канала связи каждые полчаса.

Несколько раз мне удавалось связаться с женой. В ее голосе я слышал только поддержку и желание успокоить меня. Она рассказывала, что многие идут к «Белому дому».

— Не волнуйся, — заверяла меня Оксана. — У меня прекрасный защитник — Коля. Взял игрушечный пистолет, залез под стол и обещал воевать, как и ты.

«Если даже девятилетний сын верно понял происходящее, то нас обязательно поддержит большинство,» — подумал я.

Эти краткие беседы давали мне дополнительную силу, хотя положение все больше осложнялось.

В моем избирательном округе находится завод железобетонных изделий. Я вовремя вспомнил об этом, потому что не только люди, но и техника путчистов стала значительно прибывать. Удалось связаться с директором, моим избирательным штабом. Они тут же согласились помочь. Через непродолжительное время «Белый дом», как неприступными горами, был закрыт от мятежников многочисленными железобетонными конструкциями.

Мы узнали, что заговорщики планируют высадить десант с реки, со стороны Краснопресненской набережной. Это примерно 150 метров от нашего здания. Времени построить баррикады длиной более 600 метров не было. Да и подвести такое количество строительного материала в данной ситуации никто бы не смог.

И все-таки мы нашли самое оптимальное решение: подогнали две огромные баржи, которыми перегородили Москву-реку. На баржах были установлены радиопередатчики, транслировавшие все наши обращения и призывы к москвичам.

На крыше «Белого дома» находились снайперы-«афганцы». Мы учитывали возможность высадки вертолетного десанта и потому предприняли меры безопасности. Большинство членов Российского правительства, парламентарии находились в здании. Спали мы урывками, на раскладушках, не расставаясь с оружием. Конечно, сном это назвать трудно: не переста-

вал думать о семье, родителях. Отец наверняка понимал: сейчас решается судьба не только его сына, а всего народа.

Нелегко пришлось и военным, которым путчисты отдавали приказы силой захватить «Белый дом». Они не хотели, да и не могли стрелять в своих сограждан, к тому же безоружных людей. Психологически солдатам и офицерам предстояло сделать трудный выбор: не подчиниться приказам, а значит, нарушить присягу или хладнокровно давить и расстреливать демонстрантов. Эта своего рода «нерешительность» во многом помогла нам. К тому же шел дождь, тучи прогнули небо почти до земли, и ни самолеты, ни вертолеты не вылетели «громить» «Белый дом».

Поздно ночью после долгого обсуждения Ельцин подписал заявление, которое на следующее утро было передано по всем каналам связи:

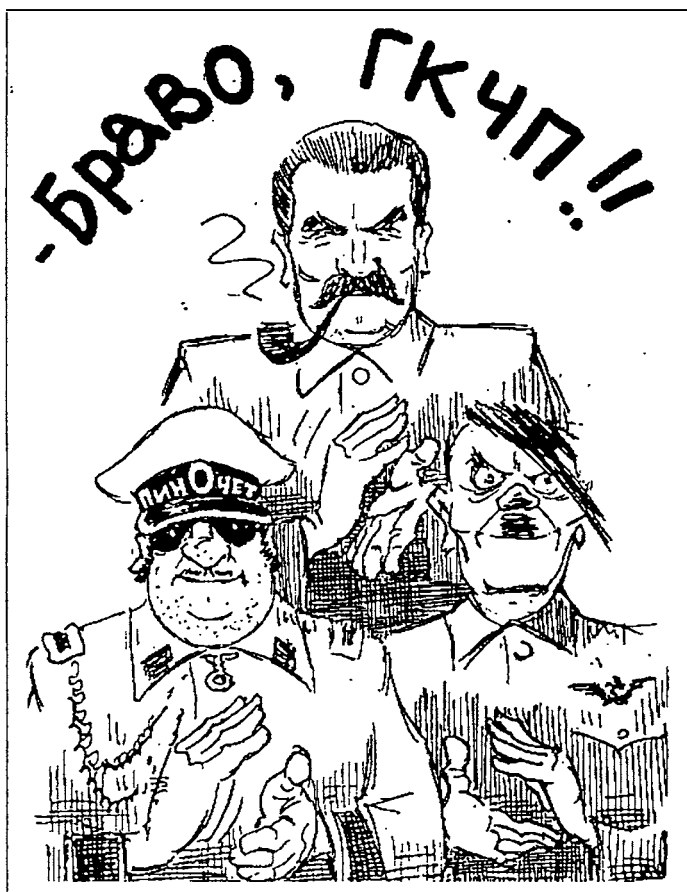
«В целях недопущения эскалации конфронтации между обществом и армией, предотвращения гражданской войны, исключения неправовых, насильственных действий в отношении кого-либо з а я в л я ю:

Лица, из числа военнослужащих и сотрудников Министерства обороны СССР, МВД СССР, КГБ СССР, втянутые в антиконституционные действия Комитета по чрезвычайному положению, не будут привлекаться к ответственности за выполнение решений своих руководителей в случае немедленного и неукоснительного исполнения указов и распоряжений Президента РСФСР, постановлений Совета Министров РСФСР, иных органов и должностных лиц РСФСР.

Б. Ельцин».

На семнадцатом этаже находился мой кабинет № 1725. Сверху были видны костры, у которых грелись

люди. Мало того, несмотря на дождь, людской поток все прибывал и прибывал. Танкисты — те самые «путчисты» — мирно переговаривались с народом, кото-

Москва, 21 августа 1991 года.

Одна из листовок-карикатур, распространяемых среди защитников «Белого Дома».

рый защищал «Белый дом». Они намного быстрее, чем те, кто их сюда послал, поняли: ценность человеческой жизни везде одинакова, она не зависит от политических пристрастий.

Ночь казалась бесконечной. Нам раздали противогазы — на случай химической атаки «Черемухой». Мне почему-то выдали целых два. Когда я одел один из них, то понял, что не смогу пробыть в нем и несколько минут, тем более — действовать в случае нападения.

На рассвете мы опять собрались все вместе, обсуждая детали дальнейших действий.

Журналисты нескольких столичных газет, запрещенных ГКЧП, по инициативе Егора Яковлева выпустили «Общую газету» и в виде листовок, отпечатанных на компьютере и размноженных тысячными тиражами, распространили среди москвичей.

Многотысячный митинг у «Белого дома» длился почти весь день. Такое массовое сопротивление народа должно было отрезвить путчистов. Но по каналам компетентных служб поступила тревожная информация: на 17.00 запланировано взятие штурмом «Белого дома».

Ельцину предложили взять на себя обязанности Верховного Главнокомандующего.

— Как Президент республики вы имеете право возглавить Вооруженные Силы России.

На следующий день, 20 августа, Ельцин так и поступил.

Намеченный штурм не состоялся.

Любые силовые действия на подступах к зданию Верховного Совета могли привести к массовому кровопролитию.

Но тем не менее поступила информация, что путчисты готовятся к штурму «Белого дома».

Мы же не планировали, а действовали. Радиостанция «Эхо Москвы» вещала круглосуточно. Кроме того, по местной трансляции для защитников «Белого дома» передачи вели Белла Куркова, Александр Любимов, Вла-

дислав Листьев, Владимир Политковский. Выступали не только руководители правительства, но и известные деятели науки и культуры.

В то время советником Председателя Совета Министров РСФСР по вопросам культуры был Никита Михалков — одаренный, импульсивный человек. В тот момент, когда мы с ним беседовали, к нам подошел Сергей Носовец — ведущий программы «Парламентский вестник».

— Виктор Николаевич, вас в этом районе хорошо знают. Выступите, пожалуйста, по каналам радио «Белого дома».

Я пригласил с собой Н. Михалкова, и мы вместе пошли в радиорубку. Вначале прозвучало его эмоциональное выступление, а потом уже мой призыв к москвичам, многие из которых были моими избирателями.

По прошествии нескольких лет, никогда не сотрется в моей памяти тот дождливый день и обращение к людям, пришедшим защищать демократию и реформы. В создавшейся ситуации не танки, а слова, способные убедить в правоте нашего дела, могли победить.

Я не скрывал от москвичей, что сегодня ночью возможен штурм «Белого дома». Просил их не терять веру и решимость.

— Если мы все вместе сегодня не отстоим «Белый дом» — единственный оплот суверенитета и возрождения России, если остановимся на полпути, то всех нас ждет возврат к страху, ГУЛАГам и прежнему рабству. Наше единственное оружие сегодня — стойкость, терпение и бесстрашие. Если мы не хотим вновь превратиться в уэллсовских «марлоков» и дать возможность недалеким властолюбцам править страной, то должны сопротивляться до конца. Благодарю всех москвичей, всех моих избирателей за мужество прийти сюда, не испугавшись устрашающих речей путчистов и направлен-

ных на вас орудий смерти. Наша единственная сила — в вашей поддержке!

Чуть позднее я связался со штабом, который работал в Министерстве внешних экономических связей РСФСР. Они передавали мне маршруты передвижения войск. Сказали, что на час ночи назначен штурм «Белого дома».

Вторые сутки, не переставая, шел дождь. «Афганцы», дежурившие на крыше здания, не покидали своего поста. Было холодно и промозгло. Ощущение беды чувствовалось во всем.

Около часа ночи я узнал, что войска спецназа готовятся проникнуть в «Белый дом» через подземные коллекторы от ближайшей к нам станции метро «Краснопресненская». Начал звонить Ельцину, но телефон не работал. Накануне штурма мы намеренно отключили лифты и все виды связи, чтобы в случае высадки десанта на крышу им не удалось сразу же спуститься в кабинет Ельцина.

Я собрался пойти к нему, как в дверь неожиданно постучали. С улицы, со стороны американского посольства, были слышны автоматные очереди. Но я понял: это кто-то из наших. Спецназовцы не стали бы церемониться и предупреждать о своем приходе. На всякий случай снял пистолет с предохранителя и открыл дверь. Передо мной стояли два промокших «афганца» — совсем молодые ребята. Увидев свет в окне, где находился мой кабинет, они и пришли с просьбой позвонить женам. Один из них недавно женился, а у другого жена, как и у меня, ждала ребенка.

Эти храбрые ребята со слезами на глазах стали просить у своих жен прощение за все, чем когда-то обидели или огорчили их. Понимая их состояние, я подошел к сейфу, вынул оттуда сигареты и бутылку коньяка. Налил им по стакану. В такой стрессовой ситуации это не расслабило, а только помогло им. Мы вместе вышли. Я

спустился по лестнице, ведущей к кабинету Ельцина, а они вновь поднялись наверх. Риск был по-настоящему смертельным, но они отважно шли на него.

Ельцин, Попов, Хасбулатов, Руцкой, Петров, Вощанов уже собрались в приемной. Огромные окна, занимавшие почти всю стену, были зашторены. Я сообщил о полученной информации, добавив:

— Если войска спецназа воспользуются подземными коллекторами, то мы будем отрезаны от москвичей, окруживших здание. Вероятность такого прорыва вполне реальна.

К тому времени мы уже получили трагическое известие о гибели троих совсем юных парней. Все восприняли это как личное горе.

...Произошло это на Садовом кольце. От улицы Чайковского к Смоленской площади ведет подземный тоннель. Когда колонна бронетранспортеров вошла в него, то на выходе ее ждали молодые смельчаки. Один из них ловко бросил брезент на первую машину, закрыв водителю смотровое окно, и прыгнул на броню. Из люка раздалась выстрелы. Парень упал. Бронетранспортер резко подал назад, втягивая под колеса безжизненное тело. Еще двое, бежавших ему на помощь, также погибли.

Имена этих по-настоящему героических парней никогда не сотрутся из памяти россиян: Дмитрий Комарь, Илья Кричевский и Владимир Усов.

— Необходимо остановить это варварское кровопролитие, — сказал Ельцин.

В «Белом доме» находилось помещение, снабженное системой связи и не имевшее окон. Там работало четыре телефона. Когда мы спустились туда, вице-мэр Москвы Лужков уже разговаривал со службой, которая должна прислать с десятков тяжелых аварийных машин для перекрытия близлежащих улиц.

Только в четыре утра Ельцину удалось связаться с Крючковым. Я стоял рядом и слышал не только слова

Бориса Николаевича, но и Крючкова. На этот раз связь работала отменно.

— Вам наверняка известно, что на вашей совести — жизни трех молодых ребят. Вы должны срочно вылететь со мной в Форос и встретиться с Горбачевым, — резко сказал Ельцин.

— У Михаила Сергеевича — острый приступ радикулита, — запинаясь, говорил Крючков.

— Полагаю, это не основание для введения в Москве чрезвычайного положения.

Крючков понимал, что решающая ночь — с 20 августа на 21 — ими проиграна. С большой неохотой он все-таки согласился лететь в Форос.

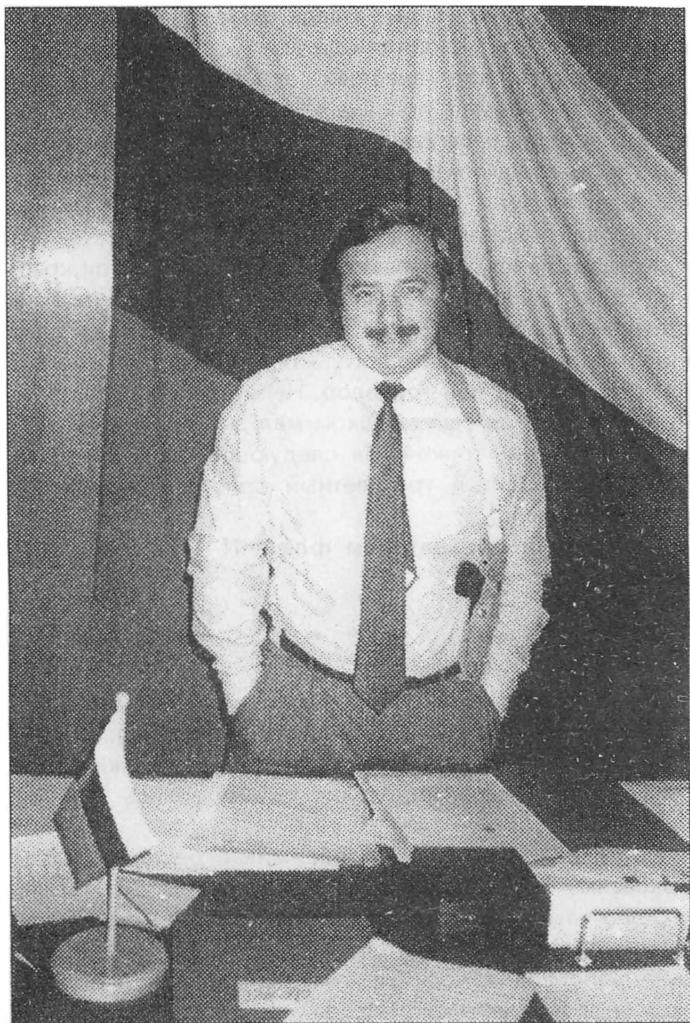
В течение этой ночи путчистами были предприняты еще три неудачных попытки организовать захват «Белого дома».

Утром 21 августа на внеочередной сессии Верховного Совета РСФСР многие члены парламента возражали против вылета Ельцина в Форос. Можно было ожидать любых провокаций. Силаев предложил лететь сам, вместе с Руцким.

У всех, кто находился в «Белом доме», в глазах читался только один вопрос: «Неужели еще прольется кровь?!»

Мы еще не знали, что до смерти перепуганный содеянным Язов уже отдал приказ о выводе войск из Москвы. Позднее мы услышали грохочущие звуки танков, медленно уползавших назад под дружный свист многотысячной толпы москвичей.

Утром 22 августа на продолжившей свою работу чрезвычайной сессии Верховного Совета РСФСР депутаты предложили вернуться к традиционному российскому флагу России. Решили поднять его над «Белым домом». Митинг был назначен на 12 часов. Но такого флага нигде не оказалось. В это время Ельцин вспомнил:

*Москва, 21 августа 1991 года. Канун победы.
Первый государственный флаг, официально поднятый над
«Белым Домом» 22 августа 1991 года.*

— Виктор Николаевич, а ведь флаг-то есть только в вашем кабинете. Придется одолжить.

В Министерство внешних экономических связей РСФСР была срочно послана «Чайка» Силаева. Водителю предстояла нелегкая задача: проехать сквозь живой кордон, все еще окружавший «Белый дом». Узнав, за чем едет машина, люди мгновенно расступались, помогали сделать коридоры в баррикадах.

Когда начался митинг, выступил Ельцин и сняли красный флаг, многие в замешательстве смотрели на опустевший флагшток. Взрыв аплодисментов, радостные крики собравшихся возвестили о том, что над «Белым домом» взвился мой триколор. Несмотря на внушительные размеры, он был слишком мал для огромного здания, да и ткань тонкой. На следующий день повесили специально сшитый трехцветный стяг, а мне вернули мой, победный.

Так я стал обладателем флага N 1 нашего государства.

* * *

«Некоторые детали» о замыслах путчистов.

Не секрет, что многие рассматривали путч как стихийно возникшее выступление антидемократических сил. Ничего подобного. Подготовка к нему велась давно и тщательно.

Почти на каждого кто поддерживал реформы и демократию, было заведено солидное досье. Все те же, хорошо известные методы: ложные свидетельские показания, подтасовка фактов, доказывающих вредительские действия, наносимые государству и в политическом, и в экономическом плане.

В прессе появились фотокопии чистых бланков на арест, подписанных военным комендантом Москвы Калинин. Позднее выяснилось — они подготовлены для

*Москва, 21 августа 1991 года.
«Стальные цветы победы».*

двадцати двух человек. Среди них Ельцин, Силаев, Хасбулатов...моя фамилия тоже значилась в «совершенно секретных» списках. «Компетентные» органы все просчитали до малейших деталей. После арестов предписывалось «обеспечить осмотр служебных и жилых помещений указанных лиц, включая загородные, изъятие служебной документации по роду их деятельности... Не допустить возможности выезда указанных лиц из Москвы в другие регионы страны, а также за рубеж... Информацию о выполнении настоящего распоряжения доводить до Государственного комитета по чрезвычайному положению в оперативном порядке».

Дальнейшее расследование действий путчистов выявило их поистине чудовищные замыслы. Они подготовили списки «лиц, подлежащих ликвидации». К сожалению, когда в августовские ночи на площади им. Дзержинского начались массовые демонстрации, и возникла реальная угроза захвата здания КГБ, эти и другие секретные документы уничтожили. До сих пор неизвестно: чьи же фамилии стояли в этих списках?!

Когда я приехал домой, моя стойкая и сдержанная Оксана разрыдалась. Это были слезы пережитого отчаяния, боли и внезапной радости.

Немного позже она спросила:

— Расскажи подробнее о Ростроповиче. По-моему, всех очень вдохновил его отчаянно смелый поступок. Прилететь из Соединенных Штатов в такой момент...

— Редкостный человек, — сказал я. — Потрясающе мужественный. Когда мы его увидели, то поняли: нас благословляет что-то очень высокое и великое. Представляешь, он сразу же потребовал автомат. Ему, конечно, дали, но ненадолго. У нас каждый ствол был на счету. Даже нервное напряжение как-то спало. Если в таком возрасте величайший музыкант мира способен пересечь океан, чтобы спасти Россию, — представляешь, какой для всех нас был пример.

— Слава Богу, самое ужасное — позади, — облегченно произнесла Оксана.

К сожалению, ее слова не оказались пророческими. Действительность зачастую преподносит нам неожиданные сюрпризы.

Кстати, дети все-таки отпраздновали 25 августа сорванный путчистами день рождения сына.

**После путча.
Многоликие
«сторонники»
ЕЛЬЦИНА**

Члены первого российского правительства, сформированного после победы Б.Ельцина на выборах Председателя Верховного Совета РСФСР (сентябрь 1990 года).

В первом ряду слева направо: А.Стерлигов - управляющий делами; Г.Кулик - заместитель председателя Совета Министров; И.Силаев - Председатель Совета Министров; Н.Малышев - заместитель председателя Совета Министров; В.Кисин - министр промышленности. Во втором ряду слева направо: Н.Федоров - министр юстиции; В.Булзак - министр связи; Г.Явлинский - заместитель председателя; Э.Днепров - министр образования; М. Полторанин - министр печати; В.Вожагов - министр материальных ресурсов; ..., В.Ярошенко - министр внешних экономических связей; Б.Федоров - министр финансов; М.Федоров - министр геологии; И.Гаврилов - заместитель председателя Совета Министров.

Случилось так, что многие, являвшиеся во время путча сторонними наблюдателями, после нашей победы превратились в рьяных защитников демократии и реформ. Они буквально атаковали Ельцина, убеждая в своей компетентности многочисленными титулами и заверениями в кратчайшие сроки вывести страну из экономического и политического кризисов.

В состав нового правительства вошли люди, которые в былые времена попросту избегали встреч с «опасным» Ельциным. И вот они здесь, рядом с ним. Долгие годы я не считал нужным писать об этом, но кризисное и сейчас положение в нашей стране заставляет меня сделать это.

Ельцин — человек чрезвычайно бескорыстный, но иногда на редкость доверчивый. Не вина, а беда его, что в свое время он не имел возможности получить экономическое образование. И вот в правительство пришли те, кто до этого назначения занимали весьма посредственные должности. Не потому, что были убежденными антикоммунистами или диссидентами — их профессиональные способности, качество знаний вполне соответствовали их посредственному социальному положению.

Любые процессы имеют свою «технология» — будь то технология власти или обработки металлов, строительства или перехода к рыночным отношениям. Стоит однажды ее нарушить, и получится брак, придется все начинать заново. В результате — потеря времени, ре-

сурсов и главное — доверия всех, кто вольно или невольно участвует в этом процессе.

Последовательность перехода к рынку была на мой взгляд преступно нарушена. К сожалению, за это не судят, а лишь отправляют в отставку.

Самый строгий судья — история. Самый убедительный свидетель — факты.

«Въехать» в рынок хуже, чем это сделала «команда Гайдара», просто невозможно. Это была группа дилетантов-костоломов, для которых судьба десятков миллионов сограждан была безразлична.

В конце 1991 года скоропалительно отпустили цены.

Многочисленные обещания сделать каждого россиянина богатым и счастливым обернулись еще большим обнищанием народа и разорением страны. Резко сократилось производство, стремительно возросли цены.

До всех этих «нововведений» я неоднократно спорил с Егором Гайдаром. Разговора как-то не получалось. Тогда 10 декабря 1991 года направил ему и другим членам правительства письмо:

«10 декабря 1991 г.

№ 1411

Уважаемый Егор Тимурович!

Переход к рынку неизбежен, так как это единственное естественное состояние экономики. Сегодня это, кажется, почти все поняли и отсутствует организационное сопротивление объективным процессам перехода к рыночной экономике.

Однако монополизм одной точки зрения или одной группы специалистов может привести к такой ситуации, когда к рынку мы пойдем ошибочным путем, путем шока без терапии, и придем к рынку не благодаря, а вопреки усилиям сегодняшнего правительства. В принципе широко известен и многократно использовался арсенал методов и средств, которые необходимы для перехода к рыночной

экономике: приватизация, демонополизация, конкуренция, свободные цены, налоги, таможенный тариф и т.д.

В зависимости от того, в какой последовательности, в сочетании с чем, какой продолжительности будет воздействие этих инструментов на экономику, могут получиться совершенно различные результаты.

Только Польша воспользовалась методом «шоковой терапии», другие страны, например, Венгрия или Чехословакия «мягко» вошли в рыночные отношения.

Система мер, предложенная сегодняшним правительством, напоминает шок без терапии.

1. Теория и, главное, практика рыночных отношений показывает, что рост цен в условиях тотального государственного монополизма не имеет никакой корреляционной связи с ростом производства. Напротив, монополист всегда стремился за счет снижения объемов производства поддерживать дефицит на рынке, а отсюда и монопольно высокие цены. Поэтому действие закона стоимости, одного из основных двигателей рыночной экономики, не срабатывает.

2. Будет разрушена программа первоочередной приватизации убыточных предприятий, т.к. таковых уже не будет, а в качестве пострадавшего опять выступит потребитель.

3. На неопределенный срок затянется реализация земельной реформы и создание фермерских хозяйств, т.к. астрономические цены на продукцию сельского хозяйства сделают бессмысленным выход из колхозов и совхозов.

Социальная напряженность в обществе нарастает, выход указа о либерализации цен может привести к непредсказуемым последствиям.

Считал бы целесообразным провести серьезную экспертизу программы перехода к рынку до окончательного выхода указа о либерализации цен.

С уважением,

В. Ярошенко».

Скорее всего, мое послание оказалось «гласом вопиющего в пустыне». Его наверняка скрыли от Президента и других членов правительства.

К тому времени в стране не только не появились миллионы собственников, а процесс обнищания резко пошел вверх. Многие были не в состоянии даже похоронить своих родных и близких.

Честно говоря, я не снимаю с себя вины за происшедшее. Надо было стучаться во все двери, бить тревогу, «прорываться» к Президенту, убедить в необходимости создания нового кабинета правительства — профессионалов. Наверное, делал недостаточно.

Предвидя дальнейшее ухудшение и без того «обессиленной» экономики, в который раз я послал несколько подробных аналитических писем в правительство. Это лишь одно из них:

«НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ СССР

28 декабря 1991 г.

№ 1420

Заместителю Председателя

Правительства РСФСР

Гайдару Е.Т.

Уважаемый Егор Тимурович!

Указом «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР» практически была введена внутренняя конвертируемость рубля.

Мера эта была совершенно не подготовлена. Хотя часто мы ссылаемся на опыт Польши, но и сам Бальцерович на самом деле пошел другим путем: во-первых, накануне введения конвертируемости злотых, а также либерализации цен практически вся земля, весь жилой фонд городов и сфера обслуживания находились уже в частных руках; во-вторых, были сделаны тщательные расчеты потребности в свободно конвертируемой валю-

те (СКВ) для создания фонда стабилизации, т.е. создания условий обмена национальной валюты на СКВ — когда спрос, например, на доллары США со стороны польских импортеров будет примерно равен предложению на СКВ со стороны государства.

Потом под эти расчеты были взяты западные кредиты, после чего объявлены внутренние конвертируемость и либерализация цен.

На совещании, когда обсуждался проект Указа «О либерализации...», мою точку зрения поддержали Е.Сабуров, Г.Фильшин и И.Лазарев. Кроме того, нами были представлены и письменные предложения по доработке указа.

Между тем указ все-таки вышел и стал одной из причин тотального разрушения народного хозяйства России. Ущерб, нанесенный экономике, составляет сотни млрд. рублей. Вместо укрепления национальной валюты происходит ее полное разрушение. Введен официальный курс продажи СКВ — 1 доллар США равен 99 рублям. Моментально этим воспользовались валютные биржи, и курс подскочил до 340 рублей за 1 доллар США. Нельзя в ранг государственной политики вводить разрушение собственной национальной валюты.

Обменный курс валют устанавливается во всем мире по Уметодике потребительской корзины», т.е. оценивается специалистами, сколько нужно потратить рублей, долларов США, фунтов стерлингов и т.д. для покупки, например, 1 кг сахара, мяса, масла, единицы обуви, верхней одежды и т.д. До объявления о повышении цен, т.е. создания ажиотажного спроса, курс доллара США можно было удерживать на уровне 25 рублей за 1 доллар США.

В результате непродуманных мер по либерализации внешнеэкономической деятельности Россия стала для иностранцев самой дешевой (даже включая Африку) страной в мире. Нигде нельзя пообедать за 10 центов (от 10 до 34 рублей), купить костюм за 1 доллар США (до 340 рублей) и т.д.

Напротив, для нас Россия стала самой дорогой страной в мире. На минимальную месячную зарплату в 342 рубля можно купить на рынке на выбор 1 кг сыра или колбасы. И соответствует эта сумма, в связи с Указом о либерализации внешнеэкономической деятельности, всего 1-3 долларам США (для сравнения: минимальная зарплата во Вьетнаме равна 50 долларам США; пособие по безработице в США — 500 долларов (!), т.е. в 170 — 500 раз (!) выше, чем у нас). И это не потому, что Вьетнам в 50, а США в 500 раз богаче, чем мы, а потому, что они просчитывают последствия таких серьезных шагов.

Указ запустил механизм невиданной гиперинфляции.

Кстати, такие динамично развивающиеся страны, как Тайвань или Южная Корея, например, еще не перешли к свободно конвертируемой валюте, но это не мешает им показывать настоящие чудеса в экономике. При таком искусственно завышенном курсе доллара США импорт товаров, особенно потребительских и продуктов питания, теряет всякий смысл. А если так, то и зарабатывать СКВ становится нецелесообразным, т.е. резко сократится и экспорт — мы навсегда потеряем некоторые рынки. Если к этому добавить падение валового национального продукта на 15%, то никакого подъема или стабилизации в 1992 году ожидать не приходится.

Население России, даже сторонники радикальных реформ, не выдержит такой политики, и реформа закончится беспорядками на улицах городов.

Считал бы целесообразным отменить те пункты указа, которые призваны разрушить нашу экономику и вызвать социальный взрыв.

С уважением,

В.Ярошенко».

Реакции и на это мое письмо вновь не последовало. Наихудшие прогнозы, к огромному сожалению, подтвердились. Даже по официальным, явно заниженным,

данным, на середину 1992 года более восьмидесяти процентов населения оказалось за чертой бедности.

Бездумно запущенный механизм «малой приватизации» тоже принес свои плоды. Когда мэр Петербурга — А.Собчак подвел некоторые ее итоги, то с удивлением обнаружил: 80% собственности скуплено «лицами кавказской национальности» (при 5% от общей численности населения России). Остальные 10 — 15% скуплены представителями «ближнего и дальнего зарубежья».

Мафиозные структуры действовали все нахальней, активно разворовывая страну. С конца 1992 года началась «кампания большой приватизации». Еще один непродуманный и во многом предательский шаг и по отношению к Президенту, которого скорей всего убедили замысловатыми экономическими терминами, и, конечно, по отношению к населению России. Процесс приватизации практически был необратим. Впоследствии отобрать у тех, кто незаконно присвоил себе значительную долю государственной собственности, с юридической стороны — не представлялось возможным, кроме того, она уже многократно была перепродана.

Даже толковую идею «ваучеров» или приватизационных чеков, способную поддержать обнищавших людей, Гайдар и его сотоварищи превратили в бессовестное надувательство.

Еще в 1989 году Министерство внешних экономических связей РСФСР подготовило предложение по постепенному переходу к рыночным отношениям.

Идея приватизационных чеков, впервые предложенная мной и отданная на рассмотрение Ельцину и Силаеву, была одобрена. Силаев написал резолюцию на моей аналитической записке:

«Всем членам правительства ознакомиться и дать свои предложения. Срок — 15 декабря с.г». (1990)

Планировалось пока удерживать цены, что в целом правительству в то время удавалось, и выпустить «при-

ватизационные чеки» стоимостью в 10 тыс. рублей. Происходило это в 1989 году, когда за такие деньги можно было действительно купить автомобиль. Параллельно антимонопольный комитет не сиюминутно, а постепенно начал бы «расслаивать» монопольные структуры. И только после этого предполагалось начать поэтапно отпускать цены на продукцию.

Несмотря на возникающие трудности — часть имущества находилась в союзной собственности, а часть — в республиканской, мы к середине 1991 года все же подготовили программу «народной приватизации». Однако председатель Комитета по государственному имуществу, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Малей предложил вместо чеков ввести приватизационные счета в банках.

После путча новое правительство практически все поставило с «ног на голову». Обвинять в этом Президента нельзя. В тот момент он потратил слишком много сил, энергии, нервов, чтобы защитить и сохранить свободу и демократию. Всегда полагаясь на порядочность людей, Ельцин искренне поверил своим экономическим «советчикам». Много позже у него хватило сил, мужества во всем разобраться и прийти к единственно правильному решению: радикально изменить состав правительства.

В те нелегкие для меня дни, в то поистине «смутное» время, я не раз приезжал к отцу, пережившему несравнимо больше, чем я. Расстраивать Оксану не мог. Считал недостойным, когда мужчина пытается взвалить свои трудности и беды на хрупкие плечи любимой женщины. И вот однажды в гостях у отца мы вместе смотрели по телевидению выступление одного из руководителей правительства. Он «мудрено» и нудно говорил о приватизационных чеках. Заумные термины, понятные только специалистам в области экономики, должны были «убедить» растерянных людей в его безоговорочной «компетентности». Государственный чиновник сказал, что воплощение идеи приватизационных чеков потребует слишком много времени и средств, а у

«правительства и так много дел». Поэтому решено отказаться от народной приватизации и ненадолго отпустить цены. Он также заверил, что вскоре магазины будут завалены товарами, цены упадут, а рубль значительно укрепиться.

— Ну, ну, — кивал головой отец, — «пусть себе говорят, пусть дурь каждого видна будет». Знаешь, чьи это слова?

— Нет, — откровенно признался я.

— Петра Первого, «главного нашего реформатора». В твоём возрасте пора бы это знать, сынок.

Очевидно, мало кто знает, что этой катастрофе предшествовал самый настоящий дворцовый переворот.

Мятежу предшествовало формирование нового второго кабинета министров Ельцина. Пост премьера, несмотря на бешеное сопротивление Бурбулиса и Полторанина, был вновь предложен И.С. Силаеву. В области внешнеэкономических связей И.С. Силаев задумал широкую либерализацию внешней торговли с последующей передачей основных внешнеэкономических функций производителям.

Предполагалось смелое введение тарифного и нетарифного регулирования (вместо административного) как основных рычагов воздействия на внешнеэкономическую деятельность.

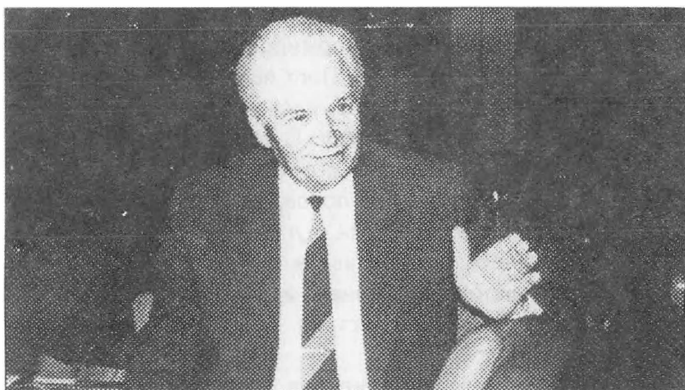
Между тем формирование нового правительства шло очень непросто. За год работы предыдущего правительства И.С. Силаев убедился в том, что по различным причинам он не может предложить ряду его бывших членов войти в состав нового правительства. Это были Полторанин, Малей, Федоров (Николай), Козырев, Днепров, Малышев, Кисин, Калинин.

Благодаря сильнейшему давлению Бурбулиса все же были назначены Полторанин, Федоров и Козырев; лично я как мог способствовал еще и назначению Малей, Малышева, Кисина и Днепра.

Большинство из них, естественно, затаили обиду на И.С. Силаева и ждали удобного случая. Такой случай вскоре представился.

По просьбе представителей республик И.С. Силаев, будучи премьером России, одновременно возглавил Межгосударственный экономический комитет (МЭК).

Когда он увидел, что бывшие союзные министерства и ведомства превращаются в корпорации и ассоциации, захватывая государственную недвижимость, Силаев подписал с подачи Лужкова (главы правительства Москвы) не совсем удачную записку о том, что эти процессы должны идти только по согласованию с МЭКом.

Москва, сентябрь 1991 года.

Председатель Совета Министров России в первом и втором правительствах Б.Ельцина — И.С.Силаев.

Копию этой записки Шахрай, по договоренности с Бурбулисом, подкинул М.Д. Малёву с соответствующими антисилаевскими комментариями и спровоцировал его на коллективное выступление против Силаева, сам при этом оставшись в тени.

М.Д.Малёв очень быстро объединил вокруг себя тех, кого И.С. Силаев в свое время отказывался включить в состав нового правительства — Полторанина, Федорова, Малышева, Козырева и Днепрова.

«Совершенно случайно» на этом заседании правительства, когда вне повестки дня «заговорщиками» был вынесен на обсуждение вопрос о записке И.С. Силаева, в зале заседаний оказался и Шахрай, который время от времени подходил к министру юстиции Н. Федорову и что-то нашептывал ему на ухо.

Б.Н. Ельцин находился в это время на отдыхе в Сочи и, хочется верить, ничего не знал о заговоре против И.С. Силаева.

Заседание правительства выглядело как заранее хорошо отрепетированный спектакль (очевидно, они неоднократно встречались накануне). Каждый из «заговорщиков» вступал в обсуждение в отведенное для него время и развивал один из тезисов с обвинением против И.С. Силаева.

Особой грубостью отличался М.Н. Полторанин, который обвинил И.С. Силаева в предательстве.

В этот же вечер, благодаря стараниям М.Н. Полторанина, министра средств массовой информации, по радио и телевидению была передана информация о серьезных разногласиях в правительстве России.

Оскорбленный И.С. Силаев подал в отставку, по конституции вслед за ним ушел в отставку и весь кабинет министров.

Впоследствии те, кто с такой легкостью предали И.С. Силаева, первого премьера, предложенного Б.Н. Ельциным, получили свои «тридцать серебряников» в виде постов зампредов, министров и госссоветников. Как формировалось третье после победы Б.Н. Ельцина правительство — общеизвестно. Ельцин был вынужден взять на себя ответственность за проведение реформ, но обремененный развалом СССР и РСФСР практически всю полноту власти на некоторое время передал Бурбулису, и тот сформировал соответствующее правительство.

Был совершен обычный дворцовый переворот, и если раньше заговорщики всячески доказывали необходимость

и важность Госсовета, то, захватив власть над правительством, они ликвидировали и Госсовет, но за собой сохранили посты государственных советников (?), а Бурбулис — и должность госсекретаря (чего?). Упразднили они и аппарат помощников госсекретарей, который у них доходил до 80 человек, вплоть до собственной бухгалтерии. Теперь, когда они захватили реальную власть, им не нужны были ни Госсовет, ни госсоветники, ни их аппарат. Кстати, сам Госсовет был, конечно, антиконституционным органом.

Они прекрасно помнили, как Госсовет, направляемый их руками, довольно «успешно» блокировал работу правительства Силаева.

Вообще отдельные эпизоды борьбы этих «соратников» за власть заслуживают того, чтобы рассказать о них отдельно.

Несмотря на то, что Бурбулис построил свою избирательную кампанию на демократических лозунгах, когда боролся за мандат народного депутата СССР, по настоящему он стал поддерживать Ельцина лишь тогда, когда тот стал Председателем Верховного Совета РСФСР.

Я отчетливо помню те тяжелые дни, связанные с «расследованием» в ВС СССР по инициативе Горбачева вынужденного купания Ельцина в Москве-реке.

Многие депутаты тогда отвернулись от Ельцина, и я видел, что он остро это переживает. Раньше во время перерывов между заседаниями ВС СССР его обступали со всех сторон депутаты, каждый старался поздороваться, пожать руку, обсудить наболевшие вопросы.

То, что меня особенно поразило, так это поведение Бурбулиса, который как бы старался отрицать знакомство с Ельциным, то, что они из одного города. Дважды, когда мы с Ельциным проходили по коридорам Верховного Совета, Бурбулис, встречаясь, отводил глаза в сторону, не здоровался, избегал рукопожатия.

Ельцин, очевидно, также заметил странное поведение Бурбулиса и когда через некоторое время он принимал решение

баллотироваться в народные депутаты РСФСР от Свердловска (это было в моем присутствии в одном из номеров гостиницы «Москва», где была штаб-квартира Ельцина как председателя Комитета по архитектуре и строительству ВС СССР), то практически своим доверенным лицом, которому он отдал только что подписанное письмо о согласии баллотироваться от Свердловска, был выбран депутат Волков В.В., к которому Борис Николаевич испытывал какую-то естественную симпатию, а не Бурбулис. Правда, потом, когда Ельцин стал Председателем ВС РСФСР, после голосования в парламенте, Бурбулис подошел ко мне и сказал, что при Борисе Николаевиче хорошо бы создать «какой-нибудь координационный орган» и он готов его возглавить.

С тех пор он все время возглавлял «какие-нибудь органы», и складывается такое впечатление, что ему все равно какие — главное карьера и власть. Сам этот человек работать не умеет, но обожает координировать и выступать. Сначала он стал председателем Координационного совета, потом, когда Ельцин принял решение баллотироваться в Президенты, повсюду его сопровождал, постоянно давал понять, что именно он организовывал избирательную кампанию, хотя на самом деле основную рабочую роль в этом играли, пожалуй, другие политические кадры.

В это время вокруг победившего Ельцина появились десятки и сотни соискателей постов. Разница между ними и теми, кто поддерживал Ельцина в оппозиции, а не во власти, в том, что мы рисковали всем и не ждали (да и неоткуда было) ничего. Эту категорию политиков я называю «старая гвардия».

Вторая категория — это попутчики, которые примкнули к Ельцину по пути к Олимпу, их я называю «новая мафия». «Новая мафия» постепенно сформировалась из политиков, хозяйственников, экономистов, представителей спецслужб, партийных работников.

Они постепенно образовали мощное кольцо вокруг Ельцина, своего рода информационную блокаду, сделали его узником «московского Фороса». Они не пропускали к не-

му информацию или людей, которые могли представлять опасность для их карьеры и авантюристического курса.

Бурбулис, Шахрай, Полторанин играли в этой команде решающую роль. Однажды Хасбулатов, когда он еще был сторонником Ельцина, смеясь, рассказал мне забавный эпизод из карьеры Бурбулиса.

Геннадий Эдуардович, появившись на политической арене, очень мучился, что у него не было никакого официального поста или звания. В Верховный Совет РСФСР его не избрали, председателем комиссии или подкомиссии ВС СССР он не стал, даже свердловчане не отдали ему предпочтение, когда в своем городе он баллотировался в председатели Горсовета (позднее ВС РСФСР также забаллотировал его при выборах российских представителей ВС СССР).

Хасбулатов вел тогда переговоры по новому союзному договору и в состав делегации включил Бурбулиса. Представляя российскую делегацию, Хасбулатов решил пошутить и назвал его «полномочным представителем Председателя Верховного Совета РСФСР». Бурбулис шутки не понял и через день подписал у Ельцина бумагу, которой назначил себя Уполномочным представителем».

Но вот Ельцин стал первым Президентом России, и можно было требовать новых постов. Указом Ельцина Бурбулис создает в противовес правительству Государственный совет(?) и назначает себя Государственным секретарем(?). Что это был за орган, до сих пор никто не знает, но депутаты отметили, что это явно антиконституционный орган.

Ну, слава Богу, писала одна из газет, дожили — теперь у нас все как у людей — и госсекретарь, как в США, и Госсовет, как в Китае, и Совет безопасности, как в ООН. На схемах, которые рисовал Бурбулис, Госсекретарь всегда занимал ступеньку в иерархии управления наравне с премьером Силаевым.

Но это лишь на бумаге, а на деле Бурбулису было слишком далеко до Силаева и по уровню компетентности, образованности и чести.

Положение с Госсоветом было таково, что правительство Силаева не могло «чихнуть» без соответствующей визы государственных советников. Работа правительства была буквально парализована.

Но задача, которую они ставили перед собой, именно в этом и заключалась — свалить первое реформаторское правительство Силаева и занять его место.

Для этого у команды Бурбулиса не было никаких профессиональных оснований, все они были и остаются дилетантами, с неутолимой жаждой власти.

Каждый день они нашептывали Ельцину всякий вздор против Силаева, но, в конце концов, это сыграло свою роль, Ельцин поддался этому давлению и «вывел Силаева из игры».

И вот наступил их Узвездный час»: в правительстве, которое возглавил Ельцин, Бурбулис взял на себя роль первого заместителя и практически вел текущие дела; посты заместителей получили также Шахрай и Полторанин. Яне скрывал, что это была роковая ошибка, это стало началом целой серии обвальных провалов в различных областях политики и экономики.

Бурбулис за несколько дней буквально сляпал диковинную структуру правительства, которая после этого многократно изменялась, он сформировал его из честолюбивых дилетантов, по принципу личной преданности.

Главное, чтобы никто не смог заслонить его фигуру, его «полномочного представителя».

Но и после этого болезненная привязанность «полномочного» к титулам не прекратилась — в Управлении делами Совмина мне рассказывали, что Ельцин постоянно вычеркивал (когда замечал) из многоступенчатых титулов Бурбулиса слово «госсекретарь» со словами: «Ведь Госсовета уже нет, неужели ему мало титулов?» Но Бурбулис продолжал упорствовать и заставлял всех себя величать «госсекретарь».

**Французская
графология —
о характере
президента России**

*Франция, Париж, 1997 год.
Первый Российский флаг в витрине музея.*

В феврале 1992 года меня назначили торговым представителем России во Франции. Французский журналист Бернар Леконт в своей книге «Бункер», описывающей работу российского посольства (которое действительно похоже на бункер), писал, что после победы оппозиции Ельцина в России мало что изменилось в российской колонии во Франции — все те же лица.

Правда, появились несколько представителей «демократов»: Юрий Рыжов (посол), Михаил Федотов (посол при ЮНЕСКО), Виктор Ярошенко (торговый представитель), которые призваны изменить ситуацию, но они явно в меньшинстве, впрочем, как и в Москве. Последний раз в Париж я приезжал шесть лет назад. И вот сейчас был искренне удивлен большими переменами в экономической области. Мы привыкли воспринимать Францию как страну, где создают прекрасные духи, косметику, коньяки. Теперь же это стала мощнейшая сельскохозяйственная и промышленная держава. Дороги по праву можно считать лучшими в мире. Создана новейшая атомная энергетика, аэрокосмическая промышленность. Где-то лет пятнадцать-двадцать назад французская валюта была практически неконвертируемой, слабой. Сегодня она котируется наравне с долларом.

Работа предстояла трудная, но интересная. Развивать затухающий торговый оборот с такой преуспевающей страной являлось главной задачей.

Немного об истории здания, где находится торговое представительство России. Первое, что бросилось в глаза, когда я вошел на территорию торгпредства — немецкий дот, расположившийся в углу двора. Во время войны здесь располагался трибунал гестапо. Скорей всего, многие приговоры исполнялись тут же. Какая-то невидимая печать «проклятия» будто легла на это прекрасное, старинное здание. Взорвать дот не удалось — на редкость крепкий бетон потребовал бы такого количества взрывчатки, что могли пострадать не только близлежащие дома. Дот оставили, а рядом я распорядился установить флагшток и поднять российский флаг.

Чтобы снять этот страшный навет, связанный с историей здания, пригласили представителя Московской патриархии в Париже — епископа Гурия. Он освятил здание. И дышать, кажется, стало легче...

«Как же оно стало российской собственностью?» — расспрашивал я местных старожилов.

В любые времена в России всегда были истинные патриоты, умеющие думать на много лет вперед. Таким человеком во Франции после войны явился первый торгпред Константин Бахтов. В 1945 году он собрал информацию о том, на каких заводах Франции во время оккупации использовался труд советских военнопленных. Фашисты использовали поистине рабский труд многих россиян на французских заводах, где производилась техника для Германии. Выяснилось: их число составляет десятки тысяч. Бахтов послал письма на различные французские фирмы с требованием оплатить труд русских военнопленных как труд рабочих. В противном случае он будет вынужден обратиться в суд.

В то время французские предприниматели очень боялись попасть в категорию коллаборационистов. Поэтому перечислили на счет торгпредства огромные — по тем временам деньги. Бахтов сумел практически за минимальную цену купить это здание, а также в при-

городе Парижа большую недвижимость: старинный замок и уникальный парк. В настоящее время их стоимость возросла в сто раз. Бахтов прекрасно знал историю и, вероятно, не раз вспоминал, как царица Екатерина Вторая купила библиотеку Франсуа Мари Ару (Вольтера) за 135 398 ливров (30 тысяч рублей). Некоторые выразили свое неудовольствие таким поступком, но впоследствии мудрость царицы подтвердилась неоднократно.

Париж, 12 мая 1995 года.

Великая Княгиня Леониды Георгиевны, вдова главы Императорского дома, на открытии Музея Российского Флага (крайний слева — посол России при ЮНЕСКО М.А.Федотов, крайний справа — представитель Московской Патриархии — епископ Гурий).

Я понимал: в такой значимой для России стране, как Франция, необходимо создать атмосферу духовного объединительного центра, каким явилось бы торгпредство. Несколько поколений русской эмиграции жило в этой стране. На одном из приемов я познакомился с ее императорским высочеством Великой княгиней Леонидой Георгиевной. Вместе в ней мы постарались объеди-

нить не только эмигрантские круги, но три направления русской православной церкви, существующие в Париже: Московскую патриархию, Зарубежную — со штаб-квартирой в Нью-Йорке и Константинопольскую.

Отчасти это получилось благодаря организации вечеров, встреч с деятелями культуры, церкви, представителями деловых кругов. Наши торговые контакты за счет этого значительно расширились.

Но вернемся к работе торгпредства.

Меня всегда интересовала проблема взаимоотношений республиканского строя и монархии.

Оставаясь последовательным сторонником президентской республики, я между тем прекрасно понимаю стабилизирующую роль монархии в жизни любого общества.

Народу необходима умеренная, без претензий на власть, религия и ограничение — конституционная монархия.

Конечно, за более чем 70 лет от этих понятий мы отвыкли, но искусство политиков и заключается в том, чтобы просчитывать перспективу на несколько шагов вперед.

Несмотря на то, что в Екатеринбурге, Алапаевске и Петрограде коммунисты беспощадно расстреляли, закололи штыками, заживо сбросили в шахту восемнадцать представителей династии Романовых во главе с императором и членами его семьи, в изгнании, за пределами России оказались спасшимися различными путями восемь Великих князей и одиннадцать Князей императорской крови, которые вместе с восемнадцатью представительницами династии и составили Российский Императорский Дом в изгнании.

Некогда многочисленный и разветвленный, на сегодня в соответствии с законами о престолонаследии, утвержденными еще Павлом I, Императорский Дом состоит всего из трех человек:

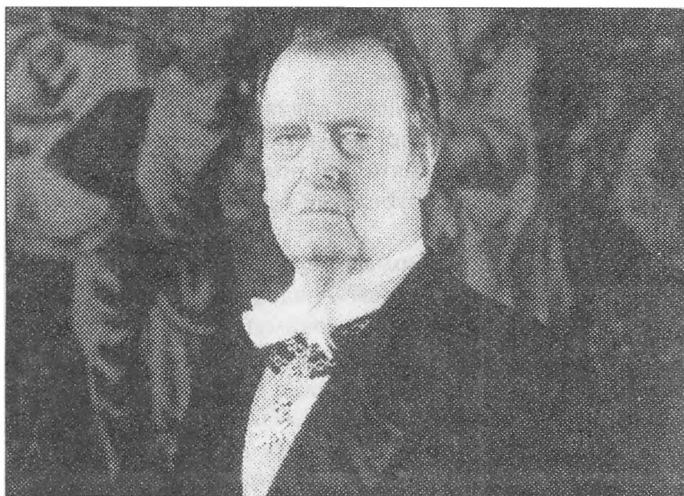
— Глава Дома — Великая княгиня Мария Владимировна;

— Наследник престола — Великий Князь Георгий Михайлович;

— Великая Княгиня Леонида Георгиевна (вдова Государя Великого князя Владимира Кирилловича).

Необходимо признать, что проблема, как правового, так и морального характера, связанная с судьбой потомков династии Романовых, существует.

Однако Б. Ельцин является мастером нестандартных решений. Ему предстоит сделать сложный и единственно правильный выбор в рамках действующей конституции.

Великий Князь Владимир Кириллович — Глава Российского Императорского дома до 1992 года.

Это позволит членам императорской семьи с достоинством вернуться в Россию и занять в ее общественно-политической жизни соответствующее место.

Кстати, необходимо заметить, что и Швеция, построившая свою модель социализма, и Голландия — родина капитализма, и еще с добрый десяток благополучных

западноевропейских стран являются конституционными монархиями.

И во всех этих странах монархия играла исключительно стабилизирующую роль.

Достаточно вспомнить опыт Испании, расколотой гражданской войной на два огромных враждебных лагеря. Возвращенный в страну монарх Хуан Карлос за несколько лет смог без единой капли крови объединить нацию.

Кто знает, что ждет Россию в XXI веке. Неисповедимы пути Господни...

Взаимное доверие в значительной мере основывается на хорошем, личном знании делового партнера. Не раз я убеждался, как это важно.

В новых экономических условиях торгпредство взяло на себя еще и роль посредника между российскими организациями и предприятиями, получившими право свободного выхода на зарубежный рынок, и французскими партнерами.

Некоторые мои знакомые не раз задавали вопрос:

— Зачем вам это нужно? А вдруг эти самые новоявленные «предприниматели» окажутся обыкновенными аферистами? Тогда и ваша репутация пострадает.

— Дело в том, — отвечал я, — что в экономике я не первый год. Вначале всякое бывало. Но опыт научил многому, да и отличить дилетанта от настоящего профессионала всегда смогу. А вот поддержать экономику России способны только работающие предприниматели.

Об этой и других проблемах я беседовал с Ельциным во время его визитов в Париж. Как говорится, с его благословения был открыт наш музей «Российского флага». Его экспозиция вобрала в себя предметы, символизирующие преемственность двух эпох: прежней России, память о которой бережно хранит русская эмиграция во Франции, и России новой, родившейся на баррикадах у «Белого дома».

Несомненно, мои обязанности как торгового представителя во Франции, занимают основное время. И все же

культурное наследие Франции, так тесно связанное с Россией, мы с женой не устаем «открывать» для себя. Делаем все возможное, чтобы об этом узнало как можно больше людей. Так пришла идея — отметить 100 -летие со дня основания одного из самых красивых мостов в Париже, носящего имя царя Александра III, — мост был построен в честь заключения русско-французского союза.

Уже несколько поколений французских художников не устают его рисовать, а многочисленные туристы подолгу разглядывают прекрасное творение великих зодчих.

Более ста лет назад между Россией и Францией был заключен этот альянс. Он значительно помог возрождению Франции после ее недавнего поражения в германо-французской войне. В ту пору у Франции не складывались отношения с соседней Англией. В это трудное для страны время Россия протянула ей руку помощи. В честь этого события французы решили построить мост через Сену, назвав его именем русского царя Александра III. Они также пригласили высочайшую особу заложить первый камень, но царь внезапно скончался. В мае 1896 года на престол был возведен Николай II, а в октябре того же года чета Романовых прибыла в Париж, и русский царь заложил первый камень в основание моста Александра III.

Арка из металла — 107 метров в длину и 40 в ширину — соединяет эспланаду Инвалидов с Елисейскими полями. Гирлянды цветов, аллегии на морскую тему богато декорируют сооружение. На двух пилонах правого берега представлена Франция средневековья и Франция современная, на таких же пилонах левого берега — Франция Ренессанса и эпохи Людовика XIV».

Два пилон у входа на мост — аллегии Сены и Невы — символизируют долгий и добрый союз Франции и России.

Во Франции, как нигде, особенно много соборов, зданий, сооружений, которые неразрывно связаны с рос-

сийской историей. Узнавая ее здесь, испытываешь удивительное чувство редкой сопричастности и необходимости никогда не забывать о своих корнях. Я хочу рассказать о встрече, еще раз напомнившей мне об этом.

Одним из наиболее прекрасных соборов, на мой взгляд, является Александро-Невский собор. Мы с женой неоднократно посещали его. Еще до приезда в Париж знали, что инициатором его возведения являлся магистр богословия Санкт-Петербургской духовной академии, священник русской церкви в Париже — протоиерей Иосиф Васильев.

В один из осенних дней, когда купола собора освещало яркое солнце, так похожее на наше пасхальное предвесеннее воскресенье, к нам подошел служитель собора и на хорошем русском языке спросил:

— Не хотели бы вы узнать историю нашего храма?

— Будем вам очень признательны, — обрадовалась Оксана.

— Я понял, что вы истинные русские христиане. Долгое время я живу в Париже и отметил, что в последнее время многие из России приходят к нам, но даже не знают, как следует молиться.

К сожалению, нельзя было с ним не согласиться.

— Полагаю, вы многое знаете о нашем соборе, раз так часто посещаете его.

— Да, — подтвердил я. — В сентябре 1861 года, в день Святого Александра Невского, состоялось освящение собора, построенного по проекту профессора Санкт-Петербургской Академии художеств Кузьмина, друга отца художника Поленова.

— Конечно, — тут же вспомнила Оксана. — В своем письме к родным Поленов, посетивший собор вместе с Ильей Репиным, писал, что они вместе там побывали и восхищены его архитектурой, какой-то удивительной духовной силой.

— А знаете, на чьи средства построен наш славный храм? — спросил служитель.

Увидев наше замешательство, он с энтузиазмом продолжил свой рассказ.

— Собор был построен на средства от общественных сборов. Свой вклад внесли многие православные, начиная с императора Александра II, Святейшего синода, купцов Нижегородской ярмарки, куда специально ездил протоиерей Иосиф Васильев, а также многие русские, жившие или приезжавшие в Париж, православные других национальностей: греки, сербы, французы... Мы подошли к иконостасу, поражавшему редкими по красоте фресками.

— Это работа художников Александра Бейдеману, Евграфа и Павла Сорокиных, Федора Бронникова. Поразительный факт: эти люди, судя по рассказам служителей храма, отличались большой несхожестью характеров, но святое дело, за которое они взялись, смирило их дух и во многом их сдружило.

Невольно подумалось: «Жаль, что наше святое дело демократии не смогло до конца сплотить разных по своим взглядам людей..».

— В правой части собора — икона «Вознесение Господнее» — дар императора Александра II и императрицы Марии Александровны в «возблагодарение Господа за святой Его Покров и охранение в день 25 мая 1867 года».

В этот день в Булонском лесу Антуаном Березовским было совершено покушение на императора. Тогда же в Александро-Невском соборе был отслужен молебен, на котором кроме русской императорской фамилии, присутствовали французский император Наполеон III с императрицей Евгенией.

«Здесь, в Париже, русского царя спасли, а много позже в России произошла кровавая бойня, уничтожившая полностью семью Николая II», — эта мысль болью отозвалась в сознании.

— В северной части храма находится Крест-памятник убиенной в 1918 году царской семье. Его воздвигли по

подписке представители Общества ревнителей памяти императора Николая II.

— Страшная трагедия, — сказал служитель храма, будто прочитав мои мысли. — Главное, чтобы хоть сейчас в России прекратилось любое кровопролитие.

Чтобы не говорить больше о печальном, наш седовласый соотечественник поспешил отметить:

— А какие великие люди посещали наш собор! Они пожелали, чтобы после смерти их отпевали только здесь. Так, в 1883 году — Ивана Тургенева, в 1938-м — Федора Шаляпина, в 1944-м — Василия Кандинского, в 1953-м — Ивана Бунина, в 1987-м — Андрея Тарковского, в том же году и Виктора Некрасова.

— Какая у вас отличная память, — не удержались мы.

— Таких людей невозможно забыть, это же наша общая история...

Не раз на приемах меня поражало отличное знание нашей истории французскими предпринимателями. Во многом это способствует и нашим хорошим деловым отношениям.

Долгие годы с нами сотрудничает одна из ведущих фирм Западной Европы, специализирующаяся на производстве тонких и специальных сталей, а также трубопроката для нефтегазовой промышленности. Возглавляет ее господин Жерар Клэн. По признанию самого президента — генерального директора глубокая эмоциональная привязанность у него к нашей стране не случайная. Она родилась в годы совместной борьбы против фашизма. Господин Клэн был активным участником движения Сопротивления, за что награжден орденом Почетного легиона.

Однажды, во время официального приема он сказал:

— Мне особенно импонирует ваш Президент — господин Ельцин. Он представляется мне настоящим борцом за свободу, за которую когда-то мы, французы и русские, вместе воевали.

Вместе с его женой прошли в мой кабинет. В нем несколько шкафов с книгами. На видном месте стоят три

книги Ельцина, узнаваемые по его фотографиям на обложках.

Я показал книги моим французским коллегам. На первых страницах сделаны надписи, адресованные мне и моей семье. Жена г-на Клэна с очевидным восторгом рассматривала их.

— Не удивляйтесь, — объяснил радостную реакцию своей жены г-н Клэн. — Моя жена работает в институте графологии.

— Не желаете узнать характер вашего Президента, как он изменился? — тут же предложила она. — Я неоднократно делала графологические экспертизы известным политикам. Честно говоря, характер их сильно менялся со временем.

Книги были датированы: 1990, 1994 и 1996 годами.

От столь заманчивого предложения трудно было отказаться.

Через несколько дней я получил редкий документ, в котором французские ученые тщательно проанализировали автографы Ельцина, оставленные им на титульных листах трех книг, и научно обосновали черты его характера.

Относительно первой книги от 1990 года «Исповедь на заданную тему».

Заключение французских экспертов гласит:

«Начертание букв в книге 1 явно более мелкое и сжатое, дрожащее, опрокинутое, угловатое (что, возможно, является результатом недавно перенесенной болезни). Долгая нисходящая концовка в виде охватывающего свода (элемент, отсутствующий в двух других подписях) может рассматриваться как попытка обольстить. Забота об утверждении своего Я, подчеркнутая завершающей скобкой, выражается в отчетливом, тонком, упрощенном, наклонном, довольно-таки изящном письме. Эта забота является признаком профессионализма».

«Насчет «обольстить», — невольно отметил я, — графологи явно перестарались».

Затем идет анализ подписи на второй книге Ельцина «Записки президента», 1994 год.

Время, когда был подавлен реакционный мятеж не с помощью силы, а благодаря поддержке народа и убежденности в правоте демократического пути.

«Переходя ко второй подписи, на книге «Записки президента», мы констатируем большую гибкость, более «комфортный» подход к действительности.

Заглавные буквы крупные, с завитками (и в то же время, как кажется, весьма медленные); формы несколько напряженные, но напоминающие гирлянду; нажим твердый; целое отличается все той же связанностью, «опрокинутостью» и напоминает меч, становясь все уже и уже к концу. Написание фамилии завершается буквой в виде клешни, плавно следующей за предшествующими элементами, но обращающей на себя внимание своими размерами. Это направленное вниз острие, как представляется, хочет утвердиться и запечатлеть себя в земной стихии; особым образом продленное завершение, напоминающее головку булавы, изящно охватывает сверху дату на документе, последняя же увенчивается крупной тяжеловесной точкой».

«А вот здесь они правы, — я не мог не согласиться. Ельцин действительно привык все доводить до логического конца, то есть «тяжеловесной точки».

И вот третья книга-фотоальбом. Порой фотографии могут открыть в человеке и его близких то, что трудно передать словами.

Последнее заключение французских экспертов таково:

«Подпись в третьей книге похожа на подпись 1994 года, но «гирлянда» здесь прогибается и вновь становится весьма угловатой; средняя часть относительно больше по размерам. Подпись расположена уже не горизонтально, а поднимается вверх, решительно и энергично преодолевая себя (что может отражать борьбу с проблемами, связанными со здоровьем).

В почерке этого периода буквы стоят друг с другом согласно традиционным школьным нормам (см. почерк г-жи Ельциной над подписью в книге). Этот почерк значительно более растянут, что проявляется как в расстояниях между буквами, так и в формах букв — часто подчеркнуто пухлых и вместе с тем как бы «помятых»; кроме того, почерк отличается большей прерывистостью и более отчетливо выраженным нажимом. Характер целого весьма напряженный.

Борису Ельцину свойственны ощущение контакта, чувство зрелища, вкус к импровизации. Он обладает развитыми инстинктами и не столько анализирует, сколько ощущает атмосферу; поэтому он умеет приспосабливаться к самым разным ситуациям. Это человек с множеством разных обликов, он умеет выглядеть таким, каким хочет казаться, легко выходя за рамки принятых условностей, переходя от улыбки к гневу или угрюмости.

Узнавая себя в русском народе (сам он обладает характерной русской внешностью), Борис Ельцин давно умеет ему нравиться и воплощает его жизнелюбие и грубоватость, вовсе не насилуя при этом собственную природу. Он производит впечатление, используя простые аргументы, не старается ублажать своих слушателей и не морализирует.

Русский, очень русский, сильный, пылкий, амбициозный, бурный, как река на его родном Урале, даже грубый, он тем не менее контролирует себя, не позволяя себе переходить определенную грань.

Вместо того, чтобы подолгу осаждать крепости, Борис Ельцин предпочитает брать их штурмом. Он принимается за дело не колеблясь и доводит его до конца — упорный и очень цепкий, даже если это приносит вред, он не останавливается, а облачается в доспехи и продвигается вперед с примкнутым штыком.

Тем не менее ему необходимы смены ритма; отсюда «моменты отсутствия» (большие пробелы и пустые про-

странства при письме), которые могут показаться удивительными у такого сильного лидера, но которые также позволяют рассмотреть в личности Бориса Ельцина более тонкие оттенки».

Прочитав это, первое, о чем я подумал: да, время меняет людей, иногда значительно. Полагаю, в данном случае изменения идут только на плюс.

Вообще-то я с большой долей скептицизма отношусь к такой науке, как графология. Но надо объективно признаться, что французские графологи такой высокой оценки, как Ельцину, пока еще не давали ни одному политическому деятелю.

А если подвести итог всего сказанного и недосказанного в этой книге, то объективный итог деятельности Бориса Ельцина, несмотря на значительные промахи и грубые ошибки, имеет огромный знак плюс.

Но самое главное, чего никогда нельзя забывать — это то, что в противовес В. Ленину, который со товарищи на долгие годы колонизировал Россию, навязав ей чуждую кровавую марксистскую идеологию, Б. Ельцин с немногочисленными соратниками сокрушил коммунизм в самой многострадальной стране.

Он возглавил «хрустальную революцию», хрустальную потому, что помыслы наши были чисты.

Ельцин прочно вошел в мировую историю, чего не могут отрицать ни его враги, ни друзья...

Историческая правда за Президентом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	5
Глава 1 Сентябрь 1989 года. Кто же пустит Ельцина в США?!	9
Глава 2 Сможет ли Ельцин съесть сырую рыбу?	63
Глава 3 Спасти Ельцина может только операция	81
Глава 4 Ельцин поддержал рискованные начинания	97
Глава 5 Ельцин — Президент России. Мятеж 1991 года	125
Глава 6 После путча. Многоликие «сторонники» Ельцина	157
Глава 7 Французская графология о характере Президента России	175

Ярошенко Виктор Николаевич

Ельцин: Я отвечаю за всё

Книга выпускается
в авторской редакции

Дизайн Ю.В.Дробышева

Верстка и цветоделение:
АО «ДИПОЛ»

Корректор В.Л.Авдеева

Размещение и сопровождение заказа
осуществляет фонд "Университетская книга"
Лицензия ЛР № 071351 от 23.10.96.

Подписано в печать 28.03.1997
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 8,44.
Тираж 5000 экз. Заказ № 3112

Издатель: **Редакция журнала**

Издательская лицензия ЛР № 040058 от 31.12.96
Москва, 125015, ул. Новодмитровская, 5-а

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, С.-Петербург. 9 линия. 12

*Виктор Николаевич ЯРОШЕНКО — обладатель
российского флага №1 в августе 1991 года.
В настоящее время торговый представитель
Российской Федерации во Франции.*

В 1989 году, когда началась кампания по выборам в Верховный Совет СССР, 43-летний заместитель генерального директора по экономике одного из ведущих московских научно-производственных объединений Виктор Ярошенко выдвинул свою кандидатуру. Он сделал это самостоятельно — не от парткома или райкома. В списках кандидатов он значился последним,

13-м по счету, но победил. С тех пор считает цифру 13 счастливой.

В тот год и познакомился Виктор Ярошенко с опальным тогда Борисом Ельциным. Позднее они работали вместе в составе Межрегиональной депутатской группы. Уже тогда Ярошенко увидел в Ельцине подлинного лидера будущей новой России и был рядом с ним в самые ответственные моменты.

После всенародного избрания Ельцина президентом России Ярошенко — министр внешних экономических сношений, а затем торговый представитель России во Франции — никогда не афишировал свою долгую и напряженную совместную работу с Ельциным, их дружбу. Что же заставило его взяться за перо? Скорее всего обилие книг и статей тех, кто окружил Президента после его триумфа. Порой в них много фантазии, но мало достоверности в описании событий.

Главное достоинство данной книги — честный и бескомпромиссный рассказ о пережитом. Автор решил написать правду о том, как нелегко было Ельцину и кто в самое трудное для него время не побоялся активно ему помогать. Прочитав его мемуары, познакомившись с уникальными документами, фотографиями, вы узнаете о драматических и триумфальных годах отечественной истории из первоисточника, где нет места лицемерию и фальши.

239807

РБ

12000